

Тараканы

Ю НЕСБЁ

ИНСПЕКТОР ХАРРИ ХОЛЕ В ТАИЛАНДЕ

Тараканы
Ю Несбё

Аннотация
Ю Несбё. Тараканы
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54

Аннотация

Посол Норвегии найден убитым в бангкокском борделе. В Осло спешат замять скандал и командируют в Таиланд инспектора полиции Харри Холе: ему предстоит провести расследование как можно более конфиденциально. Оказавшись в злачных местах Бангкока, среди опиумных домов и стрип-баров, Харри постепенно обнаруживает, что в деле с убийством далеко не все так очевидно, как казалось вначале. Тараканы шуршат за плинтусами. Кто-то притаился во тьме, и этот кто-то не выносит дневного света.

Ю Несбё
Тараканы

Jo Nesbø
KAKERLAKKENE

Copyright © Jo Nesbø 1998
All rights reserved
Published by agreement with Salomonsson Agency

Серия «Звезды мирового детектива»

© Т. Чеснокова, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

По слухам из норвежской колонии в Таиланде, посол Норвегии погиб в начале шестидесятых в Бангкоке вовсе не разбившись на машине – он был убит при весьма загадочных обстоятельствах. В Министерстве иностранных дел слухи не подтвердились, и труп был кремирован на следующий же день, причем от официального вскрытия отказались.

Совпадение героев и событий в романе с действительностью следует считать случайным. Действительность гораздо более невероятна.

Бангкок, 23 февраля 1998 года

Глава 1

Загорается зеленый свет, и рев машин, мотоциклов и туктуков — трехколесных мопедов-такси — нарастает, так что Дим слышит, как дребезжат стекла универмага «Робертсон». Ее машина тоже трогается с места, и витрина с длинным красным шелковым платьем остается далеко позади, растворяясь в вечерних сумерках.

Она взяла такси. Ехала не в каком-то там битком набитом автобусе, не в проржавевшем туктуке, а на настоящем такси, с кондиционером, и за рулем сидел немногословный шофер. Она с наслаждением опустила голову на подголовник. Никаких проблем. Мимо пронесся мопед, девчушка на заднем сиденье вцепилась в парня в красной футболке и шлеме с забралом: ее пустой взгляд скользнул по такси. «Держись крепче», — подумала Дим.

На улице Рамы IV шофер оказался в хвосте у грузовика, тот дымил прямо на них, да так, что из-за черного густого выхлопа не удавалось разглядеть номер. Благодаря кондиционеру запах быстро выветрился. Правда, не до конца. Дим слегка

помахала рукой перед носом, демонстрируя свое отвращение, и шофер, посмотрев в зеркальце, рванул вперед. Никаких проблем.

Так было не всегда. Она выросла в семье, где было шесть девочек. Слишком много, считал отец. Ей едва исполнилось семь лет, когда они стояли на проезжей дороге, кашляя от желтой пыли, и махали вслед повозке, подпрыгивающей вдоль коричневого канала и увозящей их старшую сестру. Ей дали с собой чистое белье, билет на поезд до Бангкока и адрес в Патпонге, записанный на обороте визитной карточки, и она, уезжая, плакала в три ручья, а Дим махала ей вслед так отчаянно, что чуть рука не отвалилась. Мать погладила младшую по головке, сказав, что все непросто, но, с другой стороны, не так уж и плохо. Во всяком случае, их сестре не придется стать квай и ходить по дворам, пока не выйдут замуж по примеру матери. К тому же мисс Вонг обещала позаботиться о девочке. Отец кивнул и, сплюнув бетель сквозь почерневшие зубы, добавил, что фаранги в барах хорошо платят за новеньких.

Дим не поняла, кто такие квай, но спрашивать не стала. Конечно же, она знала, что это слово обозначает быка. Как и многие другие в этих местах, они не имели средств, чтобы завести себе быка,

так что брали животное лишь на время, чтобы вспахать поле для риса. Позднее она узнает, что девушка, которая ходит с быком по дворам, тоже называется *квай* и что ее услуги тоже продаются. Таков обычай: может, ей повезет и она встретит крестьянина, который захочет оставить ее у себя, пока она еще не старая.

Однажды, когда Дим исполнилось пятнадцать, отец окликнул ее, приближаясь к дочке по рисовому полю: в руках он держал шапку, и солнце светило ему в спину. Она ответила не сразу и, разогнувшись, посмотрела на зеленые холмы вокруг их крохотного дворика, а потом, закрыв глаза, прислушалась к пению птицы-трубача в кронах деревьев и вдохнула аромат эвкалипта и гевеи. Она знала, что пришел ее черед.

В первый год они жили в одной комнате вчетвером. Четыре девочки делили друг с другом все: постель, еду и одежду. Важнее всего было последнее, поскольку без красивого наряда невозможно заполучить хороших клиентов. Она научилась танцевать, улыбаться, умела теперь различать, кто хочет просто выпить с ней, а кто — переспать. Отец договорился с мисс Вонг, что деньги будут посылаться домой, поэтому первые годы она прозябала в нужде, но мисс Вонг была ею довольна и

постепенно стала оставлять ей больше.

Мисс Вонг имелись причины быть довольной, ведь Дим вкалывала как проклятая и ее клиенты охотно покупали выпивку. Мисс Вонг была бы рада и дальше оставить ее у себя. Однажды какой-то японец даже вознамерился жениться на Дим, но отступил, когда она попросила купить ей билет на самолет. Еще один, американец, брал ее с собой в Пхукет, потом оплатил обратную поездку и купил ей кольцо с бриллиантом. Кольцо она заложила в ломбард на следующий день после отъезда американца.

Некоторые платили мало и посылали ее ко всем чертям, если она пыталась возражать; другие ябедничали мисс Вонг, когда Дим не соглашалась выделывать все, что они ей велели. Они не понимали, что мисс Вонг уже получила свое из тех денег, что они заплатили в баре за услуги Дим, и теперь девушка сама себе хозяйка. Хозяйка. Она вспомнила о красном платье в витрине магазина. Мать говорила правду: все непросто, но не так уж и плохо.

И она старалась сохранять невинную улыбку и веселый смех. Клиентам нравилось. Наверное, потому она и получила работу по объявлению Ван Ли в газете «Тай Рат», в разделе G.R.O., или

«Guest Relation Officer»[1]. Ван Ли — низкорослый, почти черный китаец, владелец мотеля на Сукхумвит-роуд, клиентами его были в основном иностранцы с весьма специфическими пожеланиями, но не настолько уж особыми, чтобы она не смогла их ублажить. Откровенно говоря, ей это нравилось даже больше, чем бесконечные танцульки в баре. К тому же Ван Ли хорошо платил. Единственное неудобство, пожалуй, в том, что приходилось долго добираться в его мотель из квартиры в Банглапху.

Проклятые пробки! Когда они встали в очередной раз, она сказала шоферу, что выйдет здесь, пусть даже придется пересечь шесть полос, чтобы добраться до мотеля на другой стороне улицы. Покинув такси, Дим ощутила, как воздух окутал ее, словно горячее влажное полотенце. Она двинулась вперед, зажав рот рукой, — знала, что это не поможет, в Бангкоке всегда такой воздух, но, по крайней мере, так меньше воняет.

Дим пробиралась между машинами; отпрянула в сторону от пикапа с полным кузовом парней, которые свистели ей вслед; еле увернулась от «тойоты». Наконец она на тротуаре.

---

[1] Примечания: 1

Сотрудник службы гостеприимства *(англ.)*.

Ван Ли поднял глаза, когда Дим вошла в пустой холл.

— Сегодня вечером спокойно? — спросила она.

Он раздраженно кивнул. В последний год такое случалось частенько.

— Ты уже поужинала?

— Да, — солгала она. Ей не хотелось есть водянистую лапшу, которую он варил в задней комнатенке.

— Придется подождать, — сказал он. — Фаранг сперва хочет поспать; он позвонит, когда проснется.

Она застонала.

— Ты ведь знаешь, Ли, мне надо вернуться в бар до полуночи.

Он бросил взгляд на часы.

— Дадим ему один час.

Пожав плечами, она села. Если бы она заропотала год назад, он просто вышвырнул бы ее вон, но теперь он нуждался в деньгах. Конечно, она могла бы и уйти, но тогда эта долгая поездка оказалась бы совершенно бесполезной. А кроме того, она была обязана Ли, он ведь не худший сутенер из тех, на кого ей приходилось работать.

Выкурив три сигареты, Дим пригубила горького китайского чая и подошла к зеркалу, наводя

марафет.

— Пойду разбужу его, — сказала она.

— Гм. Коньки с собой?

Она потрясла сумкой.

Ее каблуки вязли в гравии, покрывавшем открытую площадку между низенькими номерами мотеля. Номер 120 находился в глубине патио, никакой машины у двери она не увидела, но в окне горел свет. Наверное, фаранг уже проснулся. Легкий бриз приподнял ее короткую юбку, но прохлады не принес. Дим тосковала по муссону, по дождям. А ведь после нескольких недель наводнения, после покрытых илом улиц и заплесневелого белья она будет снова тосковать по знойным безветренным месяцам.

Легонько постучав в дверь, она примерила застенчивую улыбку, а на языке уже вертелся вопрос: «Как вас зовут?» Никто не отвечал. Она снова постучала, взглянув на часы. Наверняка можно будет поторговаться о том красном платье, скостить цену на сотню батов, хоть даже и в «Робертсоне». Повертев дверную ручку, она с изумлением обнаружила, что дверь не заперта.

Клиент лежал на кровати ничком и спал — это бросилось в глаза сразу. Потом она заметила голубое поблескивание прозрачной рукоятки ножа,

торчащего из спины в ярко-желтом пиджаке. Трудно сказать, какая мысль первой пронеслась в голове Дим, но одна из них наверняка была о том, что долгая поездка из Банглапху оказалась-таки напрасной. А потом Дим закричала. Но крик утонул в громком гудении трейлера на Сукхумвит-роуд, которому не давал повернуть зазевавшийся туктук.

Глава 2

— «Национальный театр», — объявил по громкоговорителю гнусавый, сонный голос, прежде чем двери открылись, и Дагфинн Торхус шагнул из трамвая в промозглое, холодное зимнее предрассветное утро. Мороз щипал свежевыбритые щеки, и в тусклом неоновом свете белел выдыхаемый пар.

Шла первая неделя января, и он знал, что потом станет легче: льды скуют фьорд и воздух сделается менее влажным. Он начал подниматься по Драмменсвейен, к Министерству иностранных дел. Мимо проехало несколько одиноких такси, в целом же улицы были почти пустынны. Часы на фасаде концерна «Йенсидиге», светящиеся красным на фоне черного зимнего неба, показывали шесть.

На входе он достал пропуск. «Начальник отдела», — было написано над фотографией молодого Дагфинна Торхуса, на десять лет моложе нынешнего, смотрящего в объектив фотоаппарата целеустремленным взглядом через очки в стальной оправе, выставив вперед подбородок. Он

провел пропуском по считывающему устройству, набрал код и толкнул тяжелую стеклянную дверь на площади Виктория-террасе.

Далеко не все двери открывались столь же легко в те времена, когда он двадцатипятилетним парнем пришел сюда работать, а было это почти тридцать лет назад. В «дипшколе» — так назывались мидовские курсы для стажеров — он выделялся своим эстердальским диалектом и «деревенскими замашками», как говорил один его однокурсник из Бэрума. Другие стажеры были политологами, экономистами, юристами, их родители имели высшее образование и были политиками или частью той мидовской верхушки, куда стремились их дети. А он — простой крестьянский парень, выпускник сельскохозяйственного института в Осе. Не то чтобы это было так важно лично для него, но он понимал: для дальнейшей карьеры ему нужны настоящие друзья. Дагфинн Торхус осваивал социальные коды и вкалывал больше других, чтобы уравновесить собственный статус. Но, несмотря на различия, всех их объединяло одно: смутное представление о том, кем они станут. Ясным было только направление: наверх.

Вздохнув, Торхус кивнул охраннику, когда

тот протянул ему в стеклянное окошко газеты и конверт.

— Кто на месте?

— Вы, как всегда, первый, Торхус. Конверт — из курьерской службы, его доставили ночью.

Торхус поднимался на лифте, следя за тем, как гаснут и загораются цифры этажей. Ему представлялось, что каждый этаж здания символизирует этап его карьеры, и каждое утро все эти этапы вновь проходили перед его взором.

Первый этаж — первые два года стажерства, долгие, ни к чему не обязывающие дискуссии о политике и истории, уроки французского, который стоил ему невероятных мучений.

Второй этаж — консульский департамент. Первые два года Торхус провел в Канберре, потом еще три — в Мехико-Сити. Чудесные города, грех жаловаться. Разумеется, он бы предпочел Лондон и Нью-Йорк, но то были слишком уж престижные места, туда стремились попасть все. Так что он решил не воспринимать такой поворот карьеры как поражение.

Третий этаж — снова служба в Норвегии, уже без солидных надбавок за работу за рубежом и за квартиру, позволявших жить в относительной роскоши. Он встретил Берит, она забеременела,

а когда подошло время для новой загранкомандировки, они ждали уже второго. Берит родилась в тех же краях, что и он, и каждый день говорила по телефону со своей матерью. Он решил немного подождать, работал не жалея сил, писал километровые отчеты о торговых отношениях с развивающимися странами, сочинял речи для министра иностранных дел, заслуживая похвалу на верхних этажах. Нигде в госаппарате не существовало такой жесткой конкуренции, как в МИДе, и ни в одном другом месте иерархия не была настолько наглядной. На работу Дагфинн Торхус шел, как солдат в атаку: пригнув голову, не показывая спину и открывая огонь, едва кто-то окажется на мушке. Впрочем, пару раз его дружески похлопали по плечу, и тогда он понял, что «замечен», и попытался объяснить Берит, что сейчас самое время отправиться в командировку в Париж или Лондон, но тут она впервые за всю их тихую семейную жизнь заартачилась. И он сдался.

Дальше — четвертый этаж, новые отчеты и наконец должность секретаря, небольшая прибавка к окладу и место в департаменте кадров на втором этаже.

Получить работу в мидовском департаменте

кадров — знаковое событие, оно обычно означало, что путь наверх открыт. Но что-то не сложилось. Департамент кадров совместно с консульским департаментом рекомендовали соискателей на различные посты в загранаппарате, то есть непосредственно влияли на карьерный рост остальных коллег. Возможно, он подписал не тот приказ, не дал кому-то хода, а этот человек потом стал его начальником, и теперь в его руках те невидимые нити, которые правят жизнью Даг-финна Торхуса и других мидовских сотрудников.

Как бы то ни было, движение наверх как-то незаметно прекратилось, и в одно прекрасное утро он вдруг увидел в зеркале ванной типичного начальника департамента, бюрократа средней руки, которому никогда уже не подняться на пятый этаж за оставшийся какой-то десяток лет до пенсии. Если, конечно, не совершить подвига, который все заметят. Но подобные подвиги плохи тем, что за них если не повысят в должности, то наверняка выгонят с работы.

Так что оставалось лишь вести себя как прежде, пытаясь хоть в чем-то опередить других. Каждое утро он первым являлся на работу, преспокойно успевал просмотреть газеты и факсы и уже имел готовые выводы, когда остальные коллеги еще

только протирали глаза на летучках. Целеустремленность вошла в его плоть и кровь.

Он открыл дверь кабинета и замешкался на мгновение, прежде чем включить свет. У этого тоже была своя история — история о налобном фонарике. Причем, увы, просочившаяся наружу и гулявшая, он знал, по всему МИДу. Много лет назад норвежский посол в США вернулся на некоторое время в Осло и как-то ранним утром позвонил Торхусу, спросив, что тот думает о ночном выступлении президента Картера. Торхус только-только вошел в свой кабинет и еще не успел ознакомиться со свежими газетами и факсами, а потому не сумел дать немедленного ответа. Как и следовало ожидать, день был загублен. Дальше — больше. На следующее утро посол позвонил снова, как раз в тот момент, когда Торхус развернул газету, и спросил, каким образом ночные события могут повлиять на положение на Ближнем Востоке. Назавтра послу снова потребовались какие-то ответы. И Торхус тоже пролепетал что-то невразумительное за недостатком информации.

Он начал приходить на работу еще раньше, чем прежде, но у посла, похоже, было седьмое чувство, поскольку каждое утро его звонок разда-

вался именно в тот момент, когда Торхус только садился за стол.

Так продолжалось, пока начальник департамента, случайно узнав, что посол живет в маленьком отеле «Акер» прямо напротив МИДа, не догадался, в чем дело. Всем было известно, что посол любит вставать ни свет ни заря. Он не мог не заметить, что свет в кабинете Торхуса загорается раньше, чем в других, и решил разыграть пунктуального чиновника. Тогда Торхус купил себе налобный фонарик и на следующее утро успел просмотреть все газеты и факсы, не зажигая люстры. И сидел так с налобником почти три недели, пока посол не сдался.

Но теперь Дагфинну Торхусу было наплевать на шутника посла. Он открыл конверт, в нем оказалась расшифровка шифрограммы, под грифом «совершенно секретно». Прочитав сообщение, он пролил кофе на докладные записки, лежавшие на столе. Короткий текст оставлял простор для фантазии, но суть заключалась в следующем: посол Норвегии в Таиланде, Атле Мольнес, найден с ножом в спине в одном из борделей Бангкока.

Торхус перечитал сообщение еще раз, прежде чем отложить его в сторону.

Атле Мольнес, бывший политик и член Христи-

анской народной партии, бывший председатель комитета по финансам, стал теперь бывшим и во всех остальных отношениях. Это казалось столь невероятным, что Торхус невольно бросил взгляд в сторону отеля «Акер» — не притаился ли там кто за гардинами? Но отправителем сообщения являлось норвежское посольство в Бангкоке. Торхус чертыхнулся. Ну почему это случилось именно теперь и именно в Бангкоке? Не следует ли сперва известить Аскильсена? Нет, тот сам скоро обо всем узнает. Торхус посмотрел на часы и поднял телефонную трубку, чтобы позвонить министру иностранных дел.

Бьярне Мёллер осторожно постучал в дверь и вошел. Голоса в переговорной утихли, все повернулись в его сторону.

— Бьярне Мёллер, руководитель убойного отдела, — представила его глава Полицейского управления и жестом пригласила садиться. — Мёллер, а это статс-секретарь Бьёрн Аскильсен из канцелярии премьер-министра и Дагфинн Торхус, начальник департамента МИДа.

Мёллер кивнул, выдвинул стул и попытался засунуть свои длиннющие ноги под большой овальный дубовый стол. Кажется, он уже видел моложавое, веселое лицо Аскильсена по теле-

визору. Неужели он и впрямь из канцелярии премьер-министра? Значит, неприятности случились немаленькие.

— Прекрасно, что вы смогли так быстро прийти, — произнес, картавя, статс-секретарь, нетерпеливо барабаня пальцами по столу. — Ханне, расскажи ему вкратце, о чем мы здесь говорили.

Начальник Полицейского управления позвонила Мёллеру двадцать минут назад и без всяких объяснений велела явиться в МИД в течение четверти часа.

— Атле Мольнес найден мертвым в Бангкоке. Предположительно он был убит, — начала она.

Мёллер увидел, как начальник департамента МИДа при этих словах закатил глаза за очками в стальной оправе. Выслушав историю до конца, Мёллер понял его реакцию. Надо быть полицейским, чтобы сказать про человека, найденного с ножом, точащим из спины слева от лопатки и вошедшим сквозь левое легкое в сердце, что тот «предположительно убит».

— Его нашла в гостиничном номере женщина…

— В борделе, — поправил ее чиновник в стальных очках. — И нашла его проститутка…

— Я беседовала с коллегой из Бангкока, — про-

должала начальница. — Он человек разумный и обещал пока не предавать это дело огласке.

Мёллер спросил было, зачем так тянуть с этой самой оглаской, ведь оперативное освещение в прессе часто помогало полиции получить нужные сведения, пока люди кое-что помнят и следы еще свежие. Но что-то подсказывало ему, что подобный вопрос сочтут слишком наивным. Вместо этого Мёллер поинтересовался, как долго они рассчитывают все это скрывать.

— Надеемся, что долго, до тех пор, пока не сложится приемлемая версия, — ответил Аскильсен. — Та, что мы имеем на сегодня, не годится.

Та, что имеем? Мёллер ухмыльнулся. Так значит, подлинную версию уже рассмотрели и отбросили. Как новоиспеченный начальник отдела, Мёллер до сих пор был избавлен от общения с политиками, однако он знал: чем выше у человека должность, тем опаснее для него не знать реальной картины жизни.

— Как я понимаю, имеющаяся версия довольно неприятна, но что значит «не годится»?

Начальница предостерегающе взглянула на Мёллера. Статс-секретарь слабо улыбнулся.

— У нас мало времени, Мёллер, но позвольте мне преподать вам экспресс-курс практической

политики. Все, что я сейчас скажу, разумеется, строго конфиденциально. — Он машинально поправил узел галстука, это движение Мёллер вспомнил по его телеинтервью. — Итак. Впервые за всю послевоенную историю у нас появилось центристское правительство, причем достаточно жизнеспособное. Но не потому, что для этого имеется общая парламентская платформа, а потому, что премьер-министр наконец-то перестал быть самым непопулярным политиком в стране.

Начальник Полицейского управления и мидовский чиновник усмехнулись.

— Популярность строится на том же хрупком фундаменте, что и любой политический капитал, — на доверии. Неважно, насколько политик симпатичен или харизматичен, главное — что он пользуется доверием избирателей. Знаете ли вы, Мёллер, почему была так популярна Гру Харлем Брунтланд?

Мёллер понятия не имел почему.

— Вовсе не потому, что она была такая очаровашка, а потому, что люди гордились тем, что она — именно та, за кого себя выдает. Доверие, вот что важно.

Все вокруг стола закивали. Обязательный ритуал.

— Атле Мольнеса и премьер-министра связывает дружба и политическая карьера. Они вместе учились, вместе продвигались вверх по партийной линии, боролись за модернизацию партийной молодежной организации и вместе радовались, когда оба, еще молодые, были избраны в стортинг. Именно Мольнес добровольно отступил в тень, когда оба они вошли в число лидеров партии. И оказал безоговорочную поддержку премьер-министру, так что партия избежала борьбы за власть в своих рядах. Из всего этого следует, что премьер-министр питает к Мольнесу чувство благодарности.

Аскильсен облизнул пересохшие губы и выглянул в окно.

— В общем, Мольнес не стажировался в МИДе и вряд ли попал бы в Бангкок, если бы премьер-министр не нажал на все кнопки. Возможно, это выглядит как непотизм, но это форма узаконенного непотизма, возникшего и получившего широкое распространение в эпоху правления Рабочей партии. Рейульф Стен тоже не был карьерным дипломатом, когда получил должность посла в Чили. — Его глаза снова обратились к Мёллеру, и в них заплясал насмешливый огонек. — Мне, наверное, нет необходимости подчеркивать, что

это дело может повредить репутации премьер-министра, если станет известно, что его друг и соратник по партии, которого он сам же отправил в командировку, был найден in flagranti[2], а к тому же и убитым.

Статс-секретарь жестом предложил продолжить начальнику Полицейского управления, но тут Мёллер снова не удержался:

— У кого же нет друга, который не побывал бы в борделе!

На лице Аскильсена застыло подобие улыбки, а мидовец в стальных очечках кашлянул:

— Вы узнали то, что вам положено знать, Мёллер. И будьте так любезны, оставьте оценку этих событий нам. Все, что нам нужно, — это чтобы расследование… не приняло нежелательного характера. Разумеется, мы все хотим, чтобы убийца или убийцы были схвачены, однако обстоятельства этого дела до поры до времени не должны разглашаться. Ради блага страны. Вы понимаете?

Мёллер посмотрел на свои руки. Ради блага страны. Держать язык за зубами. Этого в его роду никто не умел. Его отец так и остался простым полицейским констеблем.

---

[2] Примечания: 2
На месте преступления *(лат.)*.

— Как показывает опыт, господин начальник департамента, скрывать правду бывает довольно трудно.

— Да, пожалуй. Я буду отвечать за операцию по линии МИДа. Как вы понимаете, это весьма деликатное дело, и оно требует, чтобы таиландская полиция работала на нас, а не против нас. Раз тут замешано посольство, у нас имеется определенная свобода действий — дипломатическая неприкосновенность и все такое прочее, но все равно мы ходим по лезвию ножа. А потому мы хотели бы, чтобы туда был послан кто-то, кто имеет некоторый опыт подобных расследований и сотрудничества с полицией других стран и кто способен добиться результата.

Он умолк и посмотрел на Мёллера, который пытался понять, чем ему так неприятен этот бюрократ с агрессивным подбородком.

— Мы могли бы сформировать совместную команду…

— Никакой команды, Мёллер. Чем меньше шума, тем лучше. Кроме того, начальник Полицейского управления объяснила нам, что, если мы заявимся туда большой командой, это вряд ли облегчит сотрудничество с местной полицией. Так что нужен всего один человек.

Один?

— Ваша начальница уже предложила нам кандидатуру, и мы по достоинству оценили ее предложение. Собственно, это ваш подчиненный, и мы хотели бы услышать ваше мнение о нем. Как следует из беседы начальника Полицейского управления с коллегой из Сиднея, этот ваш кандидат отлично показал себя при расследовании убийства Ингер Холтер в прошлом году.

— Я прошлой зимой читал об этой истории в газетах, — вставил Аскильсен. — Впечатляюще. Так значит, это ваш человек?

Бьярне Мёллер судорожно сглотнул. Вон оно как, начальник Управления предложила, чтобы в Бангкок поехал Харри Холе. А сюда его позвали затем, чтобы он их заверил, что Харри Холе — наилучший из кандидатов, превосходный работник.

Он обвел взглядом людей за столом. Политика, власть и влияние. Он ни хрена не понимает в этих играх, но смекнул, что дело в той или иной степени касается его собственного блага. Очень важно, что именно он сейчас ответит и как поступит: последствия скажутся на его дальнейшей карьере. Начальник Управления сама предложила это имя. Но кто-то из этих бюрократов захотел

услышать, что думает о Холе непосредственный шеф. Мёллер взглянул на начальницу и попробовал прочитать в ее глазах, что же ему делать. Конечно, может статься, что Холе все сделает по высшему разряду. И если сейчас отсоветовать им посылать его подчиненного, не выставит ли он тем самым свою начальницу в невыгодном свете? Тогда его попросят назвать другое имя, а если названный кандидат загубит все дело, то может получиться, что на плаху ляжет его, Бьярне, собственная голова.

Мёллер поднял глаза на картину, висящую над головой начальницы: с высоты на него взирал Трюгве Ли, генсек ООН. Еще один политик. За окнами виднелись крыши многоэтажек в сереньком зимнем свете, крепость Акерсхус и дрожащий от ветра флюгер на макушке отеля «Континенталь».

Бьярне Мёллер считал себя хорошим полицейским, но тут было что-то иное, он не знал правил этой игры. Что бы посоветовал отец? Да уж, он всегда держался подальше от политики, констебль Мёллер. Но он всегда разумел, что важно, а что нет, и отменил свой запрет на учебу сына в Полицейской академии после того, как тот с отличием окончил первый курс юридического отделения.

И так далее. Бьярне сделал так, как сказал отец, и после выпускных мероприятий отец все покашливал да покашливал, хлопая сына по спине, пока тот не попросил отца прекратить.

— Хорошее предложение, — услышал Бьярне Мёллер свой собственный голос, да еще такой громкий и отчетливый.

— Прекрасно, — сказал Торхус. — Причина, по которой мы хотели как можно скорее услышать от вас ответ, состоит в том, что дело это срочное. Пусть ваш кандидат оставит все дела и займется нашей проблемой завтра же.

Ну что же, может быть, Холе как раз сейчас и нужно именно такое задание, попытался утешить себя Мёллер.

— Сожалею, что мы забираем у вас такого ценного работника, — проговорил Аскильсен.

При этих словах шеф убойного отдела Бьярне Мёллер едва удержался от смеха.

Глава 3

Они нашли его в «Шрёдере» на улице Вальдемара Тране — старинном респектабельном кабачке на перекрестке, где западный район Осло встречается с восточным. В кабачке, честно говоря, более старинном, нежели респектабельном. Респектабельность заключалась лишь в том, что городская инспекция по охране памятников объявила это коричневое, прокуренное помещение архитектурным наследием. Но это не повлияло на клиентуру, гонимую и истребляемую породу старых пропойц, вечных студентов — выходцев из крестьян — и потасканных донжуанов, давно вышедших в тираж.

Когда сквозняк из двери на время развеял дымовую завесу, двое полицейских увидели рослого мужчину, который сидел под старинной картиной с изображением Акерской церкви. Его светлые волосы были острижены так коротко, что торчали ежиком, а трехдневная щетина на худом запоминающемся лице отливала сединой, хотя мужчине вряд ли было сильно за тридцать. Он сидел в полном одиночестве, выпрямившись,

не снимая короткого пальто, словно в любую секунду мог подняться и уйти. И словно кружка пива, стоящая перед ним на столе, была для него не удовольствием, а работой, которую предстояло сделать.

— Нам сказали, мы найдем тебя здесь, — произнес старший из двоих и сел на стул напротив мужчины. — Я инспектор Волер.

— Видите вон того человека, за столиком в углу? — спросил Холе, не поднимая глаз.

Волер повернулся и взглянул на тощего старика: тот сидел, уставившись в бокал с красным вином и покачиваясь взад-вперед. Казалось, он мерз.

— Тут его зовут «последний из могикан». — Холе поднял голову и широко улыбнулся. Глаза его напоминали бело-голубые шарики в сеточке красных прожилок, и взгляд их уперся Волеру в рубашку. — Военный моряк, — отчеканил Холе. — Раньше их здесь было много, а теперь осталась жалкая горстка. Этого торпедировали дважды во время войны. И он считает себя бессмертным. На прошлой неделе я нашел его в сугробе на улице Глюкстадгата, после закрытия кабака. Вокруг ни души, кромешная тьма, мороз восемнадцать градусов, а он спит. Когда я вернул его к жизни, он

только посмотрел на меня и послал к черту. — Он расхохотался.

— Послушай, Холе…

— А вчера вечером я подошел к его столику и спросил, помнит ли он, что с ним случилось: как-никак я спас мужика от верной гибели на морозе. И знаете, что он ответил?

— Холе, тебя разыскивает Мёллер.

— Он ответил, что бессмертен. «Я-то могу жить и никому не нужным моряком в этой дерьмовой стране. Но чертовски обидно, что сам святой Петр ничего не может поделать». Нет, вы слышали? Сам святой Петр…

— У нас приказ доставить тебя в Управление.

На столе перед Холе появилась новая кружка пива.

— Счет, Вера, — сказал он.

— Двести восемьдесят, — ответила та, не глядя в блокнот.

— О боже, — пробормотал младший из двоих полицейских.

— Сдачи не надо, Вера.

— Спасибо, — сказала она и удалилась.

— Лучший в городе сервис, — объяснил Харри. — Тебя замечают сразу, не надо размахивать обеими руками.

Волер прижал ладони к ушам, так что на лбу натянулась кожа и по нему зазмеилась синяя жила.

— Нам некогда рассиживаться здесь и выслушивать пьяные байки, Холе. Предлагаю тебе оставить эти последние пол-литра…

Холе осторожно поднес кружку к губам и выпил.

Волер перегнулся через стол, пытаясь говорить тише:

— Я знаю тебя, Холе. Не люблю я тебя. Думаю, давно тебя надо было выгнать из полиции. Такие типы, как ты, только подрывают доверие людей к полицейским. Но мы пришли не поэтому. Нам велено забрать тебя отсюда. Шеф человек добрый, он хочет дать тебе шанс.

Тут Холе рыгнул, и Волер отшатнулся назад.

— Какой еще шанс?

— Шанс проявить себя, — вставил младший полицейский, и на лице его появилась мальчишеская улыбка.

— А я могу и здесь показать, на что я способен, — улыбнулся в ответ Холе, поднес кружку к губам и запрокинул голову.

— Черт тебя подери, Холе! — Волер побагровел, глядя, как ходит туда-сюда кадык Холе, перекаты-

ваясь по небритой шее.

— Ну что, довольны? — и Холе стукнул перед собой пустой кружкой.

— Наша работа…

— Плевать я на нее хотел. — Харри застегнул пальто. — Если Мёллеру что-то нужно, пусть позвонит мне или дождется, пока я приду завтра на работу. А теперь я пошел домой. Надеюсь, что в ближайшие двенадцать часов не буду лицезреть ваши рыла. Прощайте, господа.

Харри поднялся из-за стола, выпрямившись во все свои метр девяносто, и слегка пошатнулся.

— Задавака чертов, — прошипел Волер, качнувшись на стуле. — Хренов лузер. Если бы только газетчики, которые писали о тебе после Австралии, знали, как мало дел…

— Каких дел, Волер? — Холе продолжал улыбаться. — Отметелить подвыпивших подростков в камере за панковский гребень на голове?

Младший полицейский украдкой взглянул на Волера. В прошлом году в Полицейской академии поговаривали о каких-то молодых панках-анархистах, которых задержали за распитие пива в общественном месте и избили в камере апельсинами, завязанными в мокрое полотенце.

— Чувством корпоративной солидарности ты

никогда не отличался, Холе, — заявил Волер. — Ты думаешь только о себе. Всем известно, кто именно был за рулем той машины в районе Виндерена. И почему хорошему полицейскому разнесло череп о придорожный столб. Да потому, что ты алкаш и сел за руль под парами, Холе. Тебе чертовски повезло, что у нас в Управлении это дело убрали под сукно, а зря, стоило бы подумать и о семье погибшего, и о мнении других сотрудников…

Младший полицейский был новичком и старался ежедневно извлекать из всего уроки. В этот день он, к примеру, узнал, что глупо оскорблять собеседника, покачиваясь на стуле, поскольку оказываешься совершенно беззащитным, когда оскорбляемый вдруг наклоняется вперед и врезает тебе правой между глаз. Обидчик валится на пол, но посетители «Шрёдера» умолкают лишь на миг, а потом гул голосов нарастает снова.

Помогая Волеру подняться, младший увидел, как фалды пальто Холе мелькнули в дверях.

— Черт, неплохо после восьми кружек пива, а? — проговорил он, но тут же прикусил язык, встретившись взглядом с Волером.

Харри небрежно зашагал по обледенелой мостовой Доврегата. Костяшки пальцев вроде бы не болели, — боль и раскаяние подождут до зав-

трашнего утра.

В рабочее время он не пил. Пока. Даже если это бывало раньше и доктор Эуне утверждал, что каждый новый срыв начинается там, где закончился предыдущий.

У врача, седоволосого, тучного, — вылитый Питер Устинов — аж затрясся двойной подбородок, когда Харри втолковывал ему, что держится подальше от своего старого недруга «Джима Бима» и пьет только пиво. Притом что от пива не в восторге.

— Ты же был в сточной канаве, и в тот момент, когда открываешь новую бутылку, ты снова туда же скатываешься. Тут нет никакого промежуточного состояния, Харри.

Ну что ж. Он как-никак добирался до дома на своих двоих, не забывал снимать с себя одежду, ходил на работу. Так было не всегда. Это Харри и называл промежуточным состоянием. Ему надо было лишь чуть-чуть глотнуть на ночь, чтобы уснуть. Вот и все.

Какая-то девица в меховой шапке поздоровалась, когда он проходил мимо. Знакомая? Прошлой весной с ним многие здоровались на улице, особенно после его интервью в «Редакции 21», где ведущая, Анне Грусволл, спросила, каково

это — застрелить серийного убийцу.

— Да так. Во всяком случае, приятнее, чем сидеть здесь и отвечать на подобные вопросы, — ответил он с усмешкой, и его слова стали хитом весеннего сезона, главной цитатой после нетленного «Овцы — они нормальные животные»[3].

Харри вставил ключ в замок подъезда. Улица Софиесгате. И зачем только он переехал осенью в этот район Осло, Бишлет. Может, потому, что соседи в Тёйене начали как-то странно посматривать на него, сторониться, а он принимал эту дистанцию за уважение к своей персоне.

Ладно, местные соседи его не беспокоили, хотя выходили на лестничную клетку и проверяли, все ли в порядке, когда он изредка вечером спотыкался на ступеньках и скатывался вниз по лестнице.

Эти падения начались в октябре, после того как он уперся лбом в стену, расследуя дело Сестрёныша. Тогда из него словно выпустили воздух и снова стало мерещиться всякое разное. Харри знал только один способ избавиться от видений.

Он попытался взять себя в руки, отправился

---

[3] Примечания: 3

Это сказала профессор криминологии Лив Финстад в 80-е годы, отстаивая сельскохозяйственную политику марксистского «Красного избирательного альянса».

вместе с Сестрёнышем на дачу в Рауланне, но сестра замкнулась после жестокого изнасилования и уже не смеялась, как прежде. Пару раз Харри звонил отцу, но разговоры получились недолгими, довольно скоро становилось ясно: отец хочет, чтобы его оставили в покое.

Харри вошел в квартиру, закрыв за собой дверь, громко крикнул, что он дома, и удовлетворенно кивнул, не получив никакого ответа. Монстры в разных обличьях посещали его, но, пока их нет на кухне, он мог рассчитывать на то, что ночью спокойно уснет.

Глава 4

Едва Харри вышел из подъезда, как на него набросился холод, так неожиданно, что он захлебнулся ледяным ветром. И, подняв глаза к рдеющему небу над крышами домов, открыл рот и выдохнул вкус желчи и «колгейта».

На площади Хольберга он как раз успел на трамвай, следовавший по Вельхавенссгате. Найдя свободное место, развернул «Афтенпостен». Еще одно дело о педофилии. За последние месяцы такое случалось уже трижды: норвежцев взяли на месте преступления в Таиланде.

В передовице напоминалось о предвыборном обещании премьер-министра активнее расследовать преступления на сексуальной почве, в том числе и за границей, и задавался вопрос, когда же будет виден конкретный результат.

В комментарии к статье статс-секретарь Бьёрн Аскильсен информировал, что продолжается работа по заключению соглашения между Норвегией и Таиландом о расследовании преступлений, совершенных норвежцами-педофилами, и что этот договор позволит активизировать усилия

полиции.

«Давно пора! — писал в заключение редактор „Афтенпостен“. — Народ ждет результатов. Христианский народный премьер-министр не может допустить, чтобы эти мерзости продолжались».

— Войдите!

Харри открыл дверь и посмотрел вниз, на широко зевающего Бьярне Мёллера, вытянувшегося на стуле, так что его длинные ноги торчали из-за письменного стола.

— Гляди-ка. А я ждал тебя вчера, Харри.

— Мне сообщили.

Харри сел.

— Я не хожу на работу, когда пьян. И наоборот. Принцип, которого я стараюсь придерживаться.

Он надеялся, что фраза прозвучит иронически.

— Полицейский является полицейским все двадцать четыре часа в сутки, Харри, пьян он или нет. Мне пришлось уговаривать Волера не писать на тебя рапорт, понимаешь?

Харри пожал плечами, давая понять: он сказал все, что хотел сказать.

— О’кей, Харри, не будем из-за этого ругаться. У меня есть для тебя работа. Думаю, ты ее не заслужил, но я все равно собираюсь тебе ее дать.

— Ты не огорчишься, если я скажу, что она мне

не нужна? — спросил Харри.

— Оставь эти штучки сыщику Марлоу, Харри, они тебе не идут, — резко оборвал его Мёллер.

Харри усмехнулся. Он знал, что шеф его любит.

— Я даже не сказал, о чем речь.

— Ну, раз ты посылаешь за мной машину в мой выходной, то наверняка речь идет не о регулировании уличного движения.

— Почему ты не даешь мне слова сказать?

Харри, хохотнув, наклонился вперед:

— Сказать честно, шеф?

Неужто честно, думал было переспросить Мёллер, но лишь кивнул.

— Я сейчас не гожусь для важных дел, шеф. Я исхожу из того, что ты сам видишь, как я работаю. Вернее, *не* работаю. Или едва-едва. Я выполняю свои обязанности, пытаюсь не переходить дорогу другим и соблюдать трезвость в течение дня. На твоем месте я предложил бы эту работу кому-нибудь другому.

Мёллер вздохнул, медленно подтянул ноги и поднялся со стула.

— Хочешь начистоту, Харри? Если бы решал я, то работу получил бы другой. Но они хотят именно тебя. Поэтому ты очень бы меня выручил, Харри, если…

Харри внимательно посмотрел на шефа. Бьярне Мёллер не раз помогал ему в трудных ситуациях в последний год, и понятно, что рано или поздно придется возвращать должок.

— Стоп! Кто это *они*?

— Люди на руководящих постах. Которые могут превратить мою жизнь в ад, если не получат того, что хотят.

— А я что за это получу?

Мёллер как можно строже насупил брови, но ему всегда было трудно сохранять суровое выражение на своем по-мальчишески открытом лице.

— Что *ты* получишь? Свою зарплату. Пока тебе ее не перестали платить. Вот ее и получишь, черт подери!

— Я плохо разбираюсь во всем этом, шеф. Получается, кто-то из этих твоих людей решил, что этот парень, Холе, который в прошлом году навел порядок в Сиднее, чертовски способен и твое дело только построить этого типа. Я ошибаюсь?

— Харри, будь так добр, не заводись.

— Значит, я не ошибся. И вчера я тоже все правильно понял, когда увидел рыло этого Волера. Поэтому я хорошенько все обдумал, и вот мое предложение: я буду паинькой, готов приступить

к работе, а когда все будет выполнено, ты дашь мне двух штатных следаков на два месяца и неограниченный доступ ко всем базам.

— О чем это ты?

— Ты знаешь о чем.

— Если ты опять насчет изнасилования твоей сестры, то могу тебе только посочувствовать, Харри. Ты ведь помнишь, что дело прекращено.

— Я помню, шеф, помню и тот отчет, где было написано, что у нее синдром Дауна, а потому не исключено, что она вообще все выдумала про изнасилование, чтобы скрыть, что забеременела от случайного знакомого. Спасибо, я все помню.

— Не было никаких улик…

— Она сама хотела все это скрыть. Господи, я же был в ее квартире в Согне и случайно увидел в грязном белье лифчик, весь пропитанный кровью. Я заставил ее показать мне грудь. Насильник отрезал ей соски, и она больше недели ходила, таясь, истекая кровью. Она-то думала, что все люди такие же добрые, как она, и когда тот тип сначала угостил ее ужином, а потом спросил, не хочет ли она посмотреть фильм в его гостиничном номере, она просто решила, что он очень любезен. И если бы она даже вспомнила, в каком именно номере это произошло, то все равно было

бы поздно: там все уже пропылесосили, вымыли, постельное белье сменили раз двадцать после всего случившегося. Так что, естественно, никаких улик не нашли.

— Никто не помнил, чтобы там видели окровавленные простыни…

— Я работал в отеле, Мёллер. Ты удивишься, если узнаешь, сколько окровавленных простыней меняют там в течение пары недель. Постояльцы только и делают, что кровят.

Мёллер решительно покачал головой.

— Прости. У тебя был шанс доказать это, Харри.

— Недостаточно, шеф. Его было недостаточно.

— Всегда бывает недостаточно. И надо где-то подвести черту. С нашими ресурсами…

— По крайней мере, дай мне свободу действий. Хоть на один месяц.

Мёллер внезапно поднял голову и подмигнул. Харри понял, что его разоблачили.

— Ах ты, хитрец, тебе всегда была по душе работа, разве нет? Тебе просто захотелось поторговаться?

Харри выпятил нижнюю губу и покачал головой. Мёллер посмотрел в окно. Испустил тяжкий вздох.

— Ладно, Харри. Посмотрим, что получится. Но так как ты провинился, я вынужден принять кое-какие меры, которых от меня давно ждут в Управлении. Ты понимаешь, что это означает?

— Да уж как не понять, — улыбнулся Харри. — Что за работа?

— Надеюсь, летний костюмчик висит наготове и ты помнишь, куда в последний раз положил свой паспорт. Твой самолет вылетает через двенадцать часов, и ты окажешься очень далеко отсюда.

— Чем дальше, тем лучше, шеф.

Харри сидел на стуле у двери тесной социальной квартирки в районе Согн. Сестра, притулившись у окна и глядя на снежинки, кружащиеся в свете уличного фонаря, несколько раз шмыгнула носом. А поскольку сидела она спиной к Харри, то он не мог понять, простуда это или грусть по поводу скорого расставания. Сестра жила здесь вот уже два года и прекрасно справлялась сама. После того, что с ней случилось — изнасилования и аборта, — Харри, взяв с собой кое-что из одежды и туалетные принадлежности, переехал в ее квартирку. Прожил он там всего несколько дней, а потом она заявила ему, что достаточно. Она теперь большая.

— Я скоро вернусь, Сестрёныш.

— А когда?

Она сидела так близко к оконному стеклу, что всякий раз, когда она говорила, на нем проступало туманное пятно. Харри сел сзади и положил ей руку на спину. Уловил легкую дрожь и понял, что сестра вот-вот заплачет.

— Как только поймаю этих нехороших людей. Тогда сразу же и вернусь.

— Это…

— Нет, это не он. Им я займусь потом. Ты говорила сегодня с папой?

Она качнула головой. Харри вздохнул.

— Если он не будет звонить тебе, позвони ему сама, прошу тебя. Ты можешь сделать это для меня, Сестрёныш?

— Папа никогда не разговаривает, — прошептала она.

— Папе плохо, потому что умерла мама.

— Но это было так давно.

— Вот и настало время заставить его снова говорить, Сестрёныш, и ты должна мне в этом помочь. Поможешь? Правда?

Она повернулась к нему, не говоря ни слова, обняла его и зарылась лицом в его шею.

Он погладил ее по голове, чувствуя, как рубаш-

ка становится мокрой от ее слез.

Чемодан собран. Харри позвонил доктору Эуне и объяснил, что едет в служебную командировку в Бангкок. Больше ему сказать было нечего, и он вообще не понимал, зачем звонит. Может, потому, что приятно позвонить кому-нибудь, кому интересно, где это ты пропадаешь? Харри даже подумал, а не звякнуть ли и официантам в «Шрёдер».

— Возьми с собой шприцы с витамином B, которые я тебе дал, — сказал Эуне.

— Зачем?

— Они облегчат тебе жизнь, если захочешь оставаться трезвым. Новая обстановка, Харри, это, знаешь ли, хороший повод.

— Я об этом подумаю.

— Хватит уже думать, Харри.

— Да знаю я. Вот поэтому мне и не нужны шприцы.

Эуне закряхтел. Это была его манера смеяться.

— Из тебя бы комик вышел, Харри.

— Я на правильном пути.

Парнишка, один из обитателей дешевого пансиона, стоял у стены, дрожа от холода в своей тесной детской курточке и дымя окурком, и гля-

дел, как Харри затаскивает чемодан в багажник такси.

— Уезжаете?

— Именно так.

— На юг?

— В Бангкок.

— Один?

— Ага.

— Say no more…[4]

И он подмигнул Харри, подняв кверху большой палец.

Харри взял билет у дамы за стойкой регистрации и обернулся.

— Харри Холе? — У мужчины были очки в стальной оправе, и он грустно улыбался.

— А вы?

— Дагфинн Торхус из МИДа. Мы хотели пожелать вам счастливого пути. А также удостовериться, что вы понимаете… всю деликатность задания. Все произошло очень быстро.

— Спасибо за заботу. Я понял, что моя задача — найти убийцу, не вызывая огласки. Мёллер уже проинструктировал меня на этот счет.

— Отлично. Главное — это секретность. Никому

---

[4] Примечания: 4

Можешь дальше не рассказывать… *(англ.)*

не доверяйте. Не полагайтесь на людей, которые будут выдавать себя за сотрудников МИДа. Может статься, что они на самом деле, ну, к примеру, из газеты «Дагбладет».

Торхус открыл рот, словно собираясь рассмеяться, но Харри понял, что он говорит серьезно.

— Журналисты из «Дагбладет» не носят значок МИДа на лацкане пиджака, господин Торхус. Или плащ, когда на дворе январь. Я, кстати, понял из документов, что вы будете моим контактным лицом в министерстве.

Торхус кивнул, словно бы сам себе. А потом, выставив вперед подбородок, заговорил вполголоса:

— Скоро ваш рейс, так что долго я вас не задержу. Но постарайтесь услышать то, что я вам скажу.

Он вынул руки из карманов пальто и скрестил их на груди.

— Сколько вам лет, Холе? Тридцать три? Тридцать четыре? Вы все еще способны сделать карьеру. Я навел о вас справки. Вы талантливы, вас ценит начальство. И покровительствует вам. Все так и будет продолжаться, пока дела идут хорошо. Но едва вы дадите маху, как тут же окажетесь в дерьме, и тогда вы можете увлечь за

собой и вашего патрона. Тут вы и обнаружите, что так называемые друзья вдруг подевались кто куда. Так что если быстро бегать не получается, то попытайтесь хотя бы удержаться на ногах, Холе. Для общего блага. Поверьте, это добрый совет старого конькобежца. — Он улыбнулся одними губами, в то время как глаза его изучающе смотрели на Харри. — Знаете что, Холе, меня всегда охватывает чувство обреченности, когда я оказываюсь в аэропорту Форнебю. Обреченности и отступления.

— Да что вы говорите! — сказал Харри и подумал, успеет ли купить пива в баре до вылета. — Да ладно. Здесь можно ощутить и кое-что хорошее. Обновление например.

— Хочется надеяться, — сказал Торхус. — Хочется надеяться.

Глава 5

Харри Холе поправил солнцезащитные очки и взглянул на вереницу такси возле международного аэропорта Дон Муанг. Казалось, он попал в ванную, где только что выключили горячий душ. Он уже знал: от высокой влажности никакие ухищрения ни черта не помогают. Пусть себе пот стекает по телу, просто надо думать о чем-нибудь другом. Хуже со светом. Сквозь дешевый залапанный пластик очков он бил в остекленевшие от алкоголя глаза, вызывая очередной приступ головной боли, до поры тихонько пульсировавшей в висках.

— 250 baht or metel taxi, sil?

Харри пытался понять, что хочет сказать стоящий перед ним таксист. Перелет оказался сущим адом. В аэропорту Цюриха продавались только немецкие книжки, а в самолете показывали «Освободите Вилли-2».

— Лучше по счетчику, — сказал Харри.

Разговорчивый датчанин, сидевший рядом с ним в самолете, ничуть не смутившись тем фактом, что Харри был в стельку пьян, засыпал его

советами о том, как избежать обмана в Таиланде, — тема поистине неисчерпаемая. Датчанин придерживался мнения, что все норвежцы — очаровательные простофили, а потому святой долг каждого датчанина — предостеречь их от надувательства.

— Ты должен везде торговаться, — поучал его датчанин. — Это главное, понял?

— А что будет, если я не стану торговаться?

— Тогда ты разоришь всех нас.

— Каким образом?

— Из-за тебя взлетят цены, и в Таиланде все станет дороже для тех, кто приедет после нас.

Харри внимательнее взглянул на собеседника. Бежевая рубашка «мальборо», новенькие кожаные сандалии. Надо бы еще выпить.

— Сюрасак-роуд, сто одиннадцать, — сказал Харри, и шофер, улыбаясь, поставил чемодан в багажник и распахнул дверь такси. Харри забрался внутрь, заметив, что руль находится справа. — У нас в Норвегии переживают, что англичане не хотят отказываться от левостороннего движения, — проговорил он, пока они тряслись по шоссе. — Но недавно я услышал, что, оказывается, тьма народу ездит по левой, а не по правой стороне. Знаете, кто это?

Шофер посмотрел в зеркальце и улыбнулся еще шире.

— Сюрасак-роуд, yes?

— Китайцы, потому что в Китае левостороннее движение, — пробормотал Харри, радуясь, что дорога разрезает туманный, уставленный небоскребами ландшафт, словно прямая серая стрела. Потому что еще парочка крутых виражей — и омлет от «Свисс-Эйр» вылетит на заднее сиденье. — Почему счетчик не включен?

— Сюрасак-роуд, пятьсот батов, yes?

Харри откинулся на сиденье и посмотрел на небо. Вернее, он поднял глаза, но никакого неба не было видно, только мутная поволока, подсвеченная невидимым солнцем. Вот он, Бангкок, «город ангелов». Ангелы носили марлевые маски и, разрезая воздух ножом, пытались вспомнить, какого цвета было небо в прежние времена.

Должно быть, он уснул, а когда открыл глаза, такси стояло. Он приподнялся на сиденье и увидел, что вокруг полным-полно машин. Лавчонки, открытые прилавки и мастерские лепились друг к другу вдоль тротуаров, кишащих народом, причем у всех прохожих был такой вид, будто они точно знают, куда направляются. И очень туда спешат. Шофер открыл окно, и к звукам радио

примешалась городская какофония. В раскаленном салоне пахло выхлопом и потом.

— Пробка?

Шофер с улыбкой покачал головой.

На зубах у Харри заскрипело. Что он там такое читал про свинец, который мы вдыхаем: он рано или поздно оседает в мозгах? И от этого мы становимся склеротиками. Или психами?

Вдруг, словно по мановению волшебной палочки, машины снова двинулись с места, между ними, словно яростные насекомые, засновали мотоциклы и мопеды, отчаянно бросаясь наперерез в полнейшем презрении к смерти. Харри насчитал четыре вполне аварийные ситуации.

— Даже странно, что никого не задели, — сказал Харри, чтобы сказать хоть что-нибудь.

Шофер взглянул в зеркальце и расплылся в улыбке.

— Задели. И не раз.

Когда они наконец остановились возле Управления полиции на Сюрасак-роуд, Харри уже решил про себя, что город ему не нравится. Надо будет сделать дело, стараясь поменьше дышать, и первым же самолетом, какой будет, вернуться домой в Осло.

— Добро пожаловать в Бангкок, *Халли.*

Начальник Управления, низенький, чернявый, вероятно, решил продемонстрировать, что и здесь, в Таиланде, умеют приветствовать друг друга на западный манер. Он стиснул руку Харри и энергично затряс ее, широко улыбаясь.

— Сожалею, что мы не смогли встретить вас в аэропорту, но уличное движение в Бангкоке… — и он показал рукой на окно позади себя. — По карте это совсем недалеко, но…

— Я понимаю, что вы имеете в виду, сэр, — ответил Харри. — В посольстве мне сказали то же самое.

Они стояли друг против друга, не говоря ни слова. Начальник полиции все улыбался. В дверь постучали.

— Войдите!

В дверной проем просунулась гладко выбритая голова.

— Входите, Крамли. Прибыл норвежский детектив.

Вслед за головой показалось тело, и Харри дважды сморгнул, чтобы удостовериться, что глаза его не обманывают. У Крамли были широкие плечи, а рост почти как у Харри, на скулах перекатывались желваки, ярко-синие глаза сияли над прямым тонкогубым ртом. Картину довершали

голубая полицейская рубашка, здоровенные кроссовки «найк» и юбка.

— Лиз Крамли, старший инспектор убойного отдела, — сказал начальник полиции.

— Говорят, ты просто суперски расследуешь убийства, Харри, — произнесла она с сильным американским акцентом и встала перед ним, подбоченившись.

— Вот как! Не знаю, правда ли я…

— Не знаешь? Но ведь случилось что-то важное, раз уж тебя послали через пол земного шара, а?

— Точно.

Харри прикрыл глаза. Вот в чем он меньше всего сейчас нуждался, так это в чересчур деятельной тетке.

— Я здесь, чтобы оказать помощь. Если смогу ее оказать. — Он заставил себя улыбнуться.

— Значит, настало время протрезветь, Харри?

Начальник полиции за ее спиной издал легкий смешок.

— Они тут у нас такие, — громко и отчетливо произнесла Крамли, словно шефа рядом и не было. — Делают все возможное, чтобы никто не потерял лицо. Именно сейчас он пытается спасти твое лицо. Я не шучу. Я отвечаю за убойный отдел, и когда мне что-то не нравится, я говорю об

этом прямо. Здесь это считается дурным тоном, но я все равно так поступаю вот уже десять лет.

Харри закрыл глаза.

— Вижу по твоей красной физиономии, что ты меня не одобряешь, Харри, но я не буду работать с пьяным инспектором, имей в виду. Приходи завтра. А сейчас я поищу кого-нибудь, кто отвезет тебя на твою квартиру.

Харри покачал головой и прокашлялся:

— Это аэрофобия!

— Что?

— Страх летать на самолетах. Джин-тоник помогает. А физиономия у меня красная, потому что джин начал выходить через поры.

Лиз Крамли посмотрела на него долгим взглядом. Потом почесала свой блестящий череп.

— Печально, инспектор. А как насчет смены часовых поясов? Сонливость не наблюдается?

— Ни в одном глазу.

— Отлично. Мы забросим тебя в квартиру по пути к месту преступления.

Квартира, которую ему выделило посольство, находилась в фешенебельном комплексе прямо напротив отеля «Шангри-Ла». Она была крохотная и по-спартански обставленная, но в ней имелись ванная и вентилятор у кровати, а из

окна открывался вид на широченную коричневую реку Чао-Прайя. Харри устроился у окна. Длинные узкие деревянные лодки скользили туда-сюда, вздымая грязную воду своими моторами на длинных транцах. На другом берегу недавно построенные отели и торговые центры высились над сплошной массой домов из белого камня. Оценить размеры города было трудно, кварталы терялись в желто-коричневой мгле, но Харри предположил, что город большой. Очень большой. Он распахнул окно, и в квартиру ворвался уличный шум. Во время перелета у него заложило уши, но теперь он, поднявшись на лифте, впервые услышал, как оглушительно грохочет этот город.

Машина Крамли, стоявшая далеко внизу, была похожа на коробку из-под бутербродов. Харри открыл теплую банку пива, захваченную еще в самолете, и с удовлетворением отметил, что местное «Сингха» ничуть не лучше норвежского. Остаток дня казался уже более приемлемым.

Глава 6

Инспектор Крамли налегала на клаксон. В буквальном смысле. Навалилась грудью на руль громадного джипа «тойота», и машина гудела не переставая.

— Это совсем не по-тайски, — сказала она с улыбкой. — К тому же бесполезно. Сигналь не сигналь, тебя все равно не пропустят. Это что-то буддийское. Но я не собираюсь под них подлаживаться. Я, черт побери, из Техаса и не такая, как они.

И она вновь навалилась на руль, но водители вокруг демонстративно отворачивались.

— Значит, он так и лежит в номере мотеля? — спросил Харри, подавив зевок.

— Распоряжение сверху. Обычно мы производим вскрытие как можно быстрее и на следующий же день кремируем тело. Но хотят, чтобы ты все сам осмотрел. Не спрашивай меня зачем.

— Я ведь суперски расследую убийства, или ты уже забыла?

Она покосилась в его сторону, а потом повернула направо, проскочив в образовавшийся между

машинами промежуток, и нажала на газ.

— Ты не очень-то рисуйся, красавчик. Думаешь, наверное, что тайцы считают тебя стоящим парнем, потому что ты фаранг. На самом деле скорее наоборот.

— Фаранг?

— Белый. Гринго. Полупренебрежительно-полунейтрально. Не забывай, что тайцы самолюбивы, даже если они обходятся с тобой почтительно. К счастью для тебя, со мной сегодня там будут два молодых полицейских, на которых ты наверняка произведешь впечатление. Во всяком случае, я на это надеюсь, для твоего же блага. Но если напьешься, у тебя появятся большие проблемы с нашим отделом.

— О господи, я уже начал думать, что ты здесь решаешь все.

— Так оно и есть.

Они выехали на автостраду, и она решительно выжала педаль газа, игнорируя недовольное ворчание мотора. Уже начало смеркаться, на западе вишнево-красное солнце опускалось в дымку между небоскребов.

— Во всяком случае, закаты от смога еще красивее, — сказала Крамли, словно отвечая на его мысли.

— Расскажи мне, как у вас тут обстоит с проституцией, — попросил Харри.

— Примерно так же, как с автомобильным движением.

— Это я понял. Но как она работает, каким образом организована? Это что, традиционная уличная проституция, с сутенерами, борделями и мамками, или шлюхи здесь на фрилансе? Ходят по барам, занимаются стриптизом, дают объявления в газетах, охотятся за клиентами в торговых центрах?

— Все перечисленное и даже больше. Чего в Бангкоке нельзя попробовать, того вообще пробовать не стоит. Но большинство работает все же в стрип-барах, они танцуют там и пытаются раскрутить клиентов на спиртное, с чего получают проценты. Владельцы баров не отвечают за девочек, только дают им возможность зарабатывать, а те, в свою очередь, обязаны сидеть там до закрытия бара. Ежели клиент захочет снять девочку, он должен купить ее на остаток вечера. Деньги получает хозяин бара, а девочка обычно тоже рада: ей не надо стоять на сцене весь оставшийся вечер и крутить задом.

— Для хозяина, похоже, отличная сделка.

— То, что девочка получает потом, идет прями-

ком ей в карман.

— Та, которая нашла нашего норвежца, тоже из бара?

— Именно так. Она работает в одном из баров сети мотелей «Кинг Краун» в Патпонге. Нам также известно, что иностранцам с особыми пожеланиями владелец мотеля предоставляет девочек по вызову. Но разговорить эту девушку очень непросто, поскольку в Таиланде и за проституцию, и за сводничество наказывают одинаково. Она твердит, что жила в мотеле и просто ошиблась дверью.

Лиз Крамли объяснила, что Атле Мольнес, по всей вероятности, заказал себе женщину сразу по прибытии в мотель, однако администратор, он же владелец, упорно отрицает это и повторяет, что просто сдал ему номер.

— Приехали.

Джип остановился перед низеньким каменным домиком белого цвета.

— Лучшие бордели Бангкока явно питают слабость к древнегреческим названиям, — саркастически заметила Лиз, выходя из машины.

Харри взглянул на большую неоновую вывеску, извещавшую, что мотель называется «Олимпусси». Буква «м» то и дело мигала, а «л» и вовсе не

горела, отчего вид у заведения был унылый, как у норвежского придорожного гриль-бара.

Сам же мотель напоминал американский вариант: двухместные номера располагались вокруг патио, возле каждого номера имелась собственная парковка. Вдоль всей стены тянулась веранда, где постояльцы могли отдохнуть в серых от сырости плетеных креслах.

— Уютное местечко.

— Ты не поверишь, но когда оно только появилось, во время войны во Вьетнаме, то стало самым горячим в городе. Построено для сексуально озабоченных американских солдат, приехавших для «R&R».

— «R&R»?

— «Rest & Rehabilitation»[5]. В народе это называли «I&I»: «Intercourse & Intoxication»[6]. Солдаты прилетали сюда из Сайгона в двухдневный отпуск. Без U. S. Army секс-индустрия в этой стране никогда не стала бы тем, чем является сегодня. А одна из улиц Бангкока, прозванная «Сой-Ковбой» в честь одного из сутенеров, теперь называется так официально.

---

[5] Примечания: 5
«Отдых и реабилитация» *(англ.).*

[6] Примечания: 6
«Сношение и отравление» *(англ.).*

— А чем им там не нравилось? Ведь здесь-то почти деревня.

— Солдаты, которые тосковали по дому, больше всего хотели трахать девочек стопроцентно по-американски, а это значит — в машине или мотеле. Поэтому здесь и выстроили такой. В центре города они брали напрокат американские машины. Даже пиво в мини-барах номеров было исключительно американское.

— Господи, а ты-то откуда все это знаешь?

— Мать рассказывала.

Харри повернулся к ней, но, хотя оставшиеся неоновые буквы «Олимпусси» и светили голубоватым светом ей на макушку, было слишком темно, чтобы разглядеть выражение ее лица. Прежде чем войти в мотель, она натянула фуражку поглубже.

Номер был обставлен скромно, но грязноватые шелковые обои свидетельствовали о лучших временах. Харри поежился. Но не при виде желтого костюма, облегчающего идентификацию убитого: Харри знал, что только члены Христианской народной партии и Партии прогресса могли добровольно разгуливать в подобной одежде. И не из-за ножа с восточным орнаментом на рукоятке, приколовшего желтый пиджак к спине, так что

он вздыбился на плечах неэлегантным горбом. Нет, просто-напросто оттого, что в номере стоял жуткий холод. Крамли объяснила ему, что в здешнем климате трупы разлагаются очень быстро, и когда стало известно, что инспектора полиции из Норвегии придется ждать почти двое суток, то включили кондиционеры на полную мощность — на десять градусов и максимальную скорость вентиляции.

Тем не менее мухи выжили и в таких условиях и роем взвились над трупом, когда двое молодых таиландских полицейских осторожно перевернули его на спину. Угасший взор Атле Мольнеса устремился вниз, словно он пытался разглядеть носки собственных ботинок «Ессо». Посол на свои пятьдесят два не выглядел, вероятно, из-за мальчишеского чубчика. Выгоревший от солнца, взъерошенный, он упал ему на лоб, будто продолжая жить своей отдельной жизнью.

— Жена и дочь-подросток, — сказал Харри, — они что, не были здесь и не видели его?

— Нет. Мы проинформировали норвежское посольство, и нам обещали известить семью. А до тех пор у нас распоряжение никого сюда не пускать.

— Это распоряжение от сотрудника посоль-

ства?

— Да, от советника посольства. Не помню, как ее зовут…

— Тонье Виг?

— Точно. Она просто в лице изменилась, когда мы перевернули убитого, чтобы установить его личность.

Харри изучающе посмотрел на посла. Был ли он привлекательным мужчиной? Таким, который, несмотря на безобразный костюм и складки жира на животе, мог покорить сердце молодой женщины — советника посольства? Загорелая кожа приобрела землистый оттенок, и синий кончик языка торчал наружу, словно пытался протиснуться между губами.

Харри сел на стул и огляделся вокруг. Внешность после смерти меняется быстро, и он достаточно навидался трупов, чтобы усвоить, что долго разглядывать их смысла нет. Все секреты, таящиеся в человеческой душе, Атле Мольнес унес с собой навсегда, а здесь осталась лишь пустая, покинутая оболочка.

Харри пододвинул стул к кровати. Оба молодых полицейских наклонились к нему поближе.

— Что ты видишь? — спросила Крамли.

— Я вижу норвежского потаскуна, который

случайно оказался еще и послом, так что от комментариев я воздержусь из уважения к королю и отчизне.

Лиз недоуменно подняла на него глаза, вглядываясь.

— Несмотря на хорошие кондиционеры, пахнуть от него не перестало, — сказал он. — Но это уже моя проблема. Что же касается этого парня… — Харри ощупал челюсти мертвого посла. — Ригор мортис. Он окоченел, но трупное окоченение начинает проходить, два дня спустя это нормально. Язык синий, однако нож в спине об удушении не свидетельствует. Надо проверить.

— Уже проверили, — ответила Крамли. — Посол пил красное вино.

Харри что-то пробормотал в ответ.

— Наш врач говорит, смерть наступила между шестнадцатью и двадцатью двумя часами, — продолжала она. — Посол покинул свой кабинет в половине девятого утра, а девушка нашла его около одиннадцати вечера, что несколько сужает временные границы.

— Между шестнадцатью и двадцатью двумя часами? Да это же целых шесть часов.

— Хорошо считаете, инспектор. — Крамли скре-

стила руки на груди.

— Между прочим, — взглянул на нее Харри, — в Осло мы обычно устанавливаем время смерти в пределах двадцати минут, если труп найден через несколько часов после убийства.

— Это потому, что вы там живете на Северном полюсе. А тут, когда на улице тридцать пять градусов, температура трупа не падает так резко. Время смерти устанавливается по ригор мортис, а это очень приблизительно.

— А что с трупными пятнами? Они обычно выступают через три часа после смерти.

— Сорри. Как ты сам видишь, посол любил загорать, так что пятна незаметны.

Харри провел указательным пальцем по ткани пиджака в том месте, где торчал нож. Под ногтем у него оказалось серое, похожее на вазелин вещество.

— Что это такое?

— Вероятно, орудие убийства было смазано жиром. Образцы посланы на анализ.

Харри быстро обыскал карманы покойного и извлек на свет коричневый потертый бумажник. Там оказались купюра в пятьсот батов, мидовское удостоверение и фотография улыбающейся девочки, лежащей на чем-то вроде больничной

койки.

— Вы нашли у него что-нибудь еще?

— Ничегошеньки, — ответила Крамли и сняла с себя фуражку, чтобы отгонять круживших в номере мух. — Мы только проверили, что при нем было, и положили все обратно.

Расстегнув на трупе ремень, Харри приспустил его брюки, потом опять перевернул тело на живот. Затем задрал пиджак и рубашку.

— Смотрите. Немного крови стекло по спине.

Он оттянул резинку трусов «Довре».

— И еще между ягодицами. Следовательно, его убили не в постели, а закололи, когда он стоял. По высоте, на которую пришелся удар ножом, и по углу этого удара можно судить о росте убийцы

— Только если мы предположим, что убийца, нанося удар, стоял рядом с жертвой, — добавила Крамли. — Но ведь убитый мог быть зарезан, лежа на полу, и тогда кровь потекла вниз, когда его перетаскивали на кровать.

— В таком случае кровь осталась бы на ковре, — возразил Харри, натянул на мертвого брюки, застегнул ремень и опять повернулся в ее сторону. — Кроме того, не надо ничего выдумывать, ты и сама это знаешь. Ведь ваши техники уже обнаружили волокна от ковра на его костюме,

не так ли?

Она не отвела взгляда, но Харри понял, что разоблачил ее маленькую хитрость. Лиз едва кивнула, и он повернулся обратно к трупу:

— Плюс некая виктимологическая деталь, возможно подтверждающая, что он ждал даму.

— Вот как?

— Видите его ремень? Когда я его расстегнул, он был застегнут не на обычную, разношенную дырочку, а на две дырочки туже. Немолодые располневшие мужчины, встречаясь с молоденькими дамами, норовят утягиваться.

Трудно было сказать, какое впечатление произвели его слова на окружающих. Тайцы переминались с ноги на ногу, но их юные каменные лица не выражали ничего. Крамли откусила обломок ногтя и выплюнула, едва разжав губы.

— А здесь у нас, значит, мини-бар. — Харри распахнул дверцу маленького холодильника. — «Сингха», «Джонни Уокер» и «Канадиан Клаб» в маленьких флакончиках, бутылка белого вина. Похоже, тут ничего не трогали. Что у нас еще? — обратился Харри к двум тайцам.

Те переглянулись, потом один из них указал пальцем на двор.

— Машина.

Они вышли на стоянку, где стоял синий «мерседес» последней модели с дипломатическими номерами. Один из полицейских открыл дверцу со стороны водителя.

— Ключи? — спросил Харри.

— Лежали в кармане пиджака у… — и полицейский кивнул в сторону мотеля.

— Отпечатки пальцев?

Таец растерянно взглянул на шефа. Та кашлянула:

— Естественно, мы проверили ключи на отпечатки, Холе.

— Я не спросил, сняли ли вы отпечатки, меня интересует, *что* вы нашли.

— Там были его собственные отпечатки. Если мы тебе еще не успели об этом доложить.

Харри сдержался, чтобы не ответить резкостью.

В салоне сиденья и пол были завалены всяким барахлом. Харри заметил несколько журналов, кассеты, пустые сигаретные пачки, банку колы и сандалии.

— Что еще вы нашли?

Один из полицейских достал список и зачитал его. Кажется, его зовут Нхо, так он говорил? Иностранные имена нелегко запомнить. Наверное,

то же верно в отношении его собственного имени. Нхо был по-мальчишески худощав, коротко подстрижен, с открытым, приветливым лицом. Но Харри знал, что через несколько лет это выражение изменится.

— Стоп, — сказал он. — Можешь повторить последние слова?

— Билеты тотализатора, сэр.

— Посол, видимо, посещал скачки, — сказала Крамли. — Что же, популярный вид спорта в Таиланде.

— А это что такое?

Харри наклонился к водительскому месту и поднял прозрачную пластиковую ампулу, застрявшую в щели между спинкой и сиденьем.

Полицейский заглянул в свой список, но ничего такого там не нашел.

— В подобных ампулах выпускается жидкий экстези, — объяснила Крамли, подойдя поближе, чтобы рассмотреть находку.

— Экстези? — Харри покачал головой. — Пожилые христианские демократы, может, и трахаются в бардаках, но наркотики не употребляют.

— Ампулу проверим, — ответила Крамли.

Было заметно, что она недовольна — еще бы, проморгать такую улику.

— А теперь посмотрим, что у нас сзади, — продолжал Харри.

Багажник машины был настолько же опрятен и чист, насколько захламленным оказался салон.

— Аккуратист, — заключил Харри. — В салоне, скорее всего, хозяйничают жена и дочка, но в багажник он их не пускает.

В свете карманного фонарика, наведенного Крамли, блеснул ящик с инструментами. Здесь все сверкало чистотой, и лишь немного известки на отвертке говорило о том, что этот инструмент использовали.

— Еще немного виктимологии, ребятки. Предполагаю, что Мольнес особенно рукастым не был. Этот инструмент ни разу не вступал в контакт с двигателем. Зато его использовали, чтобы повесить дома, на каменной стенке, скажем, семейный портрет.

В тот же миг у него над ухом восторженно взвыл комар. Харри хлопнул себя по щеке, ощутив ладонью влажный холод собственной кожи. Солнце уже село, но жара не спадала, зато ветер стих, и казалось, что влага сама выступает из пригорка у них под ногами и так пропитывает воздух, что его можно пить, как воду. Рядом с запасным колесом лежал домкрат, с виду тоже ни разу не исполь-

зовавшийся, и еще узкий коричневый кожаный кейс, вполне уместный в машине дипломата.

— Что в кейсе? — спросил Харри.

— Он заперт, — ответила Крамли. — Автомобиль формально считается территорией посольства и поэтому не входит в нашу юрисдикцию, так что мы не имеем права его вскрывать. Но если среди нас представитель Норвегии, то мы, возможно…

— Сожалею, но у меня нет дипломатического статуса, — сказал Харри, достал кейс из багажника и положил его на землю. — Но я утверждаю, что этот предмет больше не находится на норвежской территории, и поэтому предлагаю вам вскрыть его, пока я схожу в холл и побеседую с владельцем мотеля.

И Харри медленным шагом пересек патио. Ноги отекли после авиаперелета, рубашка намокла от пота, хотелось пить. Если не считать всего этого, то снова заняться делом оказалось не так уж и плохо. С последнего раза прошло немало времени. Он заметил, что «м» на вывеске тоже погасла.

Глава 7

«Ван Ли, менеджер», — было написано на визитке, которую протягивал Харри человек за стойкой; возможно, это был намек, что лучше бы зайти как-нибудь в другой раз. Костлявый, в цветастой рубашке, владелец мотеля прищурился, всем своим видом показывая, что не желает иметь с Харри никаких дел, по крайней мере сейчас. Он уткнулся в бумаги, но, увидев, что Харри все еще тут, недовольно фыркнул.

— Я смотрю, вы очень занятой человек, — сказал Харри. — Поэтому предлагаю побыстрее закончить беседу. Главное, чтобы мы поняли друг друга. Я ведь иностранец, а вы таец…

— Я не таец. Я китаец, — снова фыркнул он.

— Отлично, значит, и вы тут иностранец. Суть в том, что…

Из-за стойки послышались какие-то вздохи, вероятно означающие презрительный смех. Во всяком случае, Ван Ли открыл рот, показав редкие коричневые зубы.

— Никакой я не иностранец. Китаец. Это мы двигаем Таиланд вперед. Нет китайцев — нет

бизнеса.

— Прекрасно. Вы бизнесмен, Ван. Тогда у меня есть деловое предложение. Вы владеете местным борделем, это факт, сколько бы вы ни перелистывали свои бумажки.

Китаец решительно качнул головой.

— Никаких шлюх. Просто мотель. Сдаю номера.

— Да успокойтесь же, меня интересует только убийство, я не занимаюсь сутенерами. И не собираюсь заниматься ими. А потому у меня есть деловое предложение. В Таиланде не особенно присматриваются к публике вроде вас, хотя бы потому, что вас таких здесь много. И просто заявить на вас, думаю, бесполезно, вы наверняка заносите кому-то баты в конверте, чтобы вас не прищучили. Поэтому вы нас и не особенно-то боитесь.

Владелец мотеля вновь замотал головой.

— Никаких денег. Это незаконно.

Харри улыбнулся.

— Насколько мне известно, Таиланд занимает третье место в мире по уровню коррупции. Пожалуйста, не держите меня за идиота.

И Харри понизил голос. Угрозы, как правило, действуют эффективнее, когда произносятся спо-

койным тоном.

— Ваша проблема, да и моя тоже, заключается в том, что убитый в гостиничном номере — дипломат моей страны. И если мне придется доложить о наших подозрениях, что убийство совершено в борделе, дело приобретет политическую окраску, и тогда ваши друзья из полиции уже не смогут вам помочь. Местные власти будут вынуждены прикрыть мотель, а Ван Ли окажется в тюрьме. Таким образом, они проявят добрую волю и продемонстрируют, что в этой стране соблюдают закон. Не так ли?

Трудно было угадать по непроницаемому азиатскому лицу, попал ли Харри в цель.

— Можно пойти иным путем, и тогда я доложу, что этого человека пригласила на свидание женщина, а мотель был выбран случайно.

Китаец взглянул на Харри. И часто заморгал, словно ему в глаз попала соринка. Потом он повернулся, откинул ковер, за которым скрывался дверной проем, и махнул Харри рукой. За ковром оказалась крохотная комнатенка, в ней стояли стол и два стула, и китаец жестом пригласил Харри сесть. Он поставил перед ним чашку и налил в нее чаю из чайничка. Воздух наполнился резким ароматом перечной мяты, даже в глазах

защипало.

— Ни одна из девочек не хочет здесь больше работать, пока в мотеле остается труп, — произнес Ванг. — Когда вы его уберете?

Бизнес есть бизнес в любой стране мира, подумал Харри и зажег сигарету.

— Это зависит от того, как скоро мы выясним, что здесь произошло.

— Тот человек прибыл сюда около девяти вечера и сказал, что ему нужен номер. Изучил меню и заявил, что хочет видеть Дим, но сперва он должен отдохнуть. Сказал, что позвонит и вызовет ее. Я напомнил ему, что он обязан внести почасовую оплату. Он согласился и получил ключ.

— Что значит меню?

Китаец протянул ему что-то, действительно похожее на меню. Харри полистал бумажки. Там были фотографии юных таек — в костюме медсестры, в ажурных чулочках, в тесных лакированных корсетах и с плеткой в руках, в школьной форме и с косичками и даже в форме полицейского. Под каждым фото, под заголовком «Важная информация», указывался возраст, цена и квалификация. Харри заметил, что девушкам от восемнадцати до двадцати двух лет, цены колеблются от тысячи до трех тысяч батов и чуть

ли не каждая из девочек владеет иностранным языком и имеет опыт работы медсестрой.

— Он приехал один? — спросил Харри.

— Да.

— В его машине тоже никого не было?

Ван покачал головой.

— А почему вы так в этом уверены? У «мерседеса» тонированные стекла, а вы сидели в холле…

— Обычно я выхожу во двор, чтобы самому все проверить. Бывает, что кто-нибудь берет с собой товарища. Если их двое, они должны заплатить за двухместный номер.

— Понимаю. Двухместный номер — двойная цена?

— Ничего не двойная, — и Ванг снова обнажил гнилые зубы. — Вскладчину дешевле.

— Что произошло потом?

— Не знаю. Тот человек подъехал на машине к номеру сто двадцать, где теперь и лежит. Номер расположен в глубине патио, и я мало что мог разглядеть в темноте. Я позвонил Дим, она приехала сюда и стала ждать вызова. Прошло некоторое время, и тогда я сам послал ее в номер клиента.

— А в кого вырядилась Дим? В кондуктора трамвая?

— Нет-нет, — и Ван перелистал меню, а затем

с гордостью показал фото юной улыбающейся тайки в коротком платьице с серебряными блестками и в белых коньках. Она выставила вперед одну ногу, чуть присев на другой и разведя руки в стороны, будто только что успешно откатала программу. На загорелом лице были намалеваны крупные рыжие веснушки.

— Имеется в виду… — недоверчиво произнес Харри и прочел имя, стоявшее под фотографией.

— Да-да, Тоня Хардинг. Та, которая победила других американок, та самая, красоточка. Дим может изобразить ее, если хотите…

— Нет, спасибо, — ответил Харри.

— Она очень популярна. Особенно среди американцев. Умеет плакать когда захочешь.

И Ван провел указательным пальцем по ее щекам.

— Она нашла его в номере лежащим с ножом в спине. Как это случилось?

— Дим прибежала сюда и ужасно кричала.

— Как, прямо на коньках?

Ван укоризненно посмотрел на Харри.

— Коньки надевают, уже сняв трусы.

Харри согласился, что так и правда удобнее, и махнул рукой, призывая китайца продолжать.

— Мне больше нечего сказать, господин поли-

цейский. Мы вернулись в номер и удостоверились, что все так и есть, а затем я запер дверь и позвонил в полицию.

— По словам Дим, дверь была открыта, когда она вошла в номер. И все-таки, была ли она приоткрыта или просто не заперта?

Ван пожал плечами.

— Дверь была закрыта, но не заперта. Это важно?

— Никогда не знаешь, что может оказаться важным. Вы не заметили поблизости от номера кого-нибудь еще тем вечером?

Ван покачал головой.

— А где у вас книга посетителей? — спросил Харри, начавший уставать от этого разговора.

Китаец вскинул глаза.

— Нет никакой книги.

Харри молча смотрел на него.

— Нет никакой книги, — повторил китаец. — Зачем нам она? Сюда же никто не станет приходить, если придется регистрироваться и сообщать имя и адрес.

— Я не идиот, Ван. Никто и не думает о регистрации, но сами-то вы, разумеется, ведете запись. Так, на всякий случай. Здесь наверняка попадаются важные персоны, и книга посетителей

может пригодиться, если у вас в один прекрасный день возникнут проблемы. Не правда ли?

Китаец по-лягушачьи заморгал.

— Не капризничайте, Ван. Тому, кто не замешан в убийстве, нечего бояться. Особенно если он не публичная персона. Слово чести. Ну, давайте сюда книгу.

Она оказалась маленьким блокнотом, и Харри быстро просмотрел странички, заполненные убористыми записями с непонятными тайскими значками.

— Сюда придет один из полицейских и сделает копию, — сказал он.

У «мерседеса» его дожидались все трое. Горели фары, и на освещенном патио лежал вскрытый кейс.

— Нашли что-нибудь?

— Похоже, у посла были особые сексуальные пристрастия.

— Знаю. Тоня Хардинг. Я называю это сексуальным извращением.

Внезапно Харри застыл перед кейсом. В желтых лучах фар отчетливо выступили все детали на черно-белой фотографии. Его пробрала дрожь. Конечно же, он слышал о подобном, даже читал рапорты и разговаривал об этом с коллегами

из отдела половых преступлений, но впервые в жизни *увидел*, как взрослый насилует ребенка.

Глава 8

Они ехали по Сукхумвит-роуд, вдоль которой бок о бок стояли трехзвездочные отели, роскошные виллы и хибары из досок и листов жести. Но Харри не смотрел по сторонам, взгляд его уперся в одну точку.

— Движение сейчас посвободнее, — сказала Крамли.

— Ага.

Она улыбнулась одними губами.

— Извини, но в Бангкоке мы обсуждаем трафик, как в других местах говорят о погоде. Стоит пожить здесь совсем недолго, как становится понятно почему. Погода одна и та же с января по май. Летом муссоны приносят дожди. И тогда льет три месяца не переставая. Больше о погоде сказать нечего. Кроме того, что у нас жарко. Мы повторяем это друг другу круглый год, и потом разговор иссякает сам собой. Ты меня слушаешь?

— Мм.

— Другое дело транспорт. Он влияет на повседневную жизнь в Бангкоке больше, чем какой-нибудь тайфун. Я никогда не знаю навер-

няка, в котором часу доберусь до работы, когда утром сажусь в машину: дорога может занять от сорока минут до четырех часов. А десять лет назад я тратила на нее двадцать пять минут.

— Что же случилось?

— Рост. Экономический рост — вот что. За последние двадцать лет произошел экономический бум, и Бангкок сделался «кукушонком» Таиланда. Здесь есть рабочие места, люди приезжают в город из деревень. Все больше народу торопится на работу по утрам, все больше ртов необходимо накормить, все больше грузов надо перевезти. Число машин выросло, а политики только обещают нам новые дороги и потирают руки, радуясь хорошим временам.

— Но времена действительно хорошие?

— Не то чтобы мне не нравилось, что обитатели бамбуковых хижин покупают себе цветные телевизоры, но все происходит ужасно быстро. И если ты меня спросишь, то я отвечу, что рост ради самого роста — это логика раковой опухоли. Скажу больше: я даже рада, что в прошлом году мы уперлись в стенку. А после девальвации валюты наша экономика словно бы оказалась в морозилке. И это уже заметно по дорожному движению.

— То есть раньше на дорогах было еще хуже,

чем теперь?

— Вот именно. Смотри…

И Крамли показала пальцем на гигантскую парковку, где стояли сотни бетономешалкок.

— Год назад эта стоянка была почти пуста, но теперь мало кто занимается строительством, так что, как видишь, флот встал на прикол. А в торговые центры народ ходит только ради кондиционеров, торговля практически замерла.

Некоторое время они ехали молча.

— Как ты думаешь, кто стоит за всем этим паскудством? — спросил Харри.

— Валютные спекулянты.

Он непонимающе уставился на нее:

— Я о снимках.

— А-а. — Она бросила на него беглый взгляд. — Что, не одобряешь?

Он пожал плечами.

— Я особой толерантностью не отличаюсь. Иногда я даже готов поддержать смертную казнь.

Инспектор Крамли посмотрела на часы.

— По дороге к тебе мы будем проезжать ресторан. Что скажешь о блиц-курсе традиционной тайской кухни?

— С удовольствием. Но ты не ответила на мой вопрос.

— Кто стоит за фотками? Харри, в Таиланде самое большое число извращенцев по сравнению с остальными странами. Сюда приезжают ради нашей секс-индустрии, которая удовлетворяет любые желания. Я подчеркиваю — любые. Так откуда же мне знать, кто стоит за этой детской порнухой?

Харри сморщился и покрутил шеей.

— Я просто спросил. Не случалось ли в Таиланде какого скандала с посольским педофилом пару лет назад?

— Действительно, мы раскрутили одно такое дело о педофилии, в котором были замешаны иностранные дипломаты, в том числе посол Австралии. Дело крайне неприятное.

— Но не для полиции?

— Вот еще! Для нас это было все равно что выиграть чемпионат мира по футболу и одновременно получить «Оскар». Премьер-министр прислал нам поздравительную телеграмму, министр по туризму был в восторге, на нас пролился дождь наград. Знаешь, такие события укрепляют престиж полиции в глазах людей.

— Так с чего мы начнем поиски?

— Даже не представляю. Во-первых, все те, кто был замешан в том деле, сидят в тюрьме или вы-

сланы из страны. Во-вторых, я вовсе не уверена, что фотографии имеют какое-то отношение к убийству.

Крамли свернула на парковку, где стоял охранник, показывая им на немыслимо узкий просвет между двумя машинами. Она нажала на кнопку, зажужжала электроника, и большие стекла по обе стороны джипа поползли вниз. Тогда она переключилась на заднюю передачу и нажала на газ.

— Вряд ли… — начал было Харри, но старший инспектор уже припарковалась. Боковые зеркала все еще дрожали. — Как же мы теперь выйдем? — спросил он.

— Не стоит так волноваться, инспектор.

Упершись обеими руками, она вылезла в боковое окно, поставила ногу на крыло машины и спрыгнула. С некоторым усилием Харри повторил этот маневр.

— Постепенно научишься, — сказала она и направилась вперед. — Бангкок — тесный город.

— А как же магнитола? — напомнил ей Харри и обернулся на соблазнительно открытое окно джипа. — Ты что, рассчитываешь найти ее там же, когда мы вернемся?

Она показала полицейский жетон охраннику,

тот сразу же вскочил.

— Да.

— На ноже никаких отпечатков, — сказала Крамли и довольно причмокнула.

«Сом-там», что-то вроде зеленого салата с папайей, оказался не таким уж экзотическим, как ожидал Харри. Но вкусным. И острым.

Крамли шумно втянула в себя пивную пену. Он тотчас оглянулся на соседей, но, похоже, никто не обратил на них никакого внимания, скорее всего потому, что звук заглушала полька, которую наяривал местный струнный оркестр в глубине зала и которую, в свою очередь, перекрывал гул транспорта на улице. Харри решил, что выпьет две кружки пива. И все на этом. А по дороге домой, допустим, прихватит блок из шести банок.

— А что можно сказать об орнаменте на рукоятке?

— Нхо считает, что нож откуда-то с севера, такие в ходу у горных племен в провинции Чианграй или где-то по соседству. Судя по инкрустации цветным стеклом. Нхо не уверен на сто процентов, но в любом случае нож необычный, такой не купишь в местных лавочках, так что завтра мы пошлем его профессору-искусствоведу из музея Бенчамабопхит. Он знает все о старин-

ных ножах.

Лиз махнула рукой, и подошедший официант налил ей из супницы дымящегося супа из кокосового молока.

— Поосторожнее с беленькими. И с красненькими, они обжигают, — сказала она, указывая ложкой. — Кстати, с зелененькими тоже.

Харри скептически разглядывал различные ингредиенты кушанья в своей миске.

— А что тут можно есть без опасений?

— Корень галанга, думаю, о'кей.

— У тебя есть версии? — спросил он нарочито громко, чтобы не слышать, как она прихлебывает.

— Насчет возможного убийцы? Конечно. Множество. Во-первых, это могла быть сама проститутка. Или владелец мотеля. А может, и сразу оба. Это первое, что пришло в голову.

— И какие же у них мотивы?

— Деньги.

— В бумажнике Мольнеса лежало пятьсот батов.

— Поскольку он доставал бумажник в холле мотеля, наш друг Ван мог увидеть, что денег там гораздо больше, что вполне вероятно, а значит, соблазн оказался слишком велик. Ван мог и не

знать, что тот дипломат и что разгорится такой скандал.

— И как же все происходило?

Крамли, энергично подняв вилку, наклонилась вперед.

— Они поджидают, пока посол пройдет к себе в номер, стучатся и всаживают в него нож, как только он, открыв дверь, поворачивается к ним спиной. Он падает прямо на постель, они опустошают его бумажник, но при этом оставляют там пятьсот батов, чтобы дело не походило на ограбление. Затем выжидают три часа и звонят в полицию. У Вана наверняка есть дружок в участке, который проследил, чтобы все прошло гладко. Ни мотива, ни подозреваемых, все ведь хотят замять дело о проституции. Следующий, пожалуйста!

Вдруг у Харри глаза полезли из орбит. Он судорожно схватил кружку и поднес ко рту.

— Красненький попался? — усмехнулась Крамли.

Харри тяжело перевел дух.

— Ну что ж, неплохая версия, старший инспектор. Но полагаю, ты ошибаешься, — с трудом выговорил он.

Она наморщила лоб.

— А как по-твоему?

— Во-первых: ты согласна, что женщина не смогла бы совершить убийство без помощи Вана?

Крамли задумалась.

— Давай прикинем. Если Ван в этом не участвовал, то можем исходить из того, что он не лжет. Значит, она не могла его убить раньше, чем вошла туда в половине двенадцатого. Но врач утверждает, что убийство произошло не позднее десяти часов. Я согласна, Холе, она не могла убить его сама.

Парочка за соседним столом в недоумении уставилась на Крамли.

— Прекрасно. Во-вторых, ты предполагаешь, что Ван на момент убийства не знал о дипломатическом статусе Мольнеса, иначе он не убил бы его, поскольку разгорелся бы скандал, раз клиент не простой турист. Правильно?

— Ну…

— Мужик, между прочим, тайно ведет запись посетителей, у него наверняка целый список политиков и государственных чиновников. День и час каждого посещения мотеля. Так, на всякий случай, чтобы было чем шантажировать, если кто-то вздумает наехать на его заведение. Но

когда появляется кто-то, кого он не знает в лицо, то не потребуешь ведь документы? И тогда он выходит во двор, якобы удостовериться, нет ли кого еще в машине, так? А на самом деле — чтобы выяснить, кто такой этот клиент.

— Я тебя не понимаю.

— Он записал наш номер машины, ясно? А потом пробил по базе. Увидев синий номер «мерседеса», он тут же смекнул, что Мольнес — дипломат.

Крамли задумчиво посмотрела на него. Потом молниеносно развернулась и уставилась на соседний столик. Сидевшая там парочка вздрогнула и уткнулась в свои тарелки.

Крамли почесала ногу вилкой.

— Дождя не было уже три месяца, — произнесла она.

— Прости, что?

Она махнула официанту, чтобы тот принес счет.

— Это имеет какое-то отношение к делу? — спросил Харри.

— Да не особенно, — ответила она.

Близилось три часа ночи. Уличный шум заглушало ровное гудение вентилятора на ночном столике. Лишь изредка Харри слышал, как тяже-

лый грузовик проезжает по мосту Таксин-бридж или одинокий речной теплоход гудит, отходя от причала на Чао-Прайя.

Заперев за собой дверь квартиры, он увидел, что на телефоне мигает красная лампочка, и, нажав на автоответчик, прослушал два сообщения. Одно было из норвежского посольства. Советник Тонье Виг говорила несколько в нос — либо родом из Осло, либо хочет, чтобы все так думали. Своим гнусавым голосом она просила Харри быть в посольстве в десять часов утра, но под конец сообщения изменила время на двенадцать, так как обнаружила, что у нее уже назначена встреча на четверть одиннадцатого.

Второе сообщение оказалось от Бьярне Мёллера. Он просто пожелал Харри успеха. По его голосу было понятно, что он не очень-то любит автоответчики.

Харри упал на кровать, не зажигая света. Он так и не купил себе шесть банок пива. Шприцы с витамином B_{12} лежали в чемодане. После запоя в Сиднее он вообще не мог пальцем пошевельнуть, и всего лишь один шприц поднял его на ноги. Он вздохнул. Когда он принял решение? Когда согласился на эту работу в Бангкоке? Нет, раньше, несколько недель назад, когда он назначил сам

себе крайний срок: день рождения Сестрёныша. Бог ведает, почему он все-таки решился. Может, ему надоело отсутствовать. Когда день проходит за днем, не оставляя следа в памяти. И все такое. Он терпеть не мог рассуждений в духе старинной комедии про Еппе, который больше не пьет[7]. А просто брал и принимал решения, раз и навсегда. Без всяких компромиссов, без отсрочек. «Я могу завязать хоть сегодня». Сколько раз он слышал это от парней из «Шрёдера», пытавшихся убедить себя, что они не законченные алкоголики? Сам-то он, конечно, законченный, но зато он единственный из них действительно может завязать, когда захочет. До дня рождения еще девять дней, но раз Эуне сказал, что командировка может стать хорошим поводом, то Харри решил начать не откладывая.

Застонав, он перевернулся на другой бок.

Интересно, что сейчас делает Сестрёныш, если осмелилась выйти из дома сегодня вечером? И позвонила ли она отцу, как обещала? И сможет ли он действительно поговорить с ней, не ограничиваясь односложными «да» и «нет»?

Шел уже четвертый час утра, и пусть в Нор-

[7] Примечания: 7

Имеется в виду монолог пьяницы Еппе из комедии норвежско-датского писателя Людвига Хольберга «Еппе с горы» (1720).

вегии еще только девять вечера, но Харри уже вторые сутки на ногах, так что заснуть вроде бы не проблема. Но едва он закрывал глаза, как перед ними появлялась фотография маленького голого тайского мальчика, освещенная автомобильными фарами, и Харри снова открывал глаза. Пожалуй, все-таки надо было купить блок пива. Когда он наконец уснул, уже светало и на Таксинбридж вновь загудел транспортный поток.

Глава 9

Нхо вошел в Управление полиции через главный вход и остановился, увидев, как высокий светловолосый полицейский пытается что-то втолковать улыбающемуся охраннику.

— Доброе утро, мистер Холе, могу ли я помочь?

Харри обернулся. Глаза у него были опухшие и красные.

— Да, проведи меня мимо этого упрямого осла.

Нхо кивнул охраннику, и тот посторонился, пропуская их.

— Он утверждает, что не помнит меня со вчерашнего дня, — возмущался Харри, пока они ожидали лифта. — Черт побери, разве он не должен помнить хотя бы то, что было вчера?

— Не знаю. Вы уверены, что вчера дежурил именно он?

— Во всяком случае, кто-то очень похожий на него.

Нхо пожал плечами.

— Может, для тебя все тайцы на одно лицо?

Харри уже собрался ответить, когда заметил на губах Нхо язвительную улыбочку.

— Вот именно. А ты пытаешься объяснить мне, что мы, белые, для вас тоже все одинаковые?

— Да нет. Мы видим разницу между Арнольдом Шварценеггером и Памелой Андерсон.

Харри широко улыбнулся. Ему нравился этот молодой полицейский.

— Ладно. Понимаю. Один-ноль в твою пользу, Нхо.

— Нхо.

— Нхо, да. Разве я сказал не так?

Нхо с улыбкой покачал головой.

Лифт оказался битком набит и так пахуч, что втиснуться в него было все равно что в сумку с несвежим тренировочным костюмом. Харри на две головы возвышался над остальными. Некоторые подняли на него глаза, одобрительно улыбаясь. Один из них спросил Нхо о чем-то и затем произнес:

— A, Norway… that's… that's… I can't remember his name… please help me[8].

Харри улыбнулся и попытался с сожалением развести руками, но в лифте было слишком тесно.

---

[8] Примечания: 8

A, Норвегия… это… это… не могу вспомнить его имя… пожалуйста, помогите мне *(англ.).*

— Yes, yes, very famous![9] — настаивал собеседник.

— Ибсен? — попробовал помочь ему Харри. — Нансен?

— No, no, more famous![10]

— Гамсун? Григ?

— No, no. — Человек раздосадованно посмотрел на них, когда они вышли на пятом этаже.

— Твой кабинет. — Крамли показала пальцем.

— Здесь уже кто-то сидит, — возразил Харри.

— Не там. А вон там.

— Там?

И он уставился на стул, втиснутый между другими за длинным-предлинным столом, где бок о бок сидели сотрудники. Места на куске стола напротив его стула хватало как раз для блокнота и телефонного аппарата.

— Посмотрим, может, я сумею устроить тебя в другом месте, если тебе придется у нас задержаться.

— Надеюсь, что этого не произойдет, — пробормотал Харри.

---

[9] Примечания: 9
Очень, очень знаменитый! *(англ.)*

[10] Примечания: 10
Нет, нет, еще знаменитее! *(англ.)*

Инспектор собрала свою команду на утреннюю летучку. Собственно, в команду входили Нхо и Сунтхорн, двое полицейских, которых Харри уже видел накануне вечером, и еще Рангсан, самый старший из сотрудников отдела.

Рангсан сидел, углубившись в газету, и делал вид, что внимательно читает, но время от времени вставлял свои комментарии по-тайски, которые довольная Крамли тут же записывала в маленькую черную книжечку.

— Отлично, — сказала она, захлопнув книжку. — Итак, мы впятером попробуем раскусить этот орешек. Среди нас есть норвежский коллега, поэтому все общение отныне будет идти по-английски. Начнем с технической экспертизы. Рангсан говорил с парнем из технического отдела. Пожалуйста.

Рангсан бережно свернул газету и откашлялся. У него были жидкие волосы, очки на шнурке сползли на кончик носа, — всем своим видом он напоминал Харри школьного учителя, снисходительно и несколько саркастически взирающего на окружающий мир.

— Я разговаривал с Супавади из технического. Они нашли целую кучу отпечатков в номере мотеля, что неудивительно, но ни одни из них не

принадлежали убитому.

Другие отпечатки идентифицированы не были.

— Это не так-то легко сделать, — пояснил Рангсан. — Даже если «Олимпусси» посещает не так много клиентов, все равно там осталось не менее сотни отпечатков.

— А что, нет отпечатков на дверной ручке? — спросил Харри.

— К сожалению, их там слишком много. И ни одного целого.

Крамли положила ноги в найковских кроссовках на стол.

— Мольнес, по всей видимости, сразу лег в постель, едва войдя в номер, так что не успел особо наследить. И по меньшей мере два человека брались за ручку двери после убийства — Дим и Ван. — Она кивнула Рангсану, который снова было развернул газету. — Вскрытие показало, как мы и предполагали, что посол был заколот ножом. Нож проколол левое легкое и угодил прямо в сердце, так что перикард наполнился кровью.

— Тампонада, — вставил Харри.

— Что?

— Так это называется. Все равно что засунуть вату в колокольчик: сердце не в состоянии биться

и захлебывается собственной кровью.

Крамли скривилась.

— О'кей, оставим пока технические детали и вернемся к общей картине преступления. Кстати, наш норвежский коллега уже отверг версию о том, что мотивом убийства послужило ограбление. Может, расскажешь нам, Харри, что ты думаешь об этом убийстве?

Все повернулись к нему. Харри покачал головой:

— Я пока ничего не думаю. Просто я считаю, что в этом деле есть две странные вещи.

— Мы все внимание, инспектор.

— Хорошо. ВИЧ ведь широко распространен в Таиланде, не так ли?

Воцарилось молчание. Рангсан выглянул из-за края газеты:

— У нас полмиллиона инфицированных, согласно официальной статистике. В ближайшие пять лет прогнозируется от двух до трех миллионов носителей вируса.

— Благодарю за информацию. У Мольнеса не было с собой презервативов. Много вы знаете людей, которые решились бы на секс с проституткой в Бангкоке без презерватива?

Никто не ответил. Рангсан что-то буркнул по-

тайски, двое других тайцев громко захохотали.

— Гораздо больше, чем ты думаешь, — перевела ему Крамли.

— Всего пару лет назад мало кто из проституток в Бангкоке вообще знал, что такое ВИЧ, — сказал Нхо. — Но теперь многие из них сами берут с собой презервативы.

— Допустим. Но если я отец семейства, как Мольнес, то я, скорее всего, позабочусь о том, чтобы тоже иметь презервативы, ради своей же безопасности.

Сунтхорн фыркнул:

— Если бы я был отцом семейства, я не пошел бы к сопхени.

— К проститутке, — перевела Крамли.

— Разумеется. — Харри рассеянно постукивал карандашом по подлокотнику.

— Что еще странного ты нашел в этом деле, Харри?

— Деньги.

— Деньги?

— У него с собой было всего пятьсот батов, то есть примерно десять американских долларов. Но девочка, которую он снял, стоит тысячу пятьсот батов.

На мгновение все притихли.

— Хороший вопрос, — сказала Крамли. — Но может, она обеспечила себе гонорар до того, как подняла тревогу, обнаружив, что он мертв?

— Ты имеешь в виду, что она его ограбила?

— Именно. Выполнила свою часть договора.

Харри кивнул:

— Возможно. Когда мы сможем поговорить с ней?

— После обеда. — Крамли снова откинулась на спинку стула. — Если желающих выступить больше нет, то все свободны.

Желающих не было.

По совету Нхо Харри выкроил сорок пять минут, чтобы съездить в посольство. Спускаясь в переполненном лифте, он услышал знакомый голос:

— I know now, I know now![11] Сульшер! Сульшер!

Харри повернул голову и, соглашаясь, улыбнулся в ответ.

Так вот кто самый известный норвежец в мире. Футболист, нападающий, из английского промышленного города потеснил всех наших первооткрывателей, художников и писателей. Поразмыслив немного, Харри решил, что мужчи-

---

[11] Примечания: 11
Я знаю теперь, я знаю! *(англ.)*

на в лифте по-своему прав.

Глава 10

На восемнадцатом этаже, за дубовой дверью и двумя кордонами секьюрити Харри нашел наконец металлическую табличку с норвежским геральдическим львом. Женщина за стойкой, юная миловидная таиландка с маленьким ротиком, еще меньшим носиком и бархатными карими глазами на круглом лице, наморщила лоб, изучая его документы. Затем она сняла телефонную трубку, тихонько произнесла три слога и положила ее.

— Кабинет мисс Виг второй справа, сэр, — сказала она с такой очаровательной улыбкой, что Харри подумал было, а не влюбиться ли в нее с первого взгляда.

— Войдите, — раздался голос из-за двери, когда Харри постучал.

В кабинете, склонившись над большим письменным столом красного дерева, сидела Тонье Виг, погруженная в свои записи. Она подняла на вошедшего глаза, слегка улыбнувшись, стремительно встала со стула — высокая, худощавая, одетая в белый шелковый костюм — и протянула

Харри руку для приветствия.

Тонье Виг представляла собой полную противоположность секретарше-таиландке. Казалось, на ее продолговатом лице сражались за место нос, рот и глаза, и верх, судя по всему, одержал нос. Он напоминал какой-то узловатый корнеплод и обеспечивал минимум пространства между огромными, сильно подведенными глазами. Не то чтобы фрёкен Виг была страшненькая, нет, некоторые мужчины даже взялись бы утверждать, что ее лицо отличается своеобразной классической красотой.

— Как мило, что вы наконец здесь, инспектор. Жаль только, что по такому печальному поводу.

Харри едва успел коснуться ее костлявых пальцев, как она отдернула руку.

Она спросила, устраивает ли его посольская квартира, а в конце поинтересовалась, чем ему может помочь она лично или кто-то из других сотрудников посольства.

— Мы все очень хотим покончить с этим делом как можно скорее, — сказала она и потерла крыло носа, осторожно, чтобы не размазать макияж.

— Я понимаю.

— Для нас это были тяжелые дни, и, возможно, мои слова прозвучат жестоко, но жизнь идет

своим чередом, и мы вместе с ней. Люди думают, что дипломаты только и делают, что ходят по приемам, пьют коктейли и развлекаются, но должна вам сказать, что это не соответствует действительности. Как раз сейчас я занимаюсь нашими согражданами: у меня восемь норвежцев в больнице и шестеро — в тюрьме, причем четверо из них сидят за хранение наркотиков. Газетчики из «Верденс Ганг» звонят каждый день. Оказывается, одна из заключенных ждет ребенка. А в прошлом месяце умер один норвежец в Паттайе: выпал из окна. Два трупа за год. Масса хлопот. — Она удрученно покачала головой. — Пьяные матросы и торговцы героином. Вы еще не видели местных тюрем? Ужасное зрелище. А если кто-то теряет паспорт, думаете, у него есть страховка или деньги на обратный билет? Конечно нет, обо всем должно позаботиться посольство. Ладно, вернемся к делу.

— Как я понимаю, именно к вам автоматически переходят обязанности посла в случае его смерти.

— Да, я — поверенный в делах.

— Как скоро будет назначен новый посол?

— Думаю, долго ждать не придется. Обычно это занимает месяц-два.

— Вам не очень нравится одной отвечать за все?

Тонье Виг криво улыбнулась.

— Я не это имела в виду. Фактически я уже была в ранге поверенного в делах целых полгода, пока к нам не прислали Мольнеса. Я только хочу сказать, что надеюсь на скорейшее решение вопроса о назначении.

— Значит, вы рассчитываете на то, что сами станете послом.

— Допустим, — сказала она, приподняв уголки рта. — Это было бы совершенно естественно. Но боюсь, нам никогда не угадать, что решит Министерство иностранных дел Королевства Норвегия.

В кабинет скользнула тень, и перед Харри возникла чашка.

— Вы пьете чаа раун? — спросила фрёкен Виг.

— Не знаю.

— Простите, — улыбнулась она. — Я забыла, что вы у нас новичок. Это таиландский черный чай. Видите ли, я практикую здесь high tea[12]. Хотя, если строго следовать английской традиции, чай следует пить после двух часов.

---

[12] Примечания: 12
Вечерний чай *(англ.)*.

Харри поблагодарил за угощение, и, когда в следующий момент опустил глаза, в его чашке уже было что-то налито.

— Я-то думал, что эти традиции исчезли вместе с английскими колонизаторами.

— Таиланд никогда не был колонией, — улыбнулась она. — Ни английской, ни французской, в отличие от соседних стран. И тайцы страшно гордятся этим. Слишком гордятся, на мой взгляд. Немного английского влияния еще никому не помешало.

Харри достал блокнот и спросил, не мог ли посол оказаться замешанным в какой-нибудь афере.

— Афере, инспектор?

Он кратко пояснил, что он понимает под аферой и что более семидесяти процентов совершенных убийств связано с тем, что жертва занималась чем-то незаконным.

— Незаконным? Мольнес? — Она замотала головой. — Он не такой… не был таким.

— Вы не знаете, враги у него были?

— Даже представить себе не могу. Почему вы спрашиваете? А может, это никакое не политическое убийство?

— У нас пока слишком мало фактов, так что мы

рассматриваем все возможные версии.

Фрёкен Виг рассказала, что в понедельник, когда его убили, Мольнес уехал на встречу сразу же после обеда. Он не сообщил, на какую именно, но в этом не было ничего необычного.

— У него с собой всегда был мобильный телефон, так что мы могли переговорить с ним, если возникали какие-то дела.

Харри попросил разрешения осмотреть кабинет посла. Фрёкен Виг пришлось провести его еще через две двери, установленные «в целях безопасности», чтобы наконец отпереть третью, которая вела в искомый кабинет. Там ничего не трогали, как и просил Харри перед отлетом из Осло. Повсюду великое множество бумаг, папок, сувениров: они громоздились на полках, ими были увешаны стены.

Над грудой бумаг висел портрет норвежской королевской четы: король и королева величественно взирали вниз, прямо на посетителей, а окна кабинета, по словам Виг, выходят на Куинс-Риджент-парк.

Харри нашел ежедневник, но записей в нем было немного. Он проверил день, когда произошло убийство, но на эту дату стояла одна-единственная пометка: «Ман Ю», знакомое сокращение

«Манчестер Юнайтед», если он не ошибается. Наверное, посол записал для памяти, когда по телевизору будут транслировать футбольный матч, подумал Харри и по служебной привычке выдвинул ящики письменного стола, но тут же понял, что одному ему не справиться: безнадежно обыскивать кабинет посла, если не знаешь, что именно искать.

— А где его мобильник? — спросил Харри.

— Как я и говорила, он всегда носил его с собой.

— Но в мотеле мы не обнаружили никакого телефона. И я не думаю, что убийца был вором.

Фрёкен Виг пожала плечами:

— Может, кто-то из ваших тайских коллег его «конфисковал»?

Харри предпочел воздержаться от комментариев и вместо этого спросил, не звонил ли Мольнесу в тот день кто-нибудь из посольства. Фрёкен Виг заколебалась, но пообещала узнать. Харри в последний раз окинул взглядом кабинет.

— Кто из посольских последним видел Мольнеса?

Она задумалась.

— Должно быть, Санпхет, его шофер. Они с послом были добрыми друзьями. Шофер очень

тяжело переживает утрату, поэтому я отпустила его на пару дней.

— Почему же он не отвез посла на встречу в день убийства, раз он шофер?

Она пожала плечами:

— Я тоже думала об этом. Посол не любил ездить по Бангкоку один.

— Гм. А что вы можете рассказать мне о шофере?

— О Санпхете? Он служит в посольстве с незапамятных времен. Никогда не бывал в Норвегии, но знает названия всех норвежских городов. И еще имена всех королей. И Грига любит. Не знаю, есть ли у него дома проигрыватель, но мне кажется, он собрал все существующие диски с музыкой Грига. Очень приятный пожилой таец. — Она наклонила голову набок и обнажила десны.

Харри спросил, не знает ли она, где можно встретиться с Хильде Мольнес.

— Она у себя дома. Боюсь, в ужасном состоянии. Я хотела бы посоветовать вам подождать немного, прежде чем говорить с ней.

— Благодарю за совет, фрёкен Виг, но мы не можем позволить себе такую роскошь, как ожидание. Не могли бы вы позвонить ей и сообщить о моем прибытии?

— Да, понимаю. Извините.

Он повернулся к ней:

— Откуда вы родом, фрёкен Виг?

Тонье Виг удивленно посмотрела на него. А потом заливисто рассмеялась, но смех ее звучал несколько напряженно.

— Это что, допрос, инспектор?

Харри не ответил.

— Если это так важно, то я выросла во Фредрикстаде.

— Я так и подумал, когда вас услышал, — сказал он, подмигнув.

Изящная тайка в холле запрокинула голову, сидя на стуле, и впрыскивала себе в очаровательный носик какой-то спрей. Харри деликатно кашлянул, она вздрогнула и смущенно захихикала, с глазами, полными слез.

— Простите, но в Бангкоке очень грязный воздух, — сказала она.

— Я это заметил. Не дадите ли мне номер шофера?

Она покачала головой и шмыгнула носом.

— У него нет телефона.

— Ну что же. А жилье-то у него есть?

Его шутка ей явно не понравилась. Написав на листке адрес шофера, она подарила ему на

прощание едва заметную улыбку.

Глава 11

Слуга уже стоял в дверях, когда Харри шел по аллее, направляясь к резиденции посла. Он проводил Харри через две большие комнаты, изысканно обставленные мебелью из тростника и тика, и вывел через террасу в сад, разбитый позади дома. Орхидеи полыхали желтым и синим, а под сенью больших раскидистых ив порхали бабочки, словно вырезанные из цветной бумаги. Возле бассейна в форме песочных часов они нашли жену посла, Хильде Мольнес. Она сидела в плетеном кресле, одетая в розовый халат, перед ней на столике стоял такой же розовый коктейль, и ее солнцезащитные очки закрывали пол-лица.

— Вероятно, это вы — инспектор Холе, — проговорила она с твердым «р», что выдавало в ней уроженку района Суннмёре. — Тонье позвонила мне и сообщила, что вы направляетесь ко мне. Хотите что-нибудь выпить, инспектор?

— Нет, благодарю.

— Напрасно. Знаете ли, следует пить в такую жару. Вспомните о балансе жидкости в организме, даже если вам не хочется пить. Здесь слишком

быстро происходит обезвоживание.

Она сняла очки; глаза у нее, как Харри и предположил при виде ее черных как вороново крыло волос и смуглой кожи, оказались карие. Живые, но покрасневшие. Горюет или напилась с утра, подумал Харри. Или и то и другое.

Он прикинул, что ей на вид сорок с небольшим, но выглядела она превосходно. Чуть поблекшая красавица средних лет, из высшего слоя среднего класса. Кажется, он видел ее раньше.

Харри уселся в другое плетеное кресло, которое тотчас прогнулось, облегая тело, словно только его и дожидалось.

— В таком случае я бы выпил воды, фру Мольнес.

Она отдала распоряжения слуге и, махнув рукой, выпроводила его из сада.

— Вам сообщили, что вы можете увидеть вашего мужа?

— Да, благодарю, — сказала она.

Харри отметил резкие нотки в ее голосе.

— Мне наконец позволили увидеть его. Человека, с которым я прожила в браке двадцать лет. — Ее карие глаза потемнели, и Харри подумал, что, пожалуй, правильно говорят, будто к берегам Суннмёре в свое время прибило немало

португальцев и испанцев, потерпевших кораблекрушение.

— Я вынужден задать вам несколько вопросов, — произнес он.

— Тогда поторопитесь, пока на меня еще действует джин. — И она перекинула через колено стройную, загорелую и наверняка только что выбритую ногу.

Харри достал блокнот. Не то чтобы ему так уж необходимо было вести запись, но не хотелось смотреть на нее, пока она будет отвечать. Так легче беседовать с родственниками жертв.

Она рассказала, что супруг уехал из дома утром и не говорил, что может вернуться поздно, но всегда ведь могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Когда в десять часов вечера от него все еще не было никаких известий, она попробовала позвонить ему, но ни стационарный телефон в его кабинете, ни мобильный не отвечали. Ее это, однако, не встревожило. И только после полуночи ей позвонила Тонье Виг и сообщила, что муж ее найден мертвым в каком-то мотеле.

Харри бросил изучающий взгляд на Хильде Мольнес. Говорила она уверенно и без мелодраматизма.

Как поняла Хильде Мольнес, Тонье Виг ниче-

го не знала о причине смерти. На следующий день советник посольства известила ее о том, что ее супруг убит и что из Осло поступило распоряжение о неразглашении информации, касающейся причин смерти. Инструкция распространялась и на Хильде Мольнес, хотя она не являлась сотрудником посольства, поскольку все без исключения норвежские граждане обязаны хранить молчание, если речь идет о «государственной безопасности». Последние слова она произнесла с горькой иронией и подняла бокал.

Харри кивнул, записывая ее рассказ в блокнот. Он спросил, уверена ли она, что ее муж не оставил мобильный телефон дома, и она сказала, что да. Сам не зная почему, он поинтересовался, какой марки у него был мобильник, и она ответила, что не знает в точности, но, кажется, финский.

Она не смогла назвать ему имена лиц, у которых мог бы быть мотив для убийства посла.

Харри постучал карандашом по блокноту.

— Ваш муж любил детей?

— О да, очень! — вырвалось у Хильде Мольнес, и впервые он услышал дрожь в ее голосе. — Знали бы вы, каким Атле был отцом: лучшим в мире!

Харри снова уткнулся в свой блокнот. Ничто в ее взгляде не выдавало, поняла ли она дву-

смысленность вопроса. Он был почти уверен, что она ни о чем не догадывается, но знал и то, что проклятая профессия велит сделать следующий шаг и спросить ее напрямую, известно ли ей об увлечении посла детской порнографией.

Он провел рукой по лицу. Ощутил себя хирургом, который взялся за скальпель, но не в состоянии сделать первый разрез. Черт бы побрал эту его вечную мягкотелость, когда начинаются неприятные вещи. Когда невиновным людям приходится выслушивать, как разоблачают их близких, когда им незаслуженно швыряют в лицо всякие неприглядные подробности.

Хильде Мольнес опередила его.

— Он так любил детей, что мы даже собирались удочерить маленькую девочку, — сказала она, и на глаза ее навернулись слезы. — Бедную малышку, беженку из Бирмы. Да, в посольстве принято называть эту страну Мьянмой, но я такая старая, что говорю по-прежнему «Бирма».

Сухо рассмеявшись сквозь слезы, она взяла себя в руки. Харри смотрел в сторону. Над цветком орхидеи кружила красная колибри, словно крохотная модель вертолета.

Так оно и есть, решил про себя он. Она ничего не знает. Если появится что-то имеющее отношение

к этому делу, он задаст ей свои вопросы позже. А если нет, лучше пощадить ее нервы.

И Харри спросил, как давно они знакомы. Хильде охотно поведала ему, что встретила Атле Мольнеса дома в Эрсте, на Рождество, — тот еще был начинающим политологом. Семейство Мольнес принадлежало к богачам, оно владело двумя мебельными фабриками, и молодой наследник виделся отличной партией для любой девушки в округе, так что отбою от претенденток не было.

— А я была просто Хильде Мелле с хутора Меллегорен, зато красивее всех, — проговорила она все с тем же сухим смешком.

Внезапно лицо ее мучительно исказилось, и она быстро поднесла бокал к губам.

Для Харри не составляло труда разглядеть в этой вдове чистую юную красавицу. Особенно когда этот образ прямо-таки материализовался в проеме двери на террасу.

— Руна, дорогая, это ты! Этого молодого человека зовут Харри Холе. Он инспектор норвежской полиции и помогает в расследовании того, что случилось с отцом.

Дочь скользнула по ним взглядом и молча направилась к противоположной стороне бассейна. У нее были темные волосы и смуглая кожа, как у

матери, стройное гибкое тело облегал купальник, и Харри предположил, что ей лет семнадцать. Хотя это ему следовало бы точно знать — ведь перед тем, как ехать сюда, он получил рапорт с исчерпывающей информацией.

Девушка могла бы стать самим совершенством, как и ее мать, если бы не одна деталь, о которой рапорт умалчивал. Когда она обогнула бассейн и сделала три медленных, грациозных шага по трамплину, прежде чем сгруппироваться и прыгнуть, у Харри все сжалось внутри. Из ее правого плеча торчал беспомощный обрубок, придавая всему телу странную, асимметричную форму, будто это птица с подбитым крылом делала сейчас сальто в воздухе. Легкий всплеск — вот и все, что послышалось, когда она исчезла в зеленой воде. На поверхности показались пузыри.

— Руна мастерски прыгает, — сказала Хильде Мольнес, хотя все было и так понятно.

Он неотрывно смотрел на то место, где она ушла под воду, как вдруг девушка вынырнула с другой стороны, у лесенки бассейна. Она поднялась по ступенькам, а он провожал взглядом ее мускулистую спину, смотрел, как солнце играет в каждой капельке воды на ее коже, заставляет блестеть и переливаться ее мокрые черные волосы. Культя

свисала вниз, будто цыплячье крылышко. Уход со сцены был таким же безмолвным, как выход и прыжок. Она исчезла за дверью, не обронив ни слова.

— Она не знала, что вы здесь, — произнесла Хильде Мольнес извиняющимся тоном. — Понимаете, она не любит, когда посторонние видят ее без протеза.

— Да, понимаю. Как она восприняла случившееся с ее отцом?

— Даже не спрашивайте, — сказала Хильде Мольнес, задумчиво посмотрев ей вслед. — Она сейчас в таком возрасте, что я ничего про нее не знаю. И другие тоже.

Она опять подняла бокал.

— Боюсь, что Руна — девушка не совсем обычная.

Харри поднялся, поблагодарив за беседу, и попросил позволения наведаться еще раз. Хильде Мольнес попеняла ему на то, что он даже воды не выпил, но он откланялся, заявив, что это подождет до следующего раза. Тут до него дошло, что он, вероятно, сказал что-то неподобающее, но она рассмеялась и, прощаясь, подняла свой бокал.

На обратном пути он увидел подъезжающий к воротам открытый «порше» красного цвета.

Он успел заметить светлую челку над солнцезащитными очками «Рэй Бэнн» и серый костюм от Армани, прежде чем машина, пролетев мимо, исчезла в тени перед домом.

Глава 12

Когда Харри вернулся в Управление, старшего инспектора Крамли на месте не было. Нхо поднял кверху палец и произнес «Рогер», едва Харри любезно попросил его связаться с телефонной компанией и проверить все разговоры с мобильного телефона посла в день убийства.

Со старшим инспектором удалось связаться только ближе к пяти часам. Так как было уже поздно, она предложила прокатиться по реке, полюбоваться каналами и заодно, как она выразилась, «закрыть вопрос с достопримечательностями».

На пристани им была предложена длинная лодка за шестьсот батов, но Крамли что-то прошипела по-тайски, и цена тут же упала до трех сотен.

Они поплыли вниз по Чао-Прайя, потом свернули в один из узких каналов. Деревянные лачуги без стен, совершенные развалюхи, едва держались на сваях в воде, и запах еды, клоаки и бензина накатывал на лодку вместе с волнами. У Харри было ощущение, что они проплывают

прямо сквозь дома, мимо живущих в них людей, и только ряды зеленеющих растений в горшках мешали разглядеть происходящее внутри. Между тем обитателей это не смущало, напротив, они с улыбкой махали руками в ответ.

На причале сидели трое мальчишек в шортах; мокрые, они только что искупались в коричневой воде и теперь что-то кричали им. Крамли добродушно погрозила им кулаком, а гребец усмехнулся.

— Что они кричат? — полюбопытствовал Харри.

Она показала рукой на свою голову.

— Маэ чий. Это значит «монахиня». Монахини в Таиланде бреют себе головы. Но будь на мне белое одеяние, ко мне отнеслись бы более почтительно, — засмеялась она.

— Вот как? А по-моему, ты и так пользуешься уважением. Твои люди…

— Это потому, что я сама отношусь к ним с уважением, — прервала она его. — И еще потому, что я умею работать. — И она сплюнула за борт. — Но тебя это, кажется, удивляет, ведь я женщина?

— Я этого не говорил.

— Многие иностранцы удивлены, как это женщины в нашей стране могут сделать успешную

карьеру. Но у нас не получила распространения культура мачо, а моя проблема скорее в том, что я сама иностранка.

От легкого бриза влажный воздух казался чуть прохладнее, в кронах деревьев слышалось скрипучее пение кузнечиков. Харри и Лиз, как и в прошлый вечер, не отрывали глаз от кроваво-красного заката.

— Что заставило тебя переехать сюда? — Харри смутно подозревал, что переходит границу дозволенного, но все равно решился спросить.

— Моя мать была тайкой, — помедлив, произнесла она. — Отец остался служить в Сайгоне после войны во Вьетнаме, а в шестьдесят седьмом встретил ее в Бангкоке. — Она рассмеялась и поправила подушку под спиной. — Мать говорила, что забеременела в первую же ночь.

— Тобой?

Она кивнула в ответ.

— После капитуляции отец взял нас с собой в США, в Форт-Лодердейл, где служил в чине подполковника. Но когда мы приехали туда, мать обнаружила, что он уже был женат, когда они встретились. Узнав, что мать беременна, он написал домой и потребовал развода.

Она покачала головой.

— У него были все возможности бросить нас в Бангкоке, если бы он только захотел. Может, в глубине души он и желал этого. Кто знает.

— Ты не спрашивала его об этом?

— Разве нам всегда нужна честность? И потом, я знаю, что не получила бы вразумительного ответа на свой вопрос. Просто он был такой.

— Был?

— Он уже умер.

Она повернулась к нему.

— Тебе не нравится, что я рассказываю о своей семье?

Харри прикусил фильтр сигареты.

— Да нет, ничего.

— Отец не мог поступить так, он не бросил нас, потому что ответственность имела для него значение. Когда мне исполнилось одиннадцать, мне разрешили завести котенка, мы взяли его у соседей в Форт-Лодердейле. После моих долгих приставаний отец наконец согласился, но с условием, что я буду ухаживать за животным. Прошло две недели, котенок мне надоел, и я пошла к отцу спросить, нельзя ли отдать его обратно прежним хозяевам. Тогда он отвел меня с котенком в гараж. «Никогда не уходи от ответственности, — сказал он. — Именно так гибли целые цивилизации». С

этими словами он достал свою винтовку и всадил двенадцатимиллиметровую пулю прямо в голову котенку. После этого велел мне принести воды и вымыть пол в гараже. Вот каким он был. Поэтому… — Она сняла темные очки, протерла их подолом рубашки и прищурилась, любуясь закатом. — Поэтому он никогда не мог понять, зачем прекратили войну во Вьетнаме. Мы с матерью переселились сюда, когда мне было восемнадцать.

Харри кивнул.

— Как я понимаю, твоей матери, с ее азиатской внешностью, было не так-то просто приехать после войны на военную базу в США?

— На базе было как раз проще. А вот другие американцы, которые не были во Вьетнаме, но потеряли там сына или мужа, они-то ненавидели нас лютой ненавистью. Для них любой косоглазый был Чарли[13].

Мужчина в костюме сидел у обгоревшей хижины и курил сигару.

— А потом ты окончила Полицейскую академию, стала следователем в убойном отделе и обрила голову?

---

[13] Примечания: 13

Чарли (Виктор Чарли) — так американские военнослужащие называли бойцов Вьетконга — партизанской армии Фронта освобождения Южного Вьетнама.

— Не в такой последовательности. И я не брила голову. Волосы сами выпали за какую-то неделю, когда мне было семнадцать. Редкая форма алопеции. Зато практично в местном климате.

Проведя рукой по голове, она устало улыбнулась. Харри только сейчас заметил, что у нее нет ни бровей, ни ресниц, ничего.

Сбоку от них проплывала другая лодка. Она была до краев нагружена желтыми соломенными шляпами, и пожилая тайка жестами показывала то на шляпы, то на их головы. Крамли улыбнулась, учтиво отказываясь от предложения, и что-то сказала. Но женщина, прежде чем обогнать их, перегнулась через борт к Харри и протянула ему белый цветок. А потом указала на Крамли и рассмеялась.

— Как будет «спасибо» по-тайски?

— Кхоуп кхун кхрап, — ответила ему Крамли.

— Понятно. Скажи ей это за меня.

Они плыли мимо храма, ават, стоявшего прямо у канала, так что из его распахнутых дверей слышно было пение монахов. Люди сидели на лестнице и, сложив руки, молились.

— О чем они молятся? — спросил он.

— Не знаю. О мире. О любви. О лучшей жизни, сейчас или в будущем. О том, о чем просят люди

везде и повсюду.

— Я не верю, что Атле Мольнес ждал проститутку. Думаю, он поджидал кого-то другого.

Они плыли дальше, и храм вскоре исчез вдали.

— Кого же?

— Не имею представления.

— Почему тогда ты так думаешь?

— У него были деньги только на то, чтобы снять номер, и я просто уверен, что он не планировал покупать секс-услуги. В этом мотеле он собирался с кем-то встретиться… По словам Вана, когда Мольнеса нашли, дверь его номера была не заперта. Разве это не странно? Ведь когда захлопываешь подобную дверь, замок в ней защелкивается автоматически. Он, видимо, специально нажал кнопку на ручке, чтобы дверь не захлопнулась сама. А убийце это было просто незачем делать: он или она, скорее всего, не ожидали, что перед ними окажется незапертая дверь. Так почему же Мольнес это сделал? Большинство постояльцев подобного заведения предпочли бы запереть дверь, когда они ложатся спать, разве не так?

Она покачала головой.

— Может, он все-таки лег спать, но побоялся не услышать стука в дверь, когда придет тот, кого

он ожидал?

— Вряд ли. Не было у него причины оставлять дверь открытой и для этой «Тони Хардинг», ведь они договорились, что он сперва позвонит. Согласна?

Харри так увлекся, что не заметил, как сильно сдвинулся к борту, и гребец крикнул ему, чтобы держался посередине, не то лодка перевернется.

— Думаю, он хотел скрыть, что собирался с кем-то встретиться. И в этом смысле мотель был удобным местом, поскольку находится за городом. Как раз то, что надо для тайной встречи, да еще никакой регистрации гостей.

— Гм. Ты думаешь о фотографиях?

— Разве можно о них не думать?

— Такие снимки можно купить во многих местах Бангкока.

— Может, он сделал следующий шаг. Может, речь идет о детской проституции.

— Может быть. Продолжай.

— Мобильный телефон. Его не было, когда мы нашли убитого, и его нет ни в кабинете, ни у него дома.

— Его украл убийца.

— Да, но зачем? И если это вор, почему он заодно не взял деньги и не угнал машину?

Крамли почесала ухо.

— Улика, — продолжал Харри. — Убийца тщательно заметал следы. Может, он прихватил с собой мобильник, потому что тот содержал важную информацию?

— Как это?

— Что делает типичный владелец мобильного телефона, когда сидит в мотеле и кого-то ждет, а этот кто-то тоже имеет мобильный телефон и как раз в этот момент едет к мотелю, застревая в ужасных пробках на дорогах Бангкока?

— Он звонит и спрашивает, долго ли еще ему ждать, — ответила Крамли, и казалось, она все еще не понимает, что он имеет в виду.

— У Мольнеса был телефон «нокиа», такой же, как у меня. — Харри достал телефон. — Как и большинство современных мобильных, он сохраняет в памяти последние пять-десять звонков. И вероятно, Мольнес разговаривал с убийцей до его прихода, а потому тот знал, что его могут вычислить по набранным номерам в мобильнике.

— Ну да, — протянула она без особого восторга. — Он мог просто стереть все номера и положить телефон на место. Но у нас теперь есть косвенная улика: убийцу Мольнес знал.

— А что, если телефон был выключен? Хильде

Мольнес пробовала дозвониться мужу, но безрезультатно. А без пин-кода убийца не смог бы стереть в телефоне номера.

— О'кей. Тогда нам нужно связаться с телефонной компанией и получить распечатку номеров, по которым звонил Мольнес в тот вечер. Однако сотрудники, которые обычно помогают нам в таких делах, уже закончили работу, так что я позвоню им завтра утром.

Харри поскреб в затылке.

— Это необязательно. Я разговаривал с Нхо, он этим занимается.

— Ясно, — сказала она. — Ты нарочно сделал это не через меня?

В ее голосе не слышалось ни раздражения, ни вызова. Она спросила только потому, что Нхо был ее подчиненным и Харри нарушил иерархию. И дело не в том, кто здесь начальник, а кто нет, а в том, что эффективнее для расследования. А это уже в зоне ее ответственности.

— Вас не было на месте, старший инспектор Крамли. Простите, если я поторопился.

— Не стоит извиняться, Харри. Ты же сам говоришь, что меня в тот момент не было. Кстати, можешь называть меня Лиз.

Теперь они поднимались вверх по реке и уже

успели проплыть довольно далеко. Старший инспектор показала пальцем на дом, окруженный большим садом.

— Там живет твой соотечественник, — произнесла она.

— Откуда ты знаешь?

— В прессе поднялся скандал, когда он построил себе этот дом. Видишь, он похож на храм. Буддистов возмутило, что язычник живет в таком жилище, они сочли это кощунством. К тому же они упирали на то, что дом построен из бывшего бирманского храма, находившегося на спорной приграничной территории с Таиландом. В те времена там было напряженно, то и дело возникали перестрелки, так что люди уезжали кто куда. А норвежец купил по дешевке целый храм, и так как северобирманские храмы построены из тикового дерева, он смог разобрать его и перевезти в Бангкок.

— Надо же, — удивился Харри. — И кто это?

— Уве Клипра. Один из крупнейших строительных подрядчиков в Бангкоке. Думаю, ты еще услышишь о нем, если задержишься у нас чуть дольше.

И она велела гребцу поворачивать назад.

— Нхо, должно быть, уже получил распечатку

звонков. Как насчет того, чтобы заказать еду с доставкой?

Распечатка действительно уже пришла, похоронив теорию Харри.

— Последний звонок был зарегистрирован в семнадцать пятьдесят пять, — заявил Нхо. — Иными словами, приехав в мотель, он никому не звонил.

Харри посмотрел в пластиковую миску с супом-лапшой. Белые полоски напоминали бледные, замоpенные спагетти, и он всякий раз вздрагивал, когда они выныривали в самом неожиданном месте, едва он пытался захватить их палочками.

— Однако номер убийцы может и быть в этом списке, — с трудом проговорила Лиз с набитым ртом. — Иначе зачем ему было красть мобильник?

Вошел Рангсан и сообщил, что здесь «Тоня Хардинг», у нее снимают отпечатки пальцев.

— Можете поговорить с ней, если хотите. И еще кое-что: Супавади сказал, они проверят ампулу из машины, результаты будут известны завтра. Нашим делом занимаются в первую очередь.

— Передавай им привет и скажи коп кон крап, — ответил Харри.

— Что-что?

— Скажи им спасибо.

Харри глупо заулыбался, а Лиз, поперхнувшись, закашлялась так, что рис разлетелся по стенам.

Глава 13

Харри не знал, сколько проституток сидело в коридоре, ожидая допроса, он только видел, что их много. Казалось, они возникают в мокрых делах с такой же регулярностью, с какой мухи слетаются на коровью лепешку. Не потому, что обязательно замешаны в убийстве, а поскольку им всегда есть что рассказать.

Он слышал, как они смеются, ругаются, плачут, он водил с ними дружбу, ссорился с ними, устраивал их дела, нарушал обещания, бывал ими оплеван и бит. Однако было в этих женских судьбах, в тех обстоятельствах, которые их сформировали, нечто такое, что он, как ему казалось, знает и чувствует. Но вот чего он никак не мог понять, так это их неистребимого оптимизма: заглянув в самую бездну человеческой низости, они тем не менее верили, что есть на свете хорошие люди. А ведь он знает полицейских, которые так вовсе не считают.

Вот почему Харри похлопал Дим по плечу и угостил ее сигаретой, прежде чем начать разговор. Не потому, что рассчитывал чего-то от нее до-

биться, а просто заметив, что ей хочется курить.

Взгляд у нее был твердый, линия рта свидетельствовала, что девушка не из пугливых, но теперь, когда она сидела на стуле за пластиковым столиком, руки ее нервно вздрагивали на коленях, и было похоже, что она вот-вот расплачется.

— Пен янгай? — спросил он. «Как дела?» Прежде чем приступить к допросу, он научился от Лиз этим двум тайским словам.

Нхо перевел ответ. Она плохо спит по ночам и больше не будет работать в мотеле.

Харри сел напротив нее, положив руки на стол, и попытался поймать ее взгляд. Ее плечи слегка поникли, но она продолжала сидеть, отвернувшись от него, скрестив руки на груди.

Шаг за шагом они разобрали то, что случилось в мотеле, но ничего нового к уже сказанному она не добавила. Да, она подтвердила, что дверь в номер была закрыта, но не заперта. Нет, она не видела там никакого мобильного телефона. И никаких посторонних людей там тоже не было.

Когда Харри упомянул о «мерседесе», спросив, не заметила ли она на машине дипломатические номера, Дим лишь покачала головой. Нет, она не видела никакой машины. Дальше этого они не продвинулись, и Харри, закурив, спросил, так

просто, наудачу, как она думает, кто бы мог это сделать. Нхо перевел вопрос, и Харри увидел по ее лицу, что попал в цель.

— Что она говорит?

— Она говорит, что там был нож Кун Са.

— Что это значит?

— Ты не слышал о Кун Са? — Нхо недоверчиво посмотрел на него.

Харри покачал головой.

— Кун Са — это могущественнейший в истории наркобарон. Вместе с правительствами Индокитая и с ЦРУ он начиная с пятидесятых годов управлял поставками опиума в Золотом треугольнике. Таким образом американцы получали денежки на проведение своих операций в регионе. У этого парня было целое войско в джунглях.

Тут Харри сообразил, что кое-что слышал раньше об этом азиатском Эскобаре.

— Кун Са сдался бирманским властям два года назад и был помещен в интернат, должно быть самый комфортабельный, какой только можно себе вообразить. Говорят, именно он финансировал новые туристические отели в Бирме, а кое-кто полагает, что он по-прежнему главарь опиумной мафии на севере. Раз она называет это

имя, значит, думает, что убийство — дело рук мафии. Вот почему она так напугана.

Харри внимательно посмотрел на нее и кивнул Нхо.

— Мы можем отпустить ее, — сказал он наконец.

Нхо перевел слова Харри, и на лице Дим отразилось удивление. Она повернулась к инспектору и встретилась с ним взглядом, а потом поднесла руки к лицу и поклонилась. Тут до Харри дошло, что она боялась, как бы ее не задержали за проституцию.

Он улыбнулся в ответ. Она перегнулась через стол.

— You like ice-skating, sil?[14]

— Кун Са? ЦРУ?

На телефонной линии из Осло что-то потрескивало, и, говоря с Торхусом, Харри слышал эхо собственных слов.

— Простите, инспектор Холе, но вы там не перегрелись на солнце? Найден человек с ножом в спине, купленным неведомо где на севере Таиланда, мы просим вас осторожно все разузнать, а вы заявляете, что намерены бороться с организо-

---

[14] Примечания: 14
Вам нравится фигурное катание, сэр? *(искаж. англ.)*

ванной преступностью в Юго-Восточной Азии?

— Нет. — Харри положил ноги на стол. — Я вовсе не собираюсь заниматься чем-то подобным, Торхус. Я только хочу сказать, что, по мнению музейного эксперта, нож этот не простой. Такие были в ходу у народности шан, и подобным антиквариатом в обычных лавчонках не торгуют. Местная полиция считает, что нож — это некое послание опиумной мафии, чтобы мы сидели тихо, но я не разделяю их мнения. Если мафия захочет что-то нам сказать, то не обязательно жертвовать таким ценным ножом — для этого есть более простые способы.

— Из-за чего же такой шум?

— Я только сказал, что все следы ведут именно в этом направлении. Но шеф полиции и слушать не желает ни о каком опиуме. Похоже, здесь творится черт знает что. По его словам, правительство до недавнего времени хоть как-то контролировало ситуацию, что они проводят различные стимулирующие программы для беднейших крестьян, выращивающих опиум, чтобы те не потеряли слишком много денег при переходе на другие сельскохозяйственные культуры, и вместе с тем крестьянам позволяется выращивать определенное количество опиума для собственных нужд.

— Собственных нужд?

— Да-да, горцам это разрешено. Они курят из поколения в поколение, и пытаться что-то тут менять бесполезно. Проблема в том, что импорт опиума из Лаоса в Мьянму упал, и цены сразу взлетели вверх: для того чтобы покрыть спрос, производство в Таиланде почти удвоилось. Тут крутятся большие деньги, появилось множество новых игроков, так что все ужасно запутано. У начальника полиции нет никакого желания ворошить это осиное гнездо именно сейчас. Поэтому я решил начать с того, чтобы какие-то вещи исключить сразу. Допустим, вариант, что посол сам был причастен к чему-то криминальному. К детской порнографии, к примеру.

На другом конце трубки стало тихо.

— У нас нет никаких причин полагать… — начал Торхус, но его заглушил треск на линии.

— Повторите!

— У нас нет никаких причин полагать, что посол Мольнес был педофилом, если вы это имеете в виду.

— Что? Нет никаких причин? Вы сейчас не перед прессой выступаете, Торхус. Я должен знать о таких вещах, чтобы вести дальнейшее расследование.

В трубке снова замолчали, в какой-то момент Харри даже решил, что связь прервалась. Затем голос Торхуса раздался снова, и Харри, несмотря на помехи, уловил ледяной холод на противоположной стороне земного шара.

— Я скажу вам все, что вам следует знать, Холе. А знать вам надо только то, что вы должны найти убийцу, и нам плевать, кто им окажется, нам плевать, в чем там был замешан посол, может, он был одновременно наркодилером и педерастом, — только чтобы в прессу ничего не просочилось! Любой скандал, неважно по какому поводу, будет расцениваться как катастрофа, и вы понесете за это персональную ответственность. Вы все поняли, Холе, или хотите знать что-то еще? — Торхус ни единого раза не перевел дух.

Харри с такой силой лягнул стол, что телефон подпрыгнул, а сидевшие рядом коллеги подскочили в своих креслах.

— Я вас прекрасно слышу, — начал он, стиснув зубы. — Теперь и вы послушайте меня.

Тут Харри сделал паузу и набрал в грудь побольше воздуха. Пивка бы сейчас, хоть кружечку! Он зажал в губах сигарету и попытался сосредоточиться.

— Если Мольнес в чем-то замешан, то вряд ли

он единственный такой норвежец. Я сильно сомневаюсь, что у него возникли серьезные связи в таиландском уголовном мире за то короткое время, что он здесь; кроме того, я узнал, что он общался в основном с норвежской колонией в Бангкоке. И нет никаких причин не верить, что большинство его знакомых — славные люди и у всех были свои резоны покинуть родину, а у кого-то эти резоны были более вескими, чем у других. Проблемы с полицией, как правило, становятся наиболее серьезной причиной для скорейшей эмиграции в страну с теплым климатом, у которой к тому же отсутствует договор с Норвегией об экстрадиции. Вы читали в газетах о норвежце, которого застукали с поличным, когда он развлекался с мальчиками в гостиничном номере в Паттайе? Об этом кричали первые полосы «Верденс Ганг» и «Дагбладет». Местная полиция любит подобные разоблачения. Ее хвалят за это в прессе, да и педофилов легче ловить, чем героиновую мафию. Сейчас таиландская полиция уже почуяла запах легкой добычи, но они выжидают, пока дело будет формально закрыто и я уеду домой, а они через пару месяцев раскрутят скандал о детской порнографии, в которой были замешаны норвежцы. Как вы думаете, что тогда?

Норвежские газеты тотчас пошлют сюда свору журналистов, и непременно всплывет имя посла Норвегии в Таиланде. Но если нам удастся взять этих ребят сейчас, пока у нас есть взаимопонимание с местными полицейскими и все шито-крыто, то, может, мы сумеем избежать скандала.

По голосу начальника департамента Харри понял: до того постепенно дошло.

— Чего вы хотите?

— Я хочу знать, что́ вы мне не договариваете. Что у вас есть на Мольнеса, в чем он замешан.

— Вы знаете то, что вам положено знать. И не более того, неужели это так трудно понять? — Торхус почти стонал. — Чего вы добиваетесь, Холе? Я думал, вы, так же как и мы, заинтересованы побыстрее завершить это дело.

— Я полицейский, я делаю свою работу, Торхус.

Торхус заржал:

— Очень трогательно, Холе. Только не забывайте, что я знаю про вас кое-что и не куплюсь на это ваше «я всего лишь честный коп».

Харри закашлял в трубку, и эхо вернулось к нему, словно глухой выстрел. Он что-то пробормотал.

— Что?

— Я говорю, что связь плохая. Подумайте все-

таки, Торхус, и позвоните мне, когда будет что рассказать.

Внезапно проснувшись, Харри выкатился из постели и едва добежал до ванной, как его вырвало. Он рухнул на унитаз, и тут его пронесло. Хотя в комнате было прохладно, его прошиб пот.

В прошлый раз было хуже, подумал он. Теперь лучше. Он надеялся, что будет гораздо лучше.

Прежде чем снова лечь, он всадил себе в ягодицу шприц с витамином B_{12}; в месте укола щипало просто адски. Он терпеть не мог уколов, его тут же начинало мутить. Вспомнилась Вера, шлюха из Осло, которая сидела на героине пятнадцать лет. Как-то она призналась ему, что чуть в обморок не падает, когда ширяется.

В сумерках он обнаружил, что по мойке кто-то ползает, что там снуют какие-то усики. Ага, таракан. Здоровенный, размером с большой палец, с оранжевой полосой на спинке. Таких Харри в жизни не видывал, но на самом деле ничего тут особенного не было: где-то он читал, что в мире существует более трех тысяч видов тараканов. Он читал также, что они прячутся, когда чувствуют вибрацию от приближающихся шагов, и там, где ты видишь одного таракана, скрывается еще десять. Значит, они тут повсюду. Сколько весит

один таракан? Десять граммов? И если в щелях и за столешницами попряталась добрая сотня, то можно смело утверждать, что во всей квартире их наберется больше кило. Он поежился. Что они напуганы еще сильнее, чем он сам, — слабое утешение. К тому же он вдруг почувствовал, что алкоголь все-таки приносил ему больше пользы, чем вреда. Он закрыл глаза и попытался не думать.

Глава 14

Они наконец нашли где припарковаться и побрели по улице в поисках указанного адреса. Нхо попытался объяснить Харри хитроумную систему адресов в Бангкоке: город был разделен на главные улицы и пронумерованные боковые — сой. Проблема состояла в том, что номера домов на одной и той же улице вовсе не обязательно шли по порядку: новые дома получали следующий свободный номер независимо от того, где именно на этой улице они находились.

Они пробирались через узкие проулки, тротуары которых служили продолжением жилища: там сидели люди, читали газеты, строчили на швейных машинках, готовили еду, дремали после обеда. Девчонки в школьной форме кричали им вслед и хихикали, а Нхо, показывая на Харри, что-то отвечал им. Они в ответ так и заливались хохотом, прикрывая рот ладошкой.

Нхо задал вопрос женщине, сидевшей за швейной машинкой, и та показала им нужную дверь. Они постучались, через некоторое время им открыл таец в коротких штанах цвета хаки и

расстегнутой рубашке. Харри подумал, что ему, наверное, около шестидесяти: возраст выдавали лишь глаза да морщины. В черных волосах, зачесанных назад, едва пробивалась седина, а худощавое, жилистое тело вполне могло принадлежать тридцатилетнему.

Нхо произнес пару слов, и таец кивнул, глядя на Харри. Затем, извинившись, снова исчез. А когда через минуту вернулся, то уже переоблачился в белую отутюженную рубашку с короткими рукавами и длинные брюки.

С собой он вынес два стула и поставил их прямо на тротуар. На неожиданно хорошем английском он предложил Харри сесть и сам уселся на другой стул. Нхо остался стоять рядом и незаметно покачал головой, когда Харри дал понять, что готов сесть на лестнице.

— Меня зовут Харри Холе, я из норвежской полиции, господин Санпхет. Я хотел бы задать вам несколько вопросов, касающихся Мольнеса.

— Вы имеете в виду — посла Мольнеса.

Харри вскинул глаза на старика. Тот сидел, выпрямившись на стуле, и его коричневые веснушчатые руки неподвижно лежали на коленях.

— Разумеется, посла Мольнеса. Вы ведь служите шофером в норвежском посольстве уже почти

тридцать лет, как я понимаю?

Санпхет согласно прикрыл глаза.

— И вы очень ценили посла?

— Посол Мольнес был большим человеком. Большим человеком с большим сердцем. И большим умом. — Он постучал пальцем по лбу и предостерегающе посмотрел на Харри.

Харри вздрогнул, почувствовав, как по спине струится пот, стекая за пояс брюк. Он оглянулся в поисках тени, но стулья было некуда передвинуть, солнце стояло высоко в небе, а дома на этой улице были низенькими.

— Мы пришли к вам потому, что вы лучше всех знали о привычках посла, о том, где он бывал и с кем разговаривал. И потому, что вы всегда ладили с ним чисто по-человечески. Что происходило в тот день, когда его убили?

Санпхет, сидя все так же неподвижно, рассказал, что посол уехал на обед, не сообщив, куда именно, и заявил, что сам поведет машину, хотя это было очень странно в разгар рабочего дня: для таких целей все-таки есть персональный шофер. Сам он просидел в посольстве до пяти часов, а потом отправился домой.

— Вы живете один?

— Моя жена погибла в автокатастрофе четыр-

надцать лет назад.

Что-то подсказывало Харри, что шофер может сообщить даже точное число прошедших с тех пор месяцев и дней. Детей у них не было.

— Куда именно вы возили посла?

— В другие посольства. На встречи. В гости к норвежцам.

— Каким норвежцам?

— Самым разным. В «Статойл», «Гидро», «Йотун» и «Статсконсульт». — Все названия он выговаривал на прекрасном норвежском.

— Вам знакомы эти имена? — Харри протянул ему список. — Это лица, с которыми посол разговаривал по своему мобильному телефону в день убийства. Мы получили распечатку от телефонной компании.

Санпхет достал очки и, держа листок бумаги на расстоянии вытянутой руки, зачитал вслух:

— «Одиннадцать десять. Букмекерская контора Бангкока».

И взглянул на них поверх очков.

— Посол любил иногда играть на скачках, — сказал он и добавил с улыбкой: — Бывало, что даже выигрывал.

Нхо переступил с ноги на ногу.

— «Одиннадцать тридцать четыре. Доктор Сиг-

мунд Юхансен».

— Кто это?

— Очень богатый человек. Настолько богатый, что даже купил себе титул лорда в Англии несколько лет назад. Личный друг королевской семьи Таиланда. А что такое Ворачак-роуд?

— Входящий звонок из телефонной будки. Пожалуйста, дальше.

— «Одиннадцать пятьдесят пять. Норвежское посольство».

— Странно, но мы звонили и разговаривали с посольством сегодня утром, и там никто не мог вспомнить, что созванивался с послом в день убийства, даже дежурный на коммутаторе.

Санпхет пожал плечами, и Харри сделал ему знак продолжать.

— «Двенадцать пятьдесят. Уве Клипра». О нем-то вы слышали?

— Пожалуй.

— Он один из самых богатых людей Бангкока. Я читал в газетах, что он только что продал гидроэлектростанцию в Лаосе. Он живет в храме. — Санпхет усмехнулся. — Они и раньше были знакомы с послом, они земляки. Вы слышали об Олесунне? Посол приглашал…

Он развел руками — что теперь об этом гово-

рить? — и снова поднял список.

— «Тринадцать пятнадцать. Йенс Брекке. Неизвестный, семнадцать пятьдесят пять, Манг-кон-роуд»?

— Снова звонок из телефонной будки.

Имен в списке больше не было. Харри мысленно выругался. Он сам не понимал, на что рассчитывал, но шофер не сказал ничего такого, что бы он уже не знал после телефонного разговора с Тонье Виг часом ранее.

— У вас астма, господин Санпхет?

— Астма? Нет, с чего вы взяли?

— Мы нашли в салоне машины почти пустую пластиковую ампулу. И отдали в лабораторию проверить на предмет наркотиков. Нет-нет, не бойтесь, господин Санпхет, это обычная проверка, мы всегда так делаем. Оказалось, что в ампуле был противоастматический препарат. Но никто в семье Мольнеса не страдает этим заболеванием. Не известно ли вам, кому она могла принадлежать?

Санпхет покачал головой.

Харри придвинул свой стул поближе к шоферу. Он не привык проводить допрос прямо на улице, и ему казалось, что его слышат все эти люди, сидящие на тротуаре. Он понизил голос:

— При всем моем уважении к вам должен заметить, что вы лжете. Я видел своими глазами, как секретарша в холле пользовалась спреем от астмы, господин Санпхет. Вы просидели в посольстве полдня, вы работаете там уже тридцать лет, изучили там все вдоль и поперек, вплоть до посольского туалета. И вы настаиваете на том, что не знаете, что у девушки астма?

Санпхет смотрел на него спокойным, холодным взглядом.

— Я сказал только, что не знаю, кто мог оставить ампулу с лекарством *в машине*, сэр. В Бангкоке многие страдают от астмы, и кто-то из них наверняка мог ехать в машине посла. Но насколько мне известно, мисс Ао к таковым не относится.

Харри взглянул на него. Как же он ухитряется сидеть на самом солнцепеке, когда солнце лупит с неба, словно раскаленный цимбал, и при этом с его лба не упало ни единой капельки пота? Харри уткнулся в свой блокнот, будто там был написан следующий вопрос.

— А как насчет детей?

— Простите, инспектор?

— Вы когда-нибудь возили в его машине детей, ездили в детский сад или еще куда-нибудь? Понимаете?

Лицо Санпхета оставалось непроницаемым, он только еще чуть выпрямился на стуле.

— Понимаю. Посол был не из таких, — ответил он.

— А откуда вы знаете?

Незнакомый человек взглянул на них поверх газеты, и Харри понял, что повысил голос. Санпхет поклонился.

Харри почувствовал себя дураком. Ощутил, насколько туп, жалок и мокр от пота. Именно в такой последовательности.

— Мне жаль, — сказал он. — Я не хотел вас обидеть.

Но старый шофер отвернулся в сторону и притворился, что ничего не слышит. Харри встал.

— Нам пора. Я слышал, вы любите Грига, поэтому принес вам вот это.

И он протянул шоферу кассету.

— Это его Симфония до минор. Она была впервые исполнена только в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, и я подумал, что у вас, может, ее нет. Все, кто любит Грига, должны иметь ее. Пожалуйста, возьмите.

Санпхет встал, с удивлением взял кассету и уставился на нее.

— Прощайте, — сказал ему Харри, неуклюже,

но старательно изобразив вай — сложив ладони и поклонившись, и махнул рукой Нхо, собираясь уходить.

— Подождите, — сказал вдруг старик. Его взгляд все еще был прикован к кассете. — Посол был славным человеком. Но вовсе не счастливым. У него была одна слабость. Я не хочу бросать тень на умершего, но, боюсь, он больше проигрывал, чем выигрывал на скачках.

— Так бывает, — ответил Харри.

— Да, но никто не терял при этом более пяти миллионов батов.

Харри попытался сосчитать в уме. Нхо пришел ему на помощь:

— Сто тысяч долларов.

Харри присвистнул.

— Допустим, у него были на это средства…

— Не было у него средств, — отрезал Санпхет. — Он занимал деньги у каких-то акул Бангкока. В последние недели кредиторы осаждали его по телефону. — И он посмотрел на Харри. Трудно было понять, что выражают эти азиатские глаза. — Лично я считаю, что долги надо отдавать, но если кто-то убил его из-за денег, то его надо наказать.

— Значит, посол был человеком несчастливым?

— Жизнь у него была нелегкая.

Внезапно Харри кое-что вспомнил:

— Вам что-нибудь говорит запись «Ман Ю»?

Старик вопросительно взглянул на него.

— Она была сделана в календаре посла в день убийства. Но я проверил программу телепередач, и в тот день не показывали игру «Манчестер Юнайтед».

— А, «Манчестер Юнайтед», — заулыбался Санпхет. — Так это же Клипра. Посол звал его «мистер Ман Ю». Клипра ездил в Англию, чтобы посмотреть, как они играют, и купил себе массу акций этого клуба. Очень необычный человек.

— Посмотрим, я поговорю с ним позже.

— Если найдете его.

— Что вы имеете в виду?

— Люди не могут найти Клипру. Это Клипра находит людей.

Этого еще не хватало, подумал Харри. Прямо герой комиксов.

— Долги по скачкам кардинально меняют всю картину, — заявил Нхо, когда они сели в машину.

— Может быть, — ответил Харри. — Три четверти миллиона крон большая сумма, но достаточная ли?

— В Бангкоке убивают и за меньшие деньги, — сказал Нхо. — За гораздо меньшие, уж поверь.

— Я думаю не об акулах-кредиторах, а об Атле Мольнесе. Ведь он из богатой семьи. И имел возможность заплатить, особенно если ему угрожали расправой. Что-то здесь не сходится. Как тебе господин Санпхет?

— Он лгал, когда говорил о мисс Ао.

— Да? А почему ты так думаешь?

Нхо не ответил, лишь загадочно улыбнулся и указал пальцем на свою голову.

— О чем ты, Нхо? Ты что, всегда знаешь, когда люди говорят неправду?

— Меня мать научила это угадывать. Во время вьетнамской войны она зарабатывала игрой в покер на Сой-Ковбой.

— Ерунда! Я знаю полицейских, которые всю жизнь допрашивали людей, и все они говорят одно и то же: хорошего лжеца никогда не распознаешь.

— Надо уметь видеть. Лжеца можно заметить по мелочам. Вот ты, например, едва шевелил губами, когда говорил, что все почитатели Грига должны иметь у себя эту запись симфонии.

Харри почувствовал, как краска приливает к щекам.

— Кассета оказалась случайно у меня в плеере. А один австралийский полицейский в свое время рассказывал мне о григовской Симфонии до минор. И я купил ее в память о нем.

— Во всяком случае, это подействовало. — Нхо едва увернулся от грузовика, который, грохоча, летел прямо на них.

— Какого черта! — выкрикнул Харри. — Он ехал не в том ряду.

— Но он больше, — пожал плечами Нхо.

Харри взглянул на часы.

— Нам пора уже быть в Управлении, а еще я должен успеть на похороны. — И он с ужасом подумал о теплом пиджаке, висевшем в шкафу рядом с его «кабинетом». — Надеюсь, в церкви есть кондиционеры. Зачем, скажи на милость, заставлять нас сидеть на улице, жарясь на солнце? Отчего старик не пригласил нас в тенек?

— Гордость, — объяснил Нхо.

— Гордость?

— Он живет в крохотной комнатенке, совсем не такой шикарной, как машина, на которой он разъезжает, и место, где он работает. И ему неудобно приглашать нас к себе, он боится и сам опозориться, и нас обидеть.

— Странный человек.

— Это Таиланд, — добавил Нхо. — Я тоже не пригласил бы тебя к себе. Я предложил бы тебе чаю на лестнице.

Он резко свернул направо, и от него в испуге шарахнулись две моторикши на деревянных колесах. Харри машинально выставил руки вперед.

— Я ведь…

— …больше. Спасибо, Нхо, я усвоил это правило.

Глава 15

— Прах к праху, — произнес сосед Харри, перекрестившись.

Это был крепкий мужчина, загорелый, голубоглазый, его облик заставил Харри подумать о мореной древесине и линялой джинсовке. На нем была шелковая рубашка: расстегнутая у шеи, она обнажала массивную золотую цепь, поблескивающую на солнце. Нос покрывали красные прожилки, и загорелый череп просвечивал, словно бильярдный шар, сквозь поредевшую шевелюру. Благодаря своим живым глазам Руал Борк казался гораздо моложе своих семидесяти лет.

Он разговаривал громко, нисколько не стесняясь того, что находится на похоронах. Певучий нурланнский диалект разносился под сводами церкви, но никто не оборачивался с осуждающим видом.

Когда они вышли из крематория, Харри представился собеседнику.

— Надо же, рядом со мной все это время стоял полицейский, а я и не знал. Хорошо еще, не

сболтнул чего лишнего, а то это дорого бы мне обошлось. — И он оглушительно захохотал, протянув для приветствия по-стариковски сухую, узловатую руку. — Руал Борк, малообеспеченный пенсионер, — с иронией произнес он, но глаза при этом остались серьезными.

— Тонье Виг рассказала мне, что вы для здешней норвежской колонии что-то вроде духовного лидера.

— Должен вас разочаровать. Как видите, я всего лишь старый, немощный человек, а вовсе никакой не лидер. К тому же я переместился на периферию, и в прямом, и в переносном смысле.

— Вот как?

— В обитель греха, таиландский Содом.

— В Паттайю?

— Именно так. Там и другие норвежцы, которых я пытаюсь научить уму-разуму.

— Позвольте, я тогда скажу напрямик, Борк. Мы пробовали созвониться с Уве Клипрой, но его охрана говорит, что не знает, где сейчас Клипра и когда вернется.

Борк ухмыльнулся:

— Это похоже на Клипру.

— Как я понял, он предпочитает сам выходить на людей, но мы-то занимаемся расследованием

убийства, и у меня мало времени. Я слышал, что вы близкий друг Клипры, что-то вроде связующей нити между ним и окружающими?

Борк наклонил голову набок.

— Я не его адъютант, если вы это имели в виду. Но вы правы в том, что я иногда являюсь посредником в его контактах. Клипра неохотно общается с незнакомыми людьми.

— Именно вы были посредником между Клипрой и послом?

— Да, но только в первый раз. Клипре нравился посол, и они много общались друг с другом. Посол ведь тоже был родом из Суннмёре, пусть и хуторянин, не то что Клипра, исконный житель Олесунна[15].

— Странно, что его не было на похоронах, не так ли?

— Клипра постоянно в разъездах. Он уже несколько дней не отвечает на звонки, так что думаю, он сейчас на своих объектах во Вьетнаме или Лаосе и даже не подозревает, что посол умер. Новость-то эта не так широко освещается в прессе.

— А что тут освещать, если человек скончался

---

[15] Примечания: 15

Олесунн — центр норвежской губернии Мёре-ог-Румсдал, в состав которой, в частности, входит и район Суннмёре.

от сердечной недостаточности? — проговорил Харри.

— И потому сюда прибыл норвежский следователь? — задал вопрос Борк, утирая пот большим белым носовым платком.

— Обычное дело, когда за границей умирает посол, — парировал Харри и написал на обороте визитки телефон Управления полиции. — Вот мой номер, если надумаете позвонить, когда появится Клипра.

Борк изучающе посмотрел на визитку и, казалось, что-то хотел добавить, но, передумав, сунул ее в нагрудный карман и кивнул.

— Во всяком случае, у меня есть теперь ваш телефон, — сказал он, прощаясь, и пошел к своему старому «лендроверу».

Позади него, занимая полтротуара, поблескивала свежевымытым красным лаком другая машина. Тот самый «порше», который Харри уже видел у дома Мольнеса.

Подошла Тонье Виг.

— Надеюсь, Борк смог помочь вам.

— На этот раз — нет.

— А что насчет Клипры? Борк знает, где он находится?

— Он ничего не знает.

Она помедлила, стоя перед ним, и Харри смутно ощутил, что она чего-то от него ждет. В какое-то параноидальное мгновение вспомнился непроницаемый взгляд Торхуса в аэропорту — как это он сказал? «Деликатность задания»? Что, если Тонье Виг получила указание присматривать за Харри и сообщать о его действиях, в случае если он зайдет слишком далеко? Он взглянул на нее и тут же отбросил эту мысль.

— Чей этот красный «порше»? — спросил он.

— «Порше»?

— Ну да, вот этот. Разве девочки из Эстфолла не знают наизусть все марки автомобилей, едва достигнув шестнадцатилетнего возраста?

Тонье Виг пропустила замечание мимо ушей и надела солнцезащитные очки.

— Это машина Йенса.

— Кто такой Йенс?

— Йенс Брекке. Брокер. Пару лет назад он перешел на работу в «Барклай Таиланд» из норвежского банка «ДНБ». Вон он стоит.

Харри обернулся. На самом верху лестницы стояла Хильде Мольнес, облаченная в траурное шелковое платье, рядом с ней — Санпхет с серьезным лицом и в черном костюме. А за ними маячил молодой блондин. Харри заметил его

еще в церкви. Под пиджаком у него был жилет, несмотря на то что жара достигала тридцати пяти градусов. Глаза прятались за дорогими на вид солнцезащитными очками. Он тихо говорил о чем-то с девушкой, тоже одетой во все черное. Харри пристально посмотрел на нее, и она повернулась, словно физически ощутив прикосновение его взгляда. Он не сразу узнал в ней Руну Мольнес, но теперь понял почему. Странная асимметрия фигуры исчезла. Руна была выше остальных стоявших на лестнице. Взгляд ее не выражал никаких чувств, одну лишь скуку.

Извинившись, Харри поднялся по лестнице и подошел к Хильде Мольнес со словами соболезнования. Взял ее вялую, безвольную руку. Вдова посмотрела на него затуманенным взглядом, тяжелый аромат ее духов почти заглушал запах джина.

Наконец он повернулся к Руне. Закрывшись от солнца рукой и прищурившись, она взглянула на него снизу вверх, словно бы обнаружила его только сейчас.

— Привет, — произнесла она. — Наконец появился кто-то, кто выше меня в этой стране пигмеев. Не вы ли тот следователь, который приходил к нам?

В ее голосе угадывались агрессивные нотки, какой-то подростковый вызов. Рукопожатие оказалось крепким и энергичным. Харри невольно взглянул на другую руку. Из черного рукава торчал воскового цвета протез.

— Вы следователь? — послышался за спиной голос Йенса Бракке.

Сняв очки, блондин прищурился. У него было открытое мальчишеское лицо, непослушная светлая челка падала на глаза, голубые и почти прозрачные. Хотя круглое лицо все еще сохраняло детскую пухлость, морщинки возле глаз выдавали, что ему уже за тридцать. Костюм от Армани он сменил на классический от Дель-Джорджио, туфли от Балли ручной работы блестели, будто черные зеркала, но что-то в манере говорить придавало ему сходство с хулиганистым подростком, вырядившимся как взрослый.

— Я из норвежской полиции, приехал сюда провести полагающееся в таких случаях дознание, — представившись, сообщил Харри.

— Вот как? Это что, дело обычное?

— Вы разговаривали с послом в день его смерти, не так ли?

Брекке чуть удивленно взглянул на Харри.

— Верно. А откуда вам это известно?

— Мы нашли его мобильный телефон. Ваш номер фигурировал в числе последних пяти, по которым он звонил.

Харри внимательно посмотрел на своего собеседника, но тот не выразил ни удивления, ни замешательства, одно лишь искреннее недоумение.

— Мы можем поговорить? — спросил Харри.

— Конечно, — ответил Брекке, и между его указательным и средним пальцем вдруг появилась визитная карточка.

— Дома или на работе?

— Дома я сплю, — заявил он.

Почти незаметная улыбка мелькнула на его лице, но Харри тем не менее ее уловил. Словно бы Йенса забавлял сам факт разговора со следователем, словно в этом было что-то не совсем приличное.

— А теперь, простите, я должен откланяться…

И Брекке шепнул пару слов на ухо Руне, кивнул Хильде Мольнес и бегом по лестнице спустился к своему «порше». Народ почти уже разъехался, Санпхет проводил Хильде к посольской машине, и Харри остался на лестнице вдвоем с Руной.

— Теперь будут поминки в посольстве, — сказал он.

— Знаю. Но матери туда совсем не хочется.

— Понимаю. К вам, наверное, приедут родственники.

— Нет, — односложно ответила она.

Харри видел, как Санпхет закрывает дверь за Хильде Мольнес и обходит машину кругом.

— Хорошо. Вы можете поехать со мной на такси, если хотите.

Харри почувствовал, как у него запылали мочки ушей. Он-то имел в виду: «если хотите туда поехать».

Она взглянула на него. Глаза у нее были темные и непроницаемые.

— Не хочу, — ответила она и направилась к посольской машине.

Глава 16

Настроение у всех было подавленное, разговаривали мало. Тонье Виг сама попросила Харри прийти, и теперь они вместе стояли в углу, вертя в руках бокалы с напитками. Тонье допивала второй мартини. Харри попросил воды, но получил сладкий и липкий апельсиновый сок.

— У тебя осталась дома семья?

— Да, кое-кто, — ответил Харри, не совсем понимая, что означает эта смена темы и обращение на «ты».

— У меня тоже, — продолжала она. — Родители, братья и сестры. Есть еще дяди и тети, а вот бабушек и дедушек уже нет. Вот так. А у тебя?

— Примерно так же.

Мимо них скользнула Ао, держа в руках поднос с напитками. На ней было простое, традиционное тайское платье с длинным разрезом на боку. Он проводил ее взглядом. Несложно было представить себе, что господин посол мог и не устоять перед таким искушением.

В другом конце комнаты, перед большой картой мира, стоял какой-то человек, широко расставив

ноги и покачиваясь. Стройный, широкоплечий, седоватые волосы подстрижены так же коротко, как и у Харри. Глубоко посаженные глаза, под кожей перекатываются мускулы, руки убраны за спину. Сразу видно военного.

— Кто это?

— Ивар Лёкен. Посол звал его просто ЛМ.

— Лёкен? Странно. Такой фамилии нет в списке сотрудников посольства, который мне дали в Осло. Чем он занимается?

— Хороший вопрос, — хихикнула она и отпила коктейль. — Прости, Харри. Ничего, что я называю тебя Харри? Я сегодня выпила, было так много работы в последние дни, и я плохо спала. Знаешь, он приехал сюда в прошлом году, вскоре после Мольнеса. Грубо говоря, он из тех мидовцев, которые уже никуда не дойдут.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что его карьера испорчена. Он из военных, и в какой-то момент к его имени стало слишком часто прилипать словечко «но».

— «Но»?

— Ты разве не слышал, как в МИДе отзываются друг о друге? «Он прекрасный дипломат, но выпивоха, но бабник» — и так далее. А то, что стоит после «но», гораздо важнее, чем то, что до, потому

что определяет в конечном счете дальнейшую карьеру. Вот почему в руководстве так много добропорядочных посредственностей.

— В чем же заключается его «но» и почему он оказался здесь?

— Честно говоря, сама не знаю. Я вижу, что он назначает встречи, пишет отчеты для Осло, но больше мы ничего не знаем. Думаю, ему нравится быть одному. Иногда он берет палатку, таблетки от малярии, рюкзак с фотоаппаратурой и отправляется во Вьетнам, Лаос или Камбоджу. Одинокий волк, ты ведь знаешь таких?

— Пожалуй. А что за отчеты он пишет?

— Понятия не имею. Этим ведал посол.

— Не знаешь? Вас ведь не так много в посольстве. Он занимается разведкой?

— С какой стати?

— Ну, Бангкок — центральный перевалочный пункт для всей Азии.

Она посмотрела на него, игриво улыбаясь.

— Подумать только, какими важными вещами мы тут занимаемся! Но мне все-таки кажется, что МИД просто отправил его сюда в благодарность за долгую и, в общем-то, верную службу королю и отечеству. А кроме того, я не разглашаю служебные тайны.

Снова усмехнувшись, она положила руку на плечо Харри:

— Не сменить ли нам тему?

Харри послушно сменил тему, а потом пошел за новой порцией напитков. Человеческое тело на шестьдесят процентов состоит из воды, и у Харри было чувство, что бóльшая часть его самого за этот день просто испарилась, исчезла где-то в этом сизом небе.

Ао стояла вместе с Санпхетом в глубине комнаты. Санпхет сдержанно кивнул.

— Можно воды? — спросил Харри.

Ао протянула ему стакан.

— Что означает «ЛМ»?

Санпхет поднял брови.

— Вы имеете в виду господина Лёкена?

— Именно.

— Почему бы вам не спросить об этом у него самого?

— А вдруг вы называете его так только за его спиной.

Санпхет усмехнулся.

— Л означает «living»[16], а М — «morphine»[17].

---

[16] Примечания: 16
Живой *(англ.)*.

[17] Примечания: 17
Морфий *(англ.)*.

Это его старое прозвище, он получил его после службы во Вьетнаме по линии ООН, в самом конце войны.

— Во Вьетнаме?

Санпхет едва кивнул, и Ао исчезла.

— Лёкен служил во вьетнамских войсках в тысяча девятьсот семьдесят пятом году, и его взвод ждал, когда их заберет вертолет, когда на них напал вьетконговский патруль. Началась стрельба, и Лёкен был ранен: пуля прошла через затылочную мышцу. Американцы давно уже вывели своих солдат из Вьетнама, но там еще оставались санитары. Они отыскивали в густых зарослях раненых и оказывали им первую помощь. С собой у них был кусок мела, и они помечали им каски солдат, эдакая история болезни. Если они писали букву «D», значит, солдат уже умер, и другие санитары с носилками не будут тратить время на оказание помощи. «L» означало, что пострадавший еще жив, а если было написано «M», то, значит, раненому дали морфий. Таким образом было понятно, кому уже не надо колоть морфий, чтобы избежать передозировки.

Санпхет кивнул в сторону Лёкена.

— Когда его нашли, он был без сознания, и морфий ему колоть не стали, просто написали

на каске «L» и погрузили в вертолет вместе с остальными. Когда же он очнулся, корчась от боли, то сперва не понял, где находится. Но потом отодвинул убитого, лежавшего на нем, и увидел человека с белой нарукавной повязкой, делавшего укол другому раненому. Тут он все уразумел и начал кричать, чтобы ему дали морфий от боли. Санитар постучал по его каске и говорит: «Прости, старина, но ты уже получил полный шприц». Лёкен не поверил, сорвал с себя каску и увидел, что на ней написаны буквы «L» и «M». Только на самом деле это была не его каска, а чужая. Тогда он посмотрел на солдата, которому только что сделали укол. Он взглянул на его голову, а на ней — каска с буквой «L», и он тут же узнал свою мятую пачку сигарет под ремешком и эмблему ООН. Тут он и понял, что произошло. Солдат подменил шлем, чтобы ему вкололи еще одну дозу морфия. Лёкен позвал санитара, но его крики заглушил рев мотора. Так Лёкен и пролежал полчаса, крича от боли, пока они не прибыли на поле для гольфа.

— Поле для гольфа?

— На базу. Мы так ее называли.

— Значит, и вы там были?

Санпхет кивнул.

— Вот почему вы так хорошо знаете эту историю?

— Я был санитаром-добровольцем и принимал их.

— И что же с ними было дальше?

— Лёкен был жив, а второй так и не очнулся.

— Передоз морфия?

— Вряд ли он умер от пули в животе.

Харри качнул головой.

— И теперь вы с Лёкеном работаете в одном месте.

— Так вышло.

— В какой степени случайно?

— Мир тесен, — заметил Санпхет.

— Значит, ЛМ. — Харри допил воду и, пробормотав, что никак не напьется, пошел искать Ао.

— Тебе его не хватает, господина посла? — спросил он, найдя ее наконец на кухне: она обертывала салфетки вокруг бокалов и прикрепляла их резинками.

Девушка бросила на него удивленный взгляд и молча кивнула.

Харри вертел в руке пустой бокал.

— Как давно вы с ним стали любовниками?

Она открыла свой маленький прелестный ротик, но, так и не найдя что сказать в ответ, за-

крыла его, потом снова открыла, словно золотая рыбка. Глаза ее гневно сверкнули, и Харри уже приготовился, что она ударит его, но сердитое выражение исчезло. Вместо этого из глаз брызнули слезы.

— Сожалею, — произнес Харри, впрочем без всякого сожаления в голосе.

— Вы…

— Сожалею. Но мы вынуждены задавать такие вопросы.

— Но я…

Она закашлялась, подняла и опустила плечи, словно сбрасывая с себя злость.

— Посол был женат. А я…

— Тоже замужем?

— Нет, но…

Харри легонько подхватил ее под руку и отвел подальше от кухонной двери. Она повернулась к нему, в глазах снова вспыхнул гнев.

— Послушай, Ао, посол был найден в мотеле. Тебе известно, что это значит. Значит это, что ты не единственная, кого он трахал. — И он посмотрел на нее, наблюдая, какое впечатление произвели его слова. — Мы здесь для того, чтобы расследовать убийство. К тому же у тебя нет оснований соблюдать по отношению к нему какие-либо

обязательства.

Она всхлипнула, и он заметил, что трясет ее за руку. Он разжал пальцы. Она подняла на него глаза. Зрачки ее были большими и черными.

— Ты чего-то боишься?

Грудь ее вздымалась.

— А если я пообещаю ничего никому не рассказывать, если только это не имеет отношения к убийству?

— Мы не были любовниками!

Харри снова взглянул на нее, но увидел все те же черные зрачки. И пожалел, что с ним нет сейчас Нхо.

— Ладно. Что тогда делает молодая девушка вроде тебя в машине женатого посла? Кроме того, что принимает там лекарство от астмы?

Харри поставил пустой бокал на поднос и вышел. Там же он намеренно оставил пластиковую ампулу. Идиотский жест, но Харри был готов делать идиотские жесты, чтобы подтолкнуть события. Какие угодно.

Глава 17

Элизабет Доротея Крамли была не в духе.

— Что за чертовщина! У нас иностранец с ножом в спине, найденный в мотеле, и никаких отпечатков пальцев, никаких подозреваемых, никаких улик. Только мафия, секретарши, «Тоня Хардинг», владелец мотеля. Я кого-то забыла?

— Кредиторы, — вставил Рангсан из-за газеты «Бангкок пост».

— Это мафия, — поправила его инспектор.

— Но не тот кредитор, к которому обращался посол Мольнес, — снова сказал Рангсан.

— Что ты имеешь в виду?

Рангсан отложил газету.

— Харри, ты упоминал, что шофер рассказывал, будто посол задолжал кому-то денег. Что делает кредитор, когда должник мертв? Он пытается получить долг с родственников, не так ли?

Лиз скептически посмотрела на него.

— Отчего же? Подобные долги на скачках — дело личное, семья тут ни при чем.

— Есть еще такие, кому небезразличны понятия вроде фамильной чести, а кредиторы — деловые

люди, они, конечно же, пытаются получить свои деньги любым способом.

— Это притянуто за уши, — скривилась Лиз.

Рангсан снова развернул газету.

— К тому же в списке входящих звонков Мольнесам за последние три дня номер «Тай Индо тревеллерз» мне попался трижды.

Лиз тихо присвистнула, и все за столом закивали.

— Что? — встрепенулся Харри, поняв, что тут у него пробел.

— «Тай Индо тревеллерз» — это с виду обычное туристическое агентство, — объяснила Лиз. — Но основная их деятельность происходит на втором этаже офиса. Там выдают кредиты тем, кто не смог получить их в других местах. У них огромные проценты и очень эффективная и жесткая система взыскания долгов. Какое-то время мы наблюдали за ними.

— Безрезультатно?

— Да нет, мы могли бы что-нибудь на них накопать, если бы захотели. Но подумали, что их конкуренты еще хуже, те, кто займет их нишу на рынке, прикрой мы «Тай Индо», и оставили все как есть. Они явно действуют отдельно от мафии и, насколько нам известно, даже не платят про-

центов боссам за крышу. И если посла убил кто-то из их людей, то это первый подобный случай в их истории.

— Может, решили наконец кого-нибудь показательно проучить, — предположил Нхо.

— Ага, сначала убить посла, а потом звонить его семье и требовать возврата долга. По-моему, несколько странный порядок действий! — усмехнулся Харри.

— А почему бы и нет? Это послание другим должникам: вот что с вами будет, если не заплатите вовремя. — Рангсан перевернул газетную страницу. — А если вдобавок родные вернули деньги, то вообще все отлично.

— Допустим, — сказала Лиз. — Нхо и Харри, вы нанесете им визит вежливости. И вот еще что: я поговорила с нашими техниками. Они не могут идентифицировать жир на орудии убийства, следы которого обнаружены на костюме Мольнеса. Они считают, что он органического происхождения, точнее, что это жир какого-то животного. Ну ладно, на этом все, за работу.

Рангсан догнал Харри и Нхо по дороге к лифту.

— Будьте осторожны, там сидят конкретные ребята. Я слышал, они применяют к должникам гребной винт.

— Гребной винт?

— Берут их с собой на катер, привязывают к свае в реке и, поднявшись чуть выше по течению, вытаскивают подвесной мотор из воды и пускают в режиме реверса, потихоньку сплавляясь вниз. Представляешь себе?

Харри представлял это себе довольно отчетливо.

— Пару лет назад мы нашли парня, который умер от остановки сердца. Лицо у него было изрезано в клочья, в буквальном смысле. Смысл, видимо, состоял в том, чтобы он ходил в таком виде по городу на страх и в назидание остальным должникам. Но у него сердце не выдержало, едва он услышал звук мотора и увидел винт у себя под носом.

— Да, неприятно, — согласился Нхо. — Лучше заплатить.

«Amazing Thailand»[18], — было написано огромными буквами над пронзительных цветов картинкой, изображающей таиландский танец. Постер висел на стене крохотного туристического агентства на Сампенг-лейн в Чайнатауне. Кроме Харри и Нхо, а также мужчины и женщины, каж-

---

[18] Примечания: 18
«Поразительный Таиланд» *(англ.).*

дый из которых обретался за своей конторкой, в помещении, обставленном по-спартански, не было никого. На носу у мужчины сидели очки с такими толстенными стеклами, что казалось, он смотрит на мир изнутри аквариума.

Нхо предъявил ему полицейское удостоверение.

— Что он говорит?

— Что полиция здесь всегда желанный гость и что у них найдутся для нас туры с большой скидкой.

— Попроси у них бесплатный тур на второй этаж.

Нхо произнес несколько слов, и обитатель аквариума тотчас схватился за телефонную трубку.

— Господин Соренсен только допьет свой чай, — сообщил он им по-английски.

Харри открыл было рот, однако Нхо бросил в его сторону предостерегающий взгляд. Оба в ожидании уселись на стулья. Через пару минут Харри показал на бездействующий вентилятор на потолке. Обитатель аквариума с сожалением улыбнулся:

— Сломан!

Харри почувствовал, как покрывается испариной. Еще через пару минут зазвонил телефон, и

клерк пригласил их следовать за ним. У лестницы он сказал, что они должны разуться. Тут Харри подумал о своих драных, потных теннисных носках и что было бы лучше для всех, если бы он остался в ботинках. Однако Нхо качнул головой. Харри, чертыхаясь, скинул ботинки и затопал вверх по лестнице.

Обитатель аквариума постучал в какую-то дверь, ему открыли, и Харри изумленно отступил на два шага назад. Дверной проем полностью заслонила гора плоти и мускулов. На месте глаз у горы имелись две щелочки, рот обрамляли черные висячие усы, череп был выбрит, не считая жидкой косички, свисавшей вбок. Голова его, похожая на выкрашенный не в тот цвет шар для боулинга, сидела прямо на теле, без шеи, без плеч, — один сплошной загривок вздымался от ушей и до рук, таких толстенных, что они казались привинченными к телу. Харри ни разу в жизни не видел таких крупных людей.

Оставив дверь открытой, человек-гора вразвалку вернулся в комнату.

— Его зовут Ву, — шепнул на ходу Нхо. — Горилла на фрилансе. С очень плохой репутацией.

— Господи, а на вид — плохая карикатура на какого-нибудь голливудского злодея.

— Он китаец из Маньчжурии. А они славятся…

Ставни на окнах были закрыты, и в полумраке комнаты Харри разглядел очертания человека, сидящего за громоздким письменным столом. С потолка доносилось жужжание вентилятора, а со стены скалилась настоящая тигриная голова. Из-за того что балконная дверь была распахнута, шум стоял такой, словно машины мчались прямо через комнату. Там, у балкона, сидел третий. Ву вдавил свое могучее тело в единственный свободный стул, а Харри и Нхо так и остались стоять посреди комнаты.

— Чем могу быть вам полезен, господа? — донесся голос из-за письменного стола, низкий, с почти оксфордским произношением. Мужчина за столом поднял руку, и на пальце его блеснуло кольцо.

Нхо бросил взгляд на Харри.

— Мы из полиции, господин Соренсен…

— Я знаю.

— Вы одолжили денег послу Атле Мольнесу. Он мертв, и вы пытались звонить его жене, чтобы получить сумму, которую он вам задолжал.

— У нас нет никаких претензий к господину послу. А кроме того, мы не занимаемся подобными делами, господин…

— Холе. Вы лжете, господин Соренсен.

— Что вы сказали, господин Холе? — Соренсен наклонился вперед. Черты его лица были типично тайские, но кожа и волосы — белее снега, а глаза прозрачно-голубые.

Нхо дернул Харри за рукав, но тот отнял руку, выдерживая взгляд Соренсена. Он знал, что перешел грань, озвучив угрозу, и что по правилам игры господин Соренсен теперь ни в чем не сможет признаться, не рискуя потерять лицо. Однако Харри стоял в одних носках, потный, как свинья, и ему было плевать на лицо, такт и дипломатию.

— Вы находитесь в Чайнатауне, господин Холе, а не в стране фарангов. И у меня нет никаких разногласий с шефом полиции Бангкока. Предлагаю вам прежде поговорить с ним, и тогда обещаю, что я забуду об этом прискорбном эпизоде.

— Обычно именно полиция зачитывает бандитам правила Миранды — Эскобедо, а не наоборот.

Сочные, ярко-красные губы господина Соренсена дрогнули в улыбке, обнажив ослепительно-белые зубы.

— О да. «Вы имеете право хранить молчание…» и так далее. Хорошо, на этот раз пусть все будет наоборот. Ву проводит вас, господа.

— То, чем вы здесь занимаетесь, не выносит дневного света, да и вы лично его, по-видимому, не любите, господин Соренсен. На вашем месте я бы поторопился закупить защитного крема от загара. Его ведь не продают в тюремном дворике для прогулок.

Голос Соренсена стал еще более тихим.

— Не дразните меня, господин Холе. Боюсь, пребывание за границей так повлияло на меня, что я практически утратил свое таиландское терпение.

— Ничего, посидев годик-другой за решеткой, вы быстро его восстановите.

— Проводи господина Холе, Ву.

Тяжелая туша двигалась необычайно проворно. Харри почувствовал кислый запах карри и тут же оказался в воздухе, крепко зажатый, как игрушечный медвежонок на розыгрыше призов в парке аттракционов. Он попытался высвободиться, но железное объятие сжималось все сильнее с каждым его выдохом, как кольца удава, душащего жертву. В глазах потемнело, но рев транспорта усилился. Наконец Харри ощутил, что летит. Открыв глаза, он понял, что какое-то время пробыл в отключке, будто уснул на минутку. Он видел прямо перед собой указатель с китайскими иеро-

глифами, провода между двумя телефонными столбами, а выше — сероватое небо и склонившееся лицо мужчины. Затем к нему вернулся слух, стало слышно, что изо рта мужчины вылетают какие-то звуки, покуда рука показывает на балкон и на проломленную крышу туктука.

— Ну как ты, Харри? — спросил Нхо, оттолкнув сердитого водителя.

Харри окинул себя взглядом. Спина болела, а сползшие белые теннисные носки на фоне грязно-серого асфальта являли особо печальное зрелище.

— Стало быть, мне отказали в «Шрёдере». Ты хоть захватил мои ботинки?

Харри готов был поклясться, что Нхо едва удерживается от хохота.

— Соренсен попросил меня в следующий раз предъявить ордер на арест, — сказал Нхо, когда они садились в машину. — Теперь-то мы их возьмем за избиение государственного служащего.

Харри провел пальцем по ссадине на голени.

— Мы возьмем не *их*, а только ту гору мяса. Но может, он что-нибудь нам и расскажет. Что, кстати, происходит с вашими тайцами? Тонье Виг говорит, я уже третий норвежец, которого вышвыривают с балкона за последнее время.

— Старый мафиозный метод, гораздо удобнее, чем всадить пулю. Полиция, увидев валяющегося под окном мужика, не исключает, что это, *возможно*, несчастный случай. Потом какая-то сумма переходит из одних рук в другие, дело прекращается, виновных нет, и все довольны. А дырка от пули все бы только осложнила.

Они остановились на красный свет. Старая морщинистая китаянка сидела на коврике, прямо на тротуаре, и щерилась гнилыми зубами. Лицо ее плавало в дрожащем от зноя воздухе.

Глава 18

К телефону подошла жена Эуне.

— Уже поздно, — сонно проговорила она.

— Уже рано, — поправил ее Харри. — Сожалею, что позвонил в неурочное время, но мне надо поговорить с Оддгейром, пока он не ушел на работу.

— Мы как раз встаем, Харри. Подожди минутку.

— Харри? Что тебе?

— Мне нужна твоя помощь. Кто такой педофил?

Харри услышал, как Оддгейр Эуне хрюкнул в трубку и повернулся на кровати.

— Что, педофил? Отличное начало дня. Если вкратце, то это лицо, испытывающее сексуальное влечение к малолетним.

— А если поподробнее?

— Мы многого об этом не знаем, но если ты позвонишь сексологу, то он скажет тебе, что надо различать лиц, изначально склонных к педофилии, и ситуационных педофилов. Классический педофил с кульком сладостей в парке

— это человек с изначальными нарушениями. Его педофильские наклонности сформировались еще в юные годы, вовсе не обязательно под влиянием какого-то внешнего конфликта. Такие лица отождествляют себя с ребенком, подделываются под детскую манеру поведения, а иногда предпочитают роль псевдородителя. Сексуальное домогательство они, как правило, планируют заранее, и оно для них является попыткой решения собственных проблем. Скажи, кстати, мне будет оплачена эта консультация?

— А кто такой ситуационный педофил?

— Это группа более размытая. Они изначально интересуются взрослыми, а ребенок подчас выступает заменителем кого-то, с кем педофил пережил конфликт. Классический педофил чаще всего оказывается педерастом, то есть интересуется мальчиками, тогда как педофилов второго типа гораздо больше влечет к девочкам. В этой второй группе фиксируется много случаев инцеста.

— Расскажи-ка лучше о дяденьке с конфетами. Что происходит в его мозгу?

— Да то же, что в твоем и моем, Харри, только с некоторыми исключениями.

— А какими?

— Во-первых, не стоит делать обобщений, мы ведь говорим о людях. Во-вторых, это не моя область, Харри.

— Но ты знаешь об этом больше, чем я.

— Ну хорошо. У педофилов обычно низкая самооценка и так называемая хрупкая сексуальность. Короче, они не уверены в том, что смогут удовлетворить сексуальные потребности взрослого человека, опасаются, что не справятся. И только находясь с ребенком, они чувствуют, что контролируют ситуацию, и могут утолить свое влечение.

— Как именно?

— Так же разнообразно, как и другие люди. От безобидных поглаживаний до изнасилования и убийства. Это зависит от них самих.

— И в таком случае все валят на тяжелое детство и условия жизни?

— Во многих случаях насильники сами оказывались жертвами сексуального домогательства в детстве. Та же картина, что и с детьми, которых били дома: они становятся такими же и избивают своих жен и детей. Воспроизводится поведение, увиденное в детстве.

— Почему?

— Может показаться странным, но это, скорее

всего, связано с той ролевой моделью взрослого, к которой ребенок привык и которая дает ощущение надежности.

— Как их определить?

— Что ты имеешь в виду?

— По каким особым признакам я могу выделить педофила?

Эуне что-то проворчал.

— Мне жаль, Харри, но думаю, эти люди ничем особенным не отличаются. Как правило, это мужчины, они часто живут одни, и у них проблемы с социальной адаптацией. Но даже если они носят в себе сексуальное отклонение, они вполне способны прекрасно проявлять себя в других сферах жизни. И они могут встретиться тебе повсюду.

— Повсюду? И как ты думаешь, сколько их обретается в Норвегии?

— Очень трудный вопрос. Слишком уж размыты границы нормы. В Испании, например, двенадцатилетние уже считаются сексуально зрелыми, и в таком случае как нам назвать того, кто возбуждается только при виде девочек пубертатного возраста? Или того, которого возраст не волнует, лишь бы сексуальный партнер обладал такими качествами ребенка, как безволосое тело и нежная кожа?

— Понимаю. Они выступают в разных обличьях, их много, они повсюду.

— Стыд заставляет их искусно маскироваться. Большинство из них всю жизнь умело скрывает свои наклонности от окружающих, и единственное, что я могу сказать, так это то, что полиция выявляет лишь ничтожно малую часть таких людей.

— Каждого десятого.

— Что ты сказал?

— Так, ничего. Спасибо тебе, Оддгейр. Я, кстати, завязал.

— Сколько уже дней прошло?

— Восемьдесят часов.

— Трудно приходится?

— Как сказать… По крайней мере, монстры попрятались и тихо сидят под кроватью. Я думал, будет хуже.

— Ты только начал, помни, еще наступят плохие дни.

— Не сомневаюсь.

Стемнело, и таксист протянул Харри красочную брошюрку, когда он попросил отвезти его в Патпонг.

— Массаж, сэл? Отличный массаж. Я отвезу.

В тусклом свете он смотрел на фотографии тай-

ских девушек, улыбающихся ему так же невинно, как в рекламе «Тай-Эйр».

— Нет, спасибо, я еду просто поужинать.

И Харри вернул шоферу брошюру, хотя ушибленная спина и отозвалась на соблазн. Когда же он из любопытства спросил, что это за массаж, шофер ответил интернациональным жестом: просунул указательный палец одной руки в кольцо из пальцев другой.

Это Лиз порекомендовала ему «Ле Бушерон» в Патпонге, и блюда в ресторане действительно выглядели аппетитно, только есть Харри не хотелось. Он виновато улыбнулся официантке, уносившей тарелки, и не поскупился на чаевые, чтобы дать понять, что остался доволен. А потом шагнул на улицу, в лихорадочную жизнь Патпонга. Первая сой была закрыта для транспорта, зато здесь текла бесконечная толпа людей, словно бурная река огибая торговые ряды и бары. Из распахнутых дверей ревела музыка, потные мужчины и женщины толкались на тротуарах, в воздухе пахло человеческим телом, клоакой и едой. В тот момент, когда он проходил мимо одной раскрытой двери, там раздвинули занавес, и он, заглянув внутрь, увидел девушек, танцующих на сцене в непременных трусиках-бикини и

туфлях на высоких каблуках.

— Вход бесплатный, девяносто батов за напитки, — крикнул кто-то ему прямо в ухо. Он двинулся дальше, но ему казалось, будто он стоит на месте, прямо посреди этой колыхающейся уличной толпы.

Он ощутил пульсацию в животе, но не мог понять, от музыки ли это, от биения сердца или от грохота строительной техники, круглые сутки вбивавшей сваи для новой скоростной бангкокской эстакады через Силом-роуд.

В уличном кафе одна девица в ярко-красном шелковом платье, поймав его взгляд, показала на стул рядом с собой. Но Харри все шел и шел вперед, ловя себя на ощущении некоторого подпития. Из другого кафе доносился рев телевизора, висевшего в углу: шла трансляция футбольного матча, и только что забили гол. «Blowing bubbles…»[19] — затянули два англичанина с розовыми загривками и подняли бокалы.

— Заходи, blondie[20].

Высокая, стройная женщина взмахнула длин-

---

[19] Примечания: 19

«Выдувая пузыри» *(англ.),* популярная английская песня, ставшая гимном болельщиков футбольного клуба «Вест Хэм Юнайтед».

[20] Примечания: 20

Блондинчик *(англ.).*

нющими ресницами, выставила вперед крепкую грудь и скрестила ноги таким образом, что вид узких облегающих брюк уже не оставлял поля для фантазии.

— Она же катой, — произнесли за его спиной по-норвежски, и Харри обернулся.

Сзади стоял Йенс Брекке. Миниатюрная таиландка в тесной кожаной юбочке висела у него на руке.

— Здесь все потрясающе: линии, грудь, вагина. Некоторые мужчины предпочитают катой подлинному товару. А почему бы и нет? — Загорелое мальчишеское лицо Брекке озарила белоснежная улыбка. — Есть, правда, одна загвоздка: их искусственные вагины, естественно, не способны к самоочищению, как у настоящих женщин. Когда это изменится к лучшему, я сам попробую, что такое транссексуал. А вы-то что думаете об этом, инспектор?

Харри бросил взгляд на высокую женщину, которая, фыркнув, повернулась к ним спиной, едва услышав слово «катой».

— Я как-то не подумал, что некоторые из женщин здесь вовсе и не женщины.

— Неискушенному взгляду ничего не стоит обмануться, но обратите внимание на кадык: его

хирурги, как правило, убрать не могут. Кроме того, для таких типичны высокий рост, слишком вызывающая одежда, несколько агрессивный флирт. И слишком уж роскошны. Именно это их и выдает. Им не хватает сдержанности, они склонны к избыточности во всем…

Неоконченная фраза повисла в воздухе, словно некий намек, но Харри его не понял.

— Кстати, вы сами-то не склонны к избыточности, инспектор? А то, смотрю, вы что-то хромаете.

— К избыточной вере в западную технику ведения беседы. Было дело, но уже прошло.

— Что именно прошло — вера или травма? — Брекке смотрел на Харри с той же неуловимой улыбкой, как и после похорон. Будто затеял с ним какую-то игру.

— Надеюсь, что излечился и от того и от другого. Я уезжаю домой.

— Так быстро? — Неоновый свет падал на потный лоб Брекке. — Рассчитываю увидеть вас завтра в хорошей форме, инспектор.

На Суравонг-роуд Харри поймал такси.

— Массаж, сэл?

Глава 19

Когда Нхо забрал Харри возле «Ривер-Гарден», солнце как раз взошло и благосклонно светило на них средь приземистых домиков.

Они добрались до «Барклай Таиланд» к восьми часам, и улыбающийся охранник, с прической под Джими Хендрикса и аудиоплеером в ушах, пропустил их на подземную парковку. После долгих поисков Нхо наконец припарковался на единственном гостевом месте, между «БМВ» и «мерседесами», прямо у лифтов.

Сначала Нхо решил было подождать в машине, поскольку его норвежский ограничивался словом «спасибо», которому Харри научил его за чашкой кофе. На что Лиз с некоторым вызовом заметила, что «спасибо» всегда оказывается первым словом, которому белый человек пытается научить туземца.

К тому же Нхо не понравилось это место: все эти дорогущие тачки только притягивают к себе угонщиков. Пусть паркинг и оснащен видеокамерами, все равно нельзя надеяться на охранника, судя по тому, как он стоит и щелкает пальца-

ми в такт музыке из плеера, пока открывается шлагбаум.

Харри поднялся на лифте на десятый этаж и вошел в холл «Барклай Таиланд». Представившись, он взглянул на часы. И подумал, что придется подождать Брекке, однако секретарша проводила его назад к лифту, провела карточкой по считывающему устройству и нажала на букву «П», объяснив Харри, что это «пентхаус». Затем она выскользнула из кабины, а Харри начал вознесение на небо.

Едва двери лифта открылись, как Харри увидел Брекке, стоящего посреди кабинета на сверкающем коричневом паркете. Брокер, опираясь на массивный стол красного дерева, прижимал к уху телефонную трубку. Другую он придерживал плечом. Все остальное в этом помещении было сплошное стекло. Стеклянные стены, потолок, журнальный столик, даже стулья и те стеклянные.

— Мы еще поговорим, Том. Будь осторожен, чтобы тебя сегодня не слопали. И, как условились, избавляйся от рупий.

С извиняющейся улыбкой взглянув на Харри, он поднес к уху другую трубку, мельком глянул на часы, мигающие на дисплее компьютера, ко-

ротко произнес: «Да» — и положил трубку.

— Что это было? — спросил Харри.

— Это моя работа.

— В чем же она заключается?

— Только что мне надо было обеспечить долларовый кредит для одного клиента.

— Большой? — поинтересовался Харри, обводя взглядом панораму Бангкока за стеклом: город раскинулся перед ними, наполовину затянутый смогом.

— Смотря с чем сравнивать. Думаю, потянет на средний годовой бюджет одной норвежской коммуны.

В этот момент зажужжал очередной телефон, и Брекке нажал кнопку селекторной связи:

— Примите сообщение, Шена, я сейчас занят.

И отпустил кнопку, не дожидаясь подтверждения.

— Много дел?

Брекке рассмеялся.

— Разве вы не читаете газет? В Азии валютный кризис. Все в штаны наложили и скупают доллары как сумасшедшие. Банки и брокерские конторы, что ни день, становятся банкротами, и народ уже начал сигать из окон.

— Но не вы? — спросил Харри, невольно поти-

рая поясницу.

— Я? Я брокер, из стервятников.

И он помахал руками, изображая крылья.

— Такие, как мы, зарабатывают деньги независимо ни от чего, пока продолжаются торги и люди продают и покупают. Как говорится, «Showtime is good time»[21], а сейчас шоу идет круглосуточно.

— Вы, значит, крупье в этой игре?

— Именно так, хорошо сказано, надо бы запомнить. А другие идиоты — просто игроки.

— Идиоты?

— Конечно.

— Я-то думал, что эти трейдеры довольно ловкие типы.

— Ловкие-то они ловкие, но все равно круглые идиоты. Вечный парадокс заключается в том, что чем они ловчее, тем больше суетятся на валютном рынке. А ведь они лучше других должны понимать, что постоянно выигрывать в рулетку невозможно. Пусть я не особо умнее их, но я, во всяком случае, понимаю такие вещи.

— Значит, вы, Брекке, никогда сами не садитесь за рулетку?

— Бывает, я делаю ставки.

---

[21] Примечания: 21

«Время шоу — хорошее время» *(англ.).*

— А это не превращает вас в одного из идиотов?

Брекке протянул Харри коробку с сигарами, но тот отказался.

— Разумно. Вкус у них омерзительный. Я курю их только потому, что положено. Потому что у меня есть деньги.

Покачав головой, он взял сигару.

— Вы видели фильм «Казино», инспектор? С Робертом де Ниро и Шэрон Стоун?

Харри кивнул.

— Тогда вы помните сцену, где Джо Пеши рассказывает о парне, который единственный из всех постоянно зарабатывает себе деньги игрой? На самом деле он не играл, а делал ставки. На скачках, на баскетбольных матчах и прочем. Это не то же самое, что рулетка.

Брекке подвинул стеклянный стул к Харри и тоже сел.

— Любая игра — это везение, а тотализатор — нет. Тотализатор основан на двух вещах: психологии и информации. Выигрывает самый хитрый. Возьмем хотя бы того парня из «Казино». Он только и делает, что собирает информацию: о родословной лошадей, о том, как прошла тренировка на прошлой неделе, что за корм им

дают, сколько весил жокей этим утром, — одним словом, всю информацию, которую другие не в состоянии собрать, или добыть, или переварить. Потом он суммирует ее и создает картину того, каковы шансы на успех у каждой лошади и что делают другие игроки. Если у лошади высокие шансы, он ставит на нее. Таким образом он и зарабатывает свои деньги. А другие их теряют.

— Так просто?

Брекке предостерегающе поднял руку и взглянул на часы.

— Я знал, что один японский инвестор из банка «Асахи» должен был приехать в Патпонг вчера вечером. В конце концов я нашел его на Четвертой сой. Выкачивал из него информацию до трех часов ночи, потом отдал ему свою девку и вернулся домой. На работе я был сегодня уже в шесть утра и скупал баты. Он скоро тоже придет на работу и купит баты на четыре миллиарда крон. Но тогда я уже снова стану продавать их.

— Деньги, похоже, огромные, но методы, боюсь, почти незаконные.

— Почти, Харри. Именно почти.

Брекке оживился, голос его зазвучал гордо, словно это мальчишка хвастается новой игрушкой.

— О морали речь здесь не идет. Хочешь быть нападающим — не бойся офсайда. Правила существуют только для того, чтобы их нарушать.

— И выигрывает тот, кто нарушает правила дольше всех?

— Когда Марадона забил мяч рукой в ворота англичанам, болельщики восприняли это как часть игры, не заметил судья — и прекрасно. — Брекке поднял палец. — Тем не менее нельзя забывать, что речь идет лишь о шансах. Иногда ты проигрываешь, но если вероятности на твоей стороне, то сможешь зарабатывать этим еще очень и очень долго, — и он с отвращением загасил сигару. — Сегодня этот японец определяет мои дальнейшие действия, но знаете, что лучше всего? Когда вы сами можете диктовать правила игры. К примеру, пустить слух прямо перед тем, как в США будут обнародованы темпы инфляции, о том, что Гринспен[22] на частном обеде обмолвился о повышении процентных ставок. Или сбить с толку своих противников. Именно так вы получаете наибольшую прибыль. Куда увлекательнее секса! — Брекке захохотал и восторженно топнул ногой. — Валютный рынок — это мать

[22] Примечания: 22

Гринспен Алан — американский экономист, председатель Федеральной резервной системы США (1987–2006).

всех прочих рынков, Харри. Это «Формула-один». Столь же пьяняще и опасно для жизни. Знаю, у меня извращенный взгляд на вещи, но я из тех, кто любит держать все под контролем и знать, что если и разобьешься насмерть, то только по собственной вине.

Харри огляделся. Чокнутый профессор в стеклянной комнате.

— А если вас остановят за превышение скорости?

— До тех пор пока я зарабатываю деньги и не высовываюсь, все довольны. К тому же у меня самые высокие доходы в компании. Видите этот офис? Раньше здесь сидел директор «Барклай Таиланд». И вы, наверное, спросите, почему же теперь здесь обретаюсь я, какой-то там брокер? А сижу я здесь потому, что в брокерской компании имеет значение только одно — сколько денег ты зарабатываешь. Все прочее — декорация. В том числе и начальники: они ведь зависят от нас, своими операциями на рынке мы сохраняем им работу и зарплату. Мой начальник переехал сейчас в уютненький кабинет этажом ниже, поскольку я пригрозил ему, что уйду работать к конкуренту и всех клиентов с собой прихвачу, если он не подпишет со мной более выгодный

договор. И не предоставит мне этот офис.

Он расстегнул жилет и снял его, повесив на один из стеклянных стульев.

— Хватит обо мне. Чем могу вам помочь, Харри?

— Я все думаю, о чем это вы с послом разговаривали по телефону в день убийства.

— Он позвонил мне, чтобы подтвердить нашу встречу. И я подтвердил.

— А что потом?

— Он приехал сюда в четыре часа дня, как мы и договорились. Может, минут на пять задержался. Шена из приемной может сказать точнее, он сперва записался у нее.

— О чем же вы разговаривали?

— О деньгах. Он хотел разместить некоторую сумму. — Ни один мускул не дрогнул на его лице: было неясно, лжет он или нет. — Мы просидели здесь до пяти. Затем я проводил его в паркинг, где он оставил свою машину.

— Она стояла на гостевом месте, там же, где теперь стоит наша?

— Если речь о гостевом месте, то да. Именно там.

— Тогда вы видели его в последний раз?

— Именно так.

— Спасибо, — поблагодарил его Харри.

— Ради бога. Стоило ехать в такую даль за подобной мелочью.

— Как я уже говорил, это всего лишь обычное в таких случаях дознание.

— Ну разумеется. Ведь он умер от инфаркта, не так ли? — и Йенс Брекке ухмыльнулся.

— Похоже, что да, — ответил ему Харри.

— Я друг семьи, — продолжал Брекке. — Все молчат, но я умею понимать знаки. Они говорят сами за себя.

Когда Харри поднялся со стула, двери лифта раскрылись, и оттуда появилась секретарша, держа в руках поднос со стаканами и двумя бутылками.

— Немного воды перед уходом, Харри? Мне присылают ее самолетом раз в месяц. — Он наполнил стаканы норвежской минеральной водой «Фаррис» из Ларвика. — Кстати, Харри, время телефонного разговора, которое вы называли вчера, ошибочно.

Он открыл дверь шкафа у стены, и Харри увидел что-то вроде панели банкомата. Брекке набрал какие-то цифры.

— Время было тринадцать тринадцать, а не тринадцать пятнадцать. Возможно, это ничего не значит, но я подумал, что вам стоит знать точное

время звонка.

— Время сообщила нам телефонная компания. Почему вы решили, что именно вы знаете точное время?

— Потому что точное время — у меня, — и белоснежные зубы снова сверкнули в улыбке. — Этот аппарат фиксирует все мои телефонные переговоры. Он стоит полмиллиона крон, и часы в нем спутниковые. Поверьте мне, точнее не бывает.

Харри поднял брови.

— Неужели кому-то еще могло прийти в голову выложить полмиллиона за магнитофон?

— Таких гораздо больше, чем вы думаете. Например, большинство брокеров. Когда обсуждаешь по телефону, продавать или покупать на рынке валюту, то какая-то сумма в полмиллиона — это мелочь, которую можно упустить из виду. А магнитофон автоматически фиксирует тайм-код на этой специальной ленте. — И он указал на пленку, напоминавшую обычную видеокассету. — Тайм-кодом невозможно манипулировать, нельзя изменить запись, не нарушив его. Единственное, что можно сделать, так это спрятать запись, но тогда другие обнаружат, что запись разговора за определенный период времени отсутствует. Такая тщательность необходима для

того, чтобы пленки с записями могли в случае чего служить доказательством в суде.

— Вы хотите сказать, что у вас есть и запись беседы с Мольнесом?

— Разумеется.

— Не могли бы мы…

— Минутку.

Странно было слышать живой голос человека, которого ты только что видел мертвым, с ножом, торчащим в спине.

— Значит, в четыре, — произнес посол.

Голос звучал бесцветно, как-то грустно. Потом посол положил трубку.

Глава 20

— Как спина, не болит? — обеспокоенно спросила Лиз, когда Харри, прихрамывая, явился в Управление на утреннюю летучку.

— Уже лучше, — солгал он и сел поперек стула.

Нхо протянул ему сигарету, но Рангсан закашлял за своей газетой, и Харри не стал закуривать.

— У меня есть новости, которые поднимут тебе настроение, — сообщила Лиз.

— У меня и так хорошее настроение.

— Во-первых, мы решили задержать Ву. Посмотрим, как он заговорит, когда мы пригрозим ему тремя годами за нападение на полицейского при исполнении. Господин Соренсен утверждает, что не видел Ву уже несколько дней, тот, мол, фрилансер, приходит когда захочет. У нас нет его адреса, но известно, что он любит захаживать в ресторан в Рачадамноне, это стадион для тайского бокса. На боксеров там ставят огромные суммы, и кредиторы обычно пасутся поблизости в поисках новых клиентов, а заодно высматривают должников. Вторая хорошая новость — Сунтхорн порасспрашивал в отелях, где, как мы подозре-

ваем, оказываются эскорт-услуги. Посол, со всей очевидностью, посещал один такой отель, там вспомнили его машину с дипломатическими номерами. Говорят, он был там с женщиной.

— Прекрасно.

Лиз явно задела прохладная реакция Харри.

— Прекрасно?

— Он возил в отель мисс Ао и трахал ее там, разве непонятно? Наверняка она не хотела приглашать его к себе домой. Получается, из всего этого у нас есть только Хильде Мольнес: у нее-то был мотив, чтобы прикончить своего мужа. Или же его прикончил бойфренд мисс Ао, если у нее он вообще имеется.

— Да и мисс Ао сама могла иметь мотив, если Мольнес намеревался бросить ее, — добавил Нхо.

— У нас масса хороших предложений, — подытожила Лиз. — С чего начнем?

— Проверьте алиби, — раздался голос из-за газеты.

В переговорной посольства мисс Ао взглянула на Харри и Нхо покрасневшими от слез глазами. Она наотрез отказалась признавать, что посещала какой-либо отель, сообщила, что живет с сестрой и матерью, но в вечер убийства ее не бы-

ло дома. У нее нет никаких знакомых, говорила она, а домой она вернулась очень поздно, где-то после полуночи. Но едва Нхо попытался выспросить ее поподробнее, как она ударилась в слезы.

— Будет лучше, если ты сейчас все нам расскажешь, Ао, — вмешался Харри и прикрыл шторы. — Один раз ты нам уже солгала. Теперь все гораздо серьезнее. Ты говоришь, тебя не было дома в день убийства, и при этом никто не может подтвердить, где именно ты была.

— Моя мать и сестра…

— Могут лишь подтвердить, что ты вернулась домой после полуночи. Но тебе это не поможет, Ао.

Слезы струились по милому кукольному личику. Харри вздохнул.

— Нам придется забрать тебя с собой, — произнес он. — Если ты все-таки не передумаешь и не расскажешь нам, где была в тот вечер.

Она покачала головой, Харри и Нхо переглянулись. Нхо, пожав плечами, легонько взял ее под руку, но она уронила голову на стол, продолжая рыдать. В этот самый миг раздался слабый стук в дверь. Харри приоткрыл ее. На пороге стоял Санпхет.

— Санпхет, мы…

Шофер поднес палец к губам.

— Я знаю, — шепнул он и махнул Харри, чтобы тот вышел.

— Что? — спросил Харри, выйдя из переговорной и притворив за собой дверь.

— Вы допрашиваете мисс Ао. Вы хотите знать, где она находилась в момент убийства.

Харри ничего не ответил. Санпхет кашлянул и выпрямился:

— Я вам солгал. Мисс Ао бывала в посольской машине.

— Вот как? — слегка удивился Харри.

— Много раз была.

— Значит, ты знал о ее связи с послом?

— Не с послом.

До Харри не сразу дошел смысл сказанного, но затем он недоверчиво уставился на стоящего перед ним старика.

— Так это были вы, Санпхет? Вы и мисс Ао?

— Это долгая история, и боюсь, вы не все в ней поймете, — продолжал он, испытующе глядя на Харри. — Мисс Ао была у меня в тот вечер, когда убили посла. Она никогда не призналась бы в этом, так как мы оба могли лишиться работы. Тут не поощряется, когда сотрудники путаются друг с другом.

Харри провел рукой по волосам.

— Я знаю, о чем вы думаете, инспектор. Что я старик, а она совсем девчонка.

— Пожалуй, я не очень хорошо понимаю вас, Санпхет.

Санпхет слабо усмехнулся.

— Когда-то давно мы с ее матерью были любовниками, еще до того, как она родила Ао. В Таиланде есть такое понятие — пхии. Это слово можно перевести как «право старшинства», когда старшему подчиняется младший по возрасту. Но смысл шире: старший еще и несет ответственность за младшего. Мисс Ао получила работу в посольстве по моей рекомендации, она сердечная и благодарная девушка.

— Благодарная? — вырвалось у Харри. — Сколько же ей было лет… — не удержался он. — И что думает об этом ее мать?

Санпхет едва улыбнулся.

— Она такая же старая, как и я, и все понимает. Я просто взял мисс Ао на время. Пока она не найдет себе мужчину, с которым сможет создать семью. В этом нет ничего такого…

Харри застонал.

— Значит, вы — ее алиби? И вы уверены, что посол брал с собой в отель не мисс Ао?

— Если посол и ездил в какой-то отель, то он был там не с мисс Ао.

Харри поднял палец.

— Один раз вы уже солгали мне, и я могу вас задержать за противодействие полицейскому расследованию. Если вам есть что еще сказать, говорите сейчас же, не откладывая.

Карие глаза старика, не мигая, смотрели на Харри.

— Я любил господина Мольнеса. Он был мне другом. Надеюсь, что тот, кто убил его, будет наказан. И никто другой.

Харри собрался было ответить, но сдержался.

Глава 21

Солнце, бордовое в оранжевую полоску, стояло высоко в сером небе над Бангкоком, словно некая новая планета, явившаяся на горизонте.

— Вот он, боксерский стадион «Рачадамнон», — сказала Лиз, когда ее «тойота», в которой сидели Харри, Нхо и Сунтхорн, подкатила к серому каменному зданию. Парочка унылых спекулянтов воспрянула было духом, но Лиз махнула рукой, чтобы они убирались прочь. — Выглядит, может, не столь внушительно, но именно он, этот стадион, и есть воплощение театра мечты в таиландском варианте. Здесь каждый имеет шанс стать небожителем, если только руки и ноги у него достаточно проворны. Привет, Рики!

Один из охранников у входа подошел к машине, и Лиз пустила в ход все свое обаяние, которого Харри и предположить в ней не мог. После оживленных переговоров и взрывов смеха она повернулась к своим спутникам:

— Теперь мы быстро арестуем Ву. Я организовала билеты у самого ринга, для меня и туриста. Сегодня вечером выступает Иван, так что будет

весело.

Ресторанчик оказался самым что ни на есть незатейливым: пластик, мухи, одинокий вентилятор, который гнал кухонный чад прямо в зал. Над стойкой висели портреты таиландской королевской семьи.

Заняты оказались всего два столика, Ву нигде не было видно. Нхо и Сунтхорн сели по одному за столики у двери, а Лиз с Харри выбрали себе места в глубине зала. Харри заказал тайский рулет из хрустящего теста и на всякий случай колу, для дезинфекции.

— Рик был моим тренером, когда я занималась тайским боксом, — пояснила Лиз. — Я весила почти вдвое больше тех мальчишек, с которыми проводила спарринг, была на три головы выше их, и тем не менее били каждый раз меня. Они ведь тут впитывают тайский бокс с молоком матери. Причем мальчишки еще твердили, что им не нравится бить женщину. Правда, я этого что-то не заметила.

— А что скажешь про королевское семейство? — спросил Харри, показав на портреты. — Мне кажется, я вижу их повсюду, куда бы ни пришел.

— Ну что ж. Всякий народ нуждается в собственных героях. Раньше королевская династия не

пользовалась особой любовью подданных, но во время Второй мировой король сперва примкнул к японцам, а потом, когда они начали терпеть поражение, к американцам. И таким образом уберег нацию от кровавой бойни.

Харри поднял чайную чашечку и кивнул портрету.

— А он, смотрю, ушлый тип!

— Ты должен понять, Харри: есть две вещи, над которыми в Таиланде лучше не шутить…

— Королевская семья и Будда. Спасибо, понял.

Хлопнула дверь.

— Опаньки, — шепнула Лиз, подняв безволосые брови. — На самом деле они обычно бывают помельче.

Харри не стал оборачиваться. По плану, им предстояло подождать, пока Ву не приступит к еде. Человеку с палочками в руке труднее будет схватиться за оружие, если оно у него, конечно, есть.

— Сел, — сообщила ему Лиз. — Господи, да таких надо арестовывать за одну внешность. Да, хорошо бы мы смогли задержать его хотя бы на то время, пока вопросы будем задавать.

— В каком смысле? Мужик как-никак вышвырнул полицейского при исполнении со второго

этажа.

— Знаю-знаю, но хочу предупредить тебя, чтобы ты не питал больших надежд. «Повар» Ву человек непростой. Он входит в одну из семей, а у них хорошие адвокаты. Мы тут прикинули, что он в общей сложности убрал дюжину человек, покалечил в десять раз больше, и вместе с тем у полиции на него улик кот наплакал.

— Ты сказала «повар»? — переспросил Харри, перегнувшись через дымящийся рулет, который поставил перед ним официант.

— Он получил это прозвище пару лет назад. Мы нашли одну его жертву, я вела дело и присутствовала при вскрытии. Труп пролежал долгое время, прежде чем его обнаружили, и так раздулся, что был похож на черно-синий футбольный мяч. Трупный газ ядовит, так что патологоанатом выслал нас из помещения, а сам надел противогаз. Я стояла у окна и все видела. Едва он начал вскрытие, как стенка желудка лопнула и оттуда повалил зеленоватый газ.

Харри, изменившись в лице, положил рулет обратно на тарелку, но Лиз этого даже не заметила.

— А главный ужас, что внутри трупа бурлила жизнь. Патологоанатом аж к стенке отскочил, когда из желудка посыпались какие-то черные

твари, они падали на пол и разбегались по сторонам. — Она приложила указательные пальцы к вискам. — Гигантские жуки.

— Жуки? — скривился Харри. — Но они же не могли завестись в трупе?

— Когда мы нашли убитого, в его рот была вставлена пластиковая трубка.

— Он что…

— Жареные жуки в Чайнатауне считаются деликатесом. Ву насильно накормил ими беднягу…

— И даже не обжарил их? — Харри отодвинул от себя тарелку.

— Удивительные это создания — насекомые, — продолжала Лиз. — Ты понимаешь, как им удалось выжить в желудке, несмотря на газ и все такое?

— Не понимаю и понимать не хочу.

— Что, слишком остро?

До Харри не сразу дошло, что она имеет в виду заказанный им рулет. Он отодвинул тарелку на самый край стола.

— Ты привыкнешь, Харри, главное — есть понемножку. Знаешь, тайская кухня насчитывает больше трехсот традиционных блюд. Советую захватить домой пару рецептов, чтобы поразить воображение возлюбленной.

Харри кашлянул.

— Или мамы, — добавила Лиз.

— Сожалею, но мамы у меня тоже нет, — покачал головой Харри.

— Это мне следует выразить сожаление, — ответила она, и тут разговор спешно оборвался: официант нес поднос к столику Ву.

Лиз достала из кобуры на бедре черный служебный пистолет и сняла с предохранителя.

— «Смит-вессон» шестьсот пятьдесят, — произнес Харри. — Тяжелая штучка.

— Держись позади меня. — Лиз встала из-за стола.

Подняв голову, Ву совершенно невозмутимо уставился прямо в дуло пистолета. Палочки он держал в левой руке, правая лежала на коленях. Лиз что-то пискляво крикнула по-тайски, но он притворился, что не слышит. Не поворачивая головы, он обвел глазами зал, заметив Нхо и Сунтхорна, а потом уперся взглядом в Харри. Слабая ухмылка мелькнула на его губах.

Лиз крикнула еще раз, и Харри почувствовал холодок на затылке. Инспектор взвела курок, и правая рука Ву поползла вверх и легла на край стола. Пустая. Харри услышал, как Лиз выдохнула сквозь зубы. Пока Нхо и Сунтхорн надевали

на Ву наручники, тот по-прежнему не отводил взгляда от Харри. Когда его выводили, выглядело это точно цирковой номер с участием силача и двух карликов.

Лиз сунула пистолет обратно в кобуру.

— Думаю, ты ему не нравишься, — проговорила она, указав на палочки, торчащие вертикально вверх из рисового шарика.

— Вот как?

— Это старинный тайский знак, говорящий, что Ву желает тебе смерти.

— Тогда ему придется помаяться в очереди, — усмехнулся Харри, вспомнив, что хотел попросить себе пистолет.

— Ну что, пошли смотреть, может, увидим экшен на сон грядущий? — сказала Лиз.

По пути на ринг их встретили возбужденные крики толпы и оркестр из трех музыкантов, который гремел и дудел, словно тинейджеры под кайфом.

Два боксера с цветными повязками на лбу и плече только что вышли на ринг.

— Это наш человек, Иван, в синих штанах, — сказала Лиз. У входа на стадион она вытащила деньги из кармана Харри и отдала их букмекеру.

Они отыскали свои места, в первом ряду, прямо

за рефери, и Лиз довольно причмокнула. Она перекинулась парой слов с соседом.

— Так я и думала, — сказала она Харри. — Мы пока еще ничего не пропустили. Если хочешь посмотреть настоящий поединок, приходи сюда по вторникам. Или по четвергам в Лунпхини. Вообще-то, есть много… ну ладно, сам понимаешь.

— Есть много бульонных пар.

— Что-что?

— Бульонные пары. Так мы называем это по-норвежски. Когда два плохих конькобежца соревнуются друг с другом.

— Почему бульонные?

— Тогда лучше сразу уйти и купить себе бульона.

Когда Лиз смеялась, глаза ее превращались в узкие, блестящие щелочки. Харри вдруг понял, что ему, в общем, нравится смотреть на старшего инспектора и слушать ее смех.

Оба боксера сняли с головы повязки, обошли ринг по кругу и совершили нечто вроде маленького ритуала: приложили головы к угловым столбам, встали на колени и исполнили несколько танцевальных па.

— Это называется «рам муай», — пояснила Лиз. — Они танцуют в честь своего личного кхруу,

гуру и духа-покровителя тайского бокса.

Музыка умолкла, и Иван направился в свой угол, где они вместе с тренером склонили головы и сложили руки.

— Они молятся, — прокомментировала Лиз.

— Он действительно нуждается в этом? — озабоченно спросил Харри. И подумал о внушительной сумме, которая теперь не лежала у него в кармане.

— Если хочет оправдать свое имя.

— Иван?

— Все боксеры выбирают себе имя. Иван так назвал себя в честь Ивана Ипполита, нидерландца, который победил на стадионе «Лунпхини» в тысяча девятьсот девяносто пятом году.

— Победил один-единственный раз?

— Он был единственным иностранцем, победившим в «Лунпхини». Вообще.

Харри повернулся, чтобы посмотреть на выражение ее лица, но в этот самый миг ударили в гонг, и поединок начался.

Боксеры осторожно сближались, сохраняя дистанцию, кружа друг вокруг друга. Свинг был парирован с легкостью, контрудар пришелся в воздух. Музыка становилась все громче, зрители кричали все неистовее.

— Сначала надо подогреть настроение, — прокричала ему Лиз.

И вот боксеры сошлись. Молниеносно сплелись, и замелькали их руки и ноги. Все происходило так быстро, что Харри ничего не мог разобрать, а Лиз застонала. У Ивана уже кровь шла из разбитого носа.

— Его ударили локтем, — сказала она.

— Локтем? Куда же смотрит рефери?

Лиз улыбнулась.

— Бить локтем не запрещено. Даже наоборот. Удары руками и ногами приносят очки, но, как правило, именно локти и колени приводят к нокауту.

— Это, наверное, потому, что у них не такая хорошая техника ударов ногами, как в карате.

— Я бы не торопилась с выводами, Харри. Несколько лет назад Гонконг послал пятерых лучших мастеров кун-фу в Бангкок, чтобы посмотреть, какой стиль борьбы эффективнее. Разогрев и ритуальные церемонии заняли больше часа, но эти пятеро были уложены за шесть с половиной минут. Пять карет «скорой помощи» увезли их в больницу. Угадай, кого именно?

— Надеюсь, скорая помощь сегодня вечером не понадобится, — демонстративно зевнул Харри. —

Это же… черт побери!

Иван стиснул шею противника и молниеносным движением пригнул его голову, в то время как его правое колено взлетело вверх, ей навстречу, как катапульта. Противник завалился назад, повиснув руками на веревках ограждения, прямо перед Лиз и Харри. Кровь хлынула, будто вода из пробоины в трубе, хлеща на циновку. Харри услышал протестующие крики и вдруг понял, что вскочил с места. Лиз потянула его обратно на стул.

— Отлично! — крикнула она. — Видел, какой Иван ловкий? Я же говорила, что будет весело.

Голова поверженного боксера была повернута вбок, так что Харри видел ее в профиль. Он мог разглядеть, как вспухает кожа вокруг его глаза, наполняясь изнутри пульсирующей кровью. Будто кто-то надувал матрас.

Харри ощутил странное, беспокойное чувство дежавю, когда Иван подошел к беспомощному противнику и стало ясно, что тот вряд ли поднимется. Иван подождал немного, изучающе глядя на поверженного, словно гурман, который раздумывает, начать ли ему с крылышка или с бедрышка цыпленка. Позади боксеров Харри видел рефери. Тот склонил голову набок, вытянув

руки по швам. Харри понял, что сейчас сделает что-то такое, чего сам не в силах предвидеть, почувствовал, как сердце бешено заколотилось в груди. Снова грянул оркестр из трех человек, не чинно, как в Норвегии на День Конституции, а как с цепи сорвавшись.

Стоп, подумал было Харри и тут же услышал свой собственный крик: «Бей его!»

И Иван нанес удар.

Харри не следил за счетом. Он не видел, как рефери поднял руку Ивана в воздух, не видел вай — обхода победителем четырех углов ринга. Он уставился на сырой, потрескавшийся цементный пол перед собой, где из красной кровавой лужицы пыталось выкарабкаться какое-то насекомое. Попавшее в круговорот событий и случайностей, увязшее в крови. Он снова был в другой стране и пробудился только тогда, когда его коснулась чья-то рука.

— Мы победили! — проревела Лиз прямо ему в ухо.

Они томились в очереди, чтобы получить свои деньги у букмекера, как вдруг Харри услышал знакомый голос, говорящий по-норвежски:

— Что-то подсказывает мне, что инспектор сделал правильный выбор, не рассчитывая на

одну только удачу. В таком случае примите мои поздравления.

— Да, — сказал Харри, повернувшись. — Старший инспектор Крамли утверждает, что она эксперт в этом деле, так что вы недалеки от истины.

И он представил старшего инспектора Йенсу Брекке.

— Вы тоже делали ставку? — спросила Лиз.

— Один мой друг намекнул мне, что противник Ивана слегка простужен. Досадная простуда. Интересно, к сколь существенным последствиям она может привести, не правда ли, мисс Крамли? — Брекке, широко улыбнувшись, повернулся к Харри: — Я решил набраться храбрости и спросить, не могли бы вы меня выручить, Холе. Я взял сюда с собой дочь Мольнеса и должен отвезти ее домой, но тут на мобильный позвонил важный клиент из США, так что теперь мне срочно нужно в офис. Снова хаос, доллар пробил потолок и стоит пару автобусов, набитых батами.

Харри взглянул в ту сторону, куда показывал Брекке. Там, прислонившись к каменной стене, стояла Руна Мольнес в адидасовской футболке с длинными рукавами; ее то и дело заслоняли валившие со стадиона зрители. Скрестив руки на

груди, она смотрела в другую сторону.

— Когда я вас здесь заметил, то сразу вспомнил, что Хильде Мольнес говорила, будто вы остановились в посольской квартире у реки. Так что не придется делать крюк, если вы вместе возьмете такси. Я обещал ее матери… — И Брекке взмахнул рукой, словно показывая, что материнская тревога, разумеется, излишня, но обещание, коль скоро оно дано, лучше все-таки исполнить.

Харри взглянул на часы.

— Конечно же, он отвезет ее, — заявила Лиз. — Бедная девушка. Неудивительно, что мать за нее волнуется.

— Ну конечно, — поддакнул Харри, выдавив улыбку.

— Вот и отлично, — сказал Брекке, — Да, еще одна вещь. Не будете ли вы так любезны забрать и мой выигрыш тоже? Это покроет расходы на такси. Если что-то из этой суммы останется, можно перевести ее в какой-нибудь фонд для вдов полицейских или еще куда.

Он отдал Лиз свой чек и скрылся. Увидев сумму, она округлила глаза.

— Найдется ли столько вдов? — с сомнением произнесла старший инспектор.

Глава 22

Руна Мольнес не особенно обрадовалась, узнав, что ее собираются провожать домой.

— Спасибо, сама доберусь, — заявила она. — В Бангкоке вряд ли намного опаснее, чем в центре Эрсты в понедельник вечером.

Харри никогда не бывал в центре Эрсты в понедельник вечером, а потому поймал такси и распахнул перед девушкой дверь. Она неохотно села в машину, буркнула свой адрес и уставилась в окно.

— Я ведь велела ехать в сторону «Ривер-Гарден», — сказала она через некоторое время. — Разве вы живете не там?

— Я так понял, что сперва надо доставить домой вас, фрёкен.

— Фрёкен? — рассмеялась она и взглянула на него: она унаследовала темные глаза от матери. Почти сросшиеся брови делали ее чем-то похожей на хюльдру из норвежских сказок. — Так говорит только моя тетка. А вам-то сколько лет?

— Человеку столько лет, на сколько он себя чувствует, — ответил Харри. — Я лично ощущаю

себя лет на шестьдесят.

Она с любопытством рассматривала его.

— Мне хочется пить, — внезапно произнесла она. — Если вы угостите меня, то можете потом проводить до двери.

Харри нашел адрес Мольнесов в ежедневнике от «Спаребанкен Нор», такие он регулярно получал в подарок от отца на каждое Рождество. Глядя в свои записи, он попробовал объясниться с таксистом.

— Бросьте, — вставила она. — Я буду требовать отвезти нас в «Ривер-Гарден», и он подумает, что вы просто пытаетесь помешать мне. Вы что, хотите скандала?

Харри тронул шофера за плечо, Руна тут же взвизгнула, так что тот резко затормозил, и Харри стукнулся головой о потолок. Шофер обернулся к пассажирам, и Харри, видя, что Руна снова готовится завизжать, предупредительно поднял руки вверх:

— Хорошо-хорошо. Тогда куда? Патпонг нам по пути.

— Что, Патпонг? — и она закатила глаза. — Вы действительно старый. Туда ходят только распутные старикашки да туристы. Нет, поехали на Сиам-сквер.

И она обменялась с таксистом парой слов, как показалось Харри, на безупречном тайском.

— У вас есть подружка? — спросила она. Теперь перед ней на столике стояло пиво, которое она затребовала, угрожая новой сценой.

Они сидели в большом баре на открытом воздухе, на самом верху широкой внушительной лестницы, на ступеньках которой расселись молодые люди, студенты, как предположил Харри, глазевшие на проплывающий мимо транспорт и друг на друга. Руна бросила подозрительный взгляд на апельсиновый сок, заказанный Харри, но, видимо, у нее в семье воздержание от алкоголя было делом обычным. А может, как раз наоборот. Харри смутно предполагал, что в семействе Мольнесов соблюдались далеко не все правила партийной морали.

— Нет, — ответил ей Харри и добавил: — Какого черта меня всегда спрашивают об этом?

— Даже так? — Она радостно подпрыгнула на стуле. — И наверняка об этом спрашивают в основном девушки?

Он усмехнулся.

— Может, вы намерены меня смутить? Расскажите-ка лучше о ваших бойфрендах.

— О котором именно? — Ее левая рука лежала

на коленях, а правой она поднимала кружку с пивом. На губах ее заиграла улыбка, она запрокинула голову, продолжая смотреть ему прямо в глаза. — Я не девственница, если ты это имеешь в виду.

Харри чуть не выплюнул апельсиновый сок на столик.

— А с какой стати мне ею быть? — спросила она, поднеся кружку к губам.

Да уж, с какой стати, подумал Харри, глядя, как дрогнуло ее горло, когда она глотнула пива. И вспомнил слова Йенса Брекке про кадык, который хирурги, *как правило*, убрать не могут.

— Ты шокирован? — сказала она вдруг серьезным тоном, поставив кружку на стол.

— С какой стати? — Слова его прозвучали как эхо, и он поспешил добавить: — Я и сам дебютировал примерно в твоем возрасте.

— Да, но не в тринадцать лет, — возразила она.

Харри вдохнул, задумался, а потом медленно выпустил воздух через зубы. Эту тему надо немедленно прощупать.

— Вот как? А сколько же было ему?

— А это секрет. — Лицо ее приняло прежнее задиристое выражение. — Расскажи лучше, почему у тебя нет подружки.

В какой-то миг ему захотелось рассказать все как есть, чтобы посмотреть, как он сам выдержит шоковую терапию. Рассказать, что обе женщины, которых он действительно любил, погибли. Одна от собственной руки, другая — от руки убийцы.

— Это долгая история, — произнес он наконец. — Я потерял их.

— Их? Так их было несколько? Может, именно поэтому так и случилось, раз ты разрывался между ними?

Харри слышал в ее смехе ребяческий задор. И не смог заставить себя спросить, что за отношения у нее с Йенсом Брекке.

— Да нет, — ответил он. — Наверное, я просто за ними не усмотрел.

— У тебя серьезный вид.

— Сожалею.

Оба умолкли. Она теребила этикетку на пивной бутылке. Поглядывала на Харри. Словно раздумывала, сделать ли ей следующий шаг. Этикетка оторвалась.

— Пойдем, — наконец сказала она. — Я покажу тебе кое-что.

Они спустились вниз по лестнице, пробираясь между студентами, прошли по тротуару и поднялись на узкий пешеходный мост, перебро-

шенный через широкий проспект. Посреди моста они остановились.

— Посмотри, — сказала Руна. — Разве не красиво!

Харри взглянул на машины, летящие им навстречу и прочь. Проспект тянулся, сколько хватало глаз, и огни машин, мотоциклов и туктуков сливались вдали в сплошную желтую полосу, похожую на поток лавы.

— Напоминает извивающуюся змею со светящимся узором на спине, тебе не кажется? — Она перегнулась через перила. — Знаешь, что странно? Я знаю, в этом городе найдутся люди, готовые с радостью убить за те жалкие деньги, которые лежат сейчас у меня в кошельке. И вместе с тем мне никогда не бывает здесь страшно. В Норвегии мы по выходным всегда ездили в горы, на дачу, и я с закрытыми глазами могу ходить по этой самой даче и всем окрестным тропинкам. А на каникулы мы отправлялись в Эрсту, где все знали друг друга и местная газета сообщала о мелкой краже в магазине как о сенсации. И все же именно здесь, а не там я чувствую себя надежнее всего. Здесь, где повсюду люди и я никого из них не знаю. Разве это не странно?

Харри не знал, что ей ответить.

— Если бы у меня был выбор, я хотела бы жить здесь всю оставшуюся жизнь. И тогда я приходила бы на этот мост, хотя бы раз в неделю, и просто стояла бы на нем и смотрела вниз.

— Смотрела бы на дорожное движение?

— Да. Я люблю дорожное движение.

Внезапно она повернулась к нему. Глаза ее заблестели.

— А ты не любишь?

Харри покачал головой. Она снова отвернулась, глядя на автотрассу.

— Жаль. Угадай, сколько сейчас машин едет по дорогам Бангкока? Три миллиона. Ежедневно прибавляется тысяча машин. Автомобилист в Бангкоке каждый день проводит в своей машине в среднем два-три часа. Ты что-нибудь слышал о «Комфорт-100»? Их можно купить на бензоколонках, это такие пакетики, куда можно помочиться, если застрял в пробке. Как ты думаешь, у эскимосов есть слово для обозначения транспортного потока? Или у маори?

Харри пожал плечами.

— Подумать только, сколько они упустили, — сказала она. — Те, кто живет в местах, где немноголюдно. Подними руки…

Она схватила его руку и подняла вверх.

— Ты чувствуешь? Чувствуешь вибрацию? Это энергия людей, что нас окружают. Она наполняет воздух. Когда ты будешь умирать и решишь, что ничто тебе больше не поможет, просто выйди на улицу, вытяни руки и впусти эту энергию в себя. И ты обретешь вечную жизнь. Правда!

Глаза ее сияли, лицо оживилось, и она прижала руку Харри к своей щеке.

— Я чувствую, что ты будешь жить долго. Необычайно долго. Гораздо дольше меня.

— Не говори так, — попросил ее Харри. Ее кожа пылала под его ладонью. — Это к несчастью.

— Лучше уж несчастье, чем никакого счастья. Папа обычно так говорил.

Он убрал руку.

— Ты не хочешь вечной жизни? — прошептала она.

Он сморгнул, зная, что именно в этот миг его мозг навсегда запечатлел картинку: как они стоят на мосту, по обе стороны от них мчатся в машинах люди, а под ними сверкает диковинный морской змей. Именно так мозг фиксирует места, осознав, что возврата сюда уже не будет. С ним и раньше такое случалось: однажды ночью в бассейне Фрогнер-парка, и другой раз, тоже ночью, в Сиднее, когда на ветру развевалась рыжая

грива, и в третий, холодным февральским днем в аэропорту Форнебю, где посреди фотовспышек газетчиков его ждала Сестрёныш. Он знал: что бы ни случилось, эти образы останутся с ним навсегда и никогда не поблекнут, напротив, с годами они будут все ярче и неизгладимее.

В этот момент он почувствовал на своем лице каплю. Потом еще и еще. Он удивленно поднял глаза к небу.

— Мне говорили, что дожди здесь начинаются не раньше мая, — сказал он.

— Это манговый ливень, — объяснила ему Руна, подставив лицо под капли. — Иногда такое бывает. Это значит, что созрели плоды манго. Сейчас польет как из ведра. Идем…

Глава 23

Харри проваливался в сон. Звуки постепенно исчезали. Со временем он начал замечать, что в транспортном шуме за окном есть свой ритм, какая-то предсказуемость. В первую ночь он мог проснуться от внезапного резкого гудка. Но потом он уже просыпался, если, наоборот, гудков не было. Рев дырявого глушителя возникал не случайно, он занимал свое место в этом кажущемся хаосе. Требовалось лишь немного времени, чтобы привыкнуть, все равно что научиться удерживать равновесие на корабле во время качки.

Он договорился встретиться с Руной на следующий день, в кафе возле университета, чтобы задать несколько вопросов о ее отце. Когда она выходила из такси, с ее волос все еще стекали дождевые капли.

Впервые за долгое время он увидел во сне Биргитту. И ее волосы, прилипшие к бледному лицу. Но она улыбалась и была живая.

Адвокату потребовалось четыре часа, чтобы освободить Ву из-под стражи.

— Доктор Линг работает на Соренсена, — ска-

зала со вздохом Лиз на утренней летучке. — Нхо успел только спросить Ву, где тот был в день убийства, и все.

— И что извлек из его ответа наш ходячий детектор лжи? — поинтересовался Харри.

— Ничего, — ответил ему Нхо. — В его планы не входило рассказывать нам все подряд.

— Значит, ничего? Черт побери, а я-то думал, что вы здесь специалисты по пыткам водой и электрошоком.

— Кто-нибудь хочет порадовать меня хорошими новостями? — спросила Лиз.

В ответ зашуршали газетой.

— Я еще раз позвонил в отель «Марадиз». Первый, с кем я разговаривал, сказал только, что к ним обычно приезжал фаранг на посольской машине, а вместе с ним была женщина. А тот, с кем я поговорил сегодня, сообщил, что женщина была белая и что они общались друг с другом на языке, похожем на немецкий или голландский.

— На норвежском, — уточнил Харри.

— Я попытался получить описание этой пары, но ты ведь знаешь, как это бывает…

Нхо и Сунтхорн, ухмыльнувшись, уставились в пол. Никто не проронил ни слова.

— В чем дело? — удивился Харри.

— Мы для них все на одно лицо, — снова вздохнула Лиз. — Сунтхорн, ты должен съездить туда с фотографиями, может, в отеле опознают посла и его жену.

Харри наморщил нос.

— Муж и жена, у которых любовное гнездышко за двести долларов в сутки да еще и в нескольких километрах от дома, где они живут? Не слишком ли это сложно?

— Если верить тому, с кем я говорил сегодня, они приезжали туда на выходные, — сказал Рангсан. — У меня даже даты записаны.

— Спорю на вчерашний выигрыш, что это была не его жена, — не сдавался Харри.

— Может, и так, — произнесла Лиз. — В любом случае это не особенно продвигает нас вперед.

И она закончила летучку напоминанием о том, что день следует посвятить отчетам по другим делам, отошедшим на второй план из-за убийства норвежского посла. Когда другие сотрудники разошлись, Харри снова сел.

— Значит, мы вытянули карточку «Обратно на первое поле»? — спросил он.

— Строго говоря, мы все это время там и топтались, — ответила ему Лиз. — Возможно, вы получили то, что хотели.

— То, что мы хотели?

— Сегодня утром я разговаривала с начальником полиции. А он вчера беседовал с господином Торхусом, который интересовался, сколько нам еще понадобится времени для расследования. Норвежские власти хотят, чтобы следствие было закрыто в течение недели, коль скоро у нас на данный момент нет ничего конкретного. Наш шеф объяснил ему, что расследование убийства ведется тайской стороной и что так просто мы взять и закрыть его не можем. Но потом, в тот же день, ему позвонили уже из нашего Министерства юстиции. Экскурсия заканчивается, Харри, теперь, похоже, тебе предстоит вернуться домой уже в пятницу. Если только, как сказано, не всплывет что-нибудь конкретное.

— Харри!

Улыбающаяся Тонье Виг встретила его в приемной: щеки ее пылали, а губы были такие красные, что казалось, она только что убрала помаду.

— Выпьем чаю, — сказала она. — Ао!

Ао посмотрела на него в немом испуге, и хотя он поспешил заверить ее, что пришел вовсе не к ней, но поймал ее взгляд — взгляд антилопы на водопое, заметившей львов. Повернувшись к ним спиной, Ао вышла.

— Красивая девушка, — проговорила Тонье, испытующе глядя на Харри.

— Прелестная, — подхватил он. — И молодая.

Тонье, похоже, осталась довольна его ответом и провела его в свой кабинет.

— Я пыталась вчера вечером дозвониться до тебя, — сказала она. — Но тебя упорно не было дома.

Харри видел: она ждет, что он спросит, зачем она звонила, но промолчал. Вошла Ао, неся чай, и он дождался, пока она уйдет.

— Мне необходимы кое-какие сведения, — начал он.

— Что именно?

— Ты была поверенным в делах, когда посол отсутствовал, значит, ты фиксировала время его отлучек.

— Разумеется.

Он назвал ей четыре даты, которые она тут же проверила по своему ежедневнику. Именно в эти дни посол отсутствовал. Три раза он ездил в Чиангмай и один раз во Вьетнам.

Харри медленно записывал эти сведения в блокнот, готовясь задать следующий вопрос:

— Не был ли посол знаком с какими-нибудь норвежками в Бангкоке?

— Нет… — протянула Тонье. — Насколько мне известно. Ну конечно, кроме меня самой.

Харри выждал, пока она возьмет чашку чая и опять сядет, и снова спросил:

— Что ты скажешь, если я предположу, что у вас с послом была связь?

У Тонье Виг отвисла челюсть. Гордость норвежской стоматологии.

— О боже! — воскликнула она.

Без малейшей иронии, так что Харри смог лишь констатировать, что «О боже!» все еще входит в словарный запас некоторых женщин. Он откашлялся.

— Да, я думаю, что вы с послом проводили те самые дни, которые мы только что перепроверили, в отеле «Марадиз», и по такому случаю я должен знать, сколь вы были близки и где ты лично находилась в день убийства.

Казалось невероятным, что бледное лицо Тонье Виг может стать еще бледнее.

— Могу я переговорить с адвокатом? — спросила наконец она.

— Нет, если тебе нечего скрывать.

На глаза у нее навернулись слезы.

— Мне нечего скрывать, — проговорила она.

— Тогда тебе следует отвечать на мои вопросы.

Она осторожно промокнула салфеткой глаза, чтобы не размазать макияж.

— Вы знаете, у меня было желание убить его.

Харри отметил про себя, что она снова перешла на «вы», и терпеливо приготовился ждать продолжения.

— Такое сильное желание, что я почти обрадовалась, узнав, что он мертв.

Харри понял, что ее понесло. Только бы не сказать или не сделать какую-то глупость, чтобы она не остановилась, ведь признание редко приходит одно.

— Это потому, что он не хотел уходить от своей жены?

— Нет! — качнула она головой. — Вы меня не поняли. Потому что он все мне испортил! Все, что…

И она разразилась такими горькими рыданиями, что Харри понял: сейчас она скажет что-то очень важное. Взяв себя в руки, она вытерла слезы и откашлялась:

— Он был политическим назначенцем, в целом непригодным для этой должности. Я уже стала первым кандидатом на должность посла, как вдруг стало известно о его назначении. Его спешно прислали сюда, будто бы нет иных спо-

собов удалить его из Норвегии. И мне пришлось расстаться с ключами от посольского кабинета, вручив их тому, кто не умеет отличить советника от атташе. У нас никогда не было никакой связи, для меня абсурдна сама мысль об этом, понимаете?

— Что случилось потом?

— Когда меня вызвали на опознание, я внезапно забыла обо всех прошлых обидах и поняла, что у меня появился новый шанс. Я начала вспоминать, каким милым и умным человеком был убитый. Это правда! — воскликнула она, будто Харри ей возражал. — Пусть даже он, на мой взгляд, не особенно годился на роль посла. И знаете, я после этого долго думала обо всем случившемся. О том, что я, наверное, не умею видеть главного в жизни, что на свете есть вещи важнее работы и карьеры. Может, я и не буду добиваться этого поста. Посмотрим. Надо еще о многом подумать. Нет, не могу сказать сейчас ничего определенного. — Она всхлипнула еще пару раз и, казалось, полностью пришла в себя. — На самом деле советник посольства редко назначается на должность посла в том же самом посольстве. Насколько мне известно, до сих пор подобного не случалось.

Она достала зеркальце и удостоверилась, что макияж не пострадал, а потом сказала, скорее сама себе:

— Но возможно, я окажусь первой.

Возвращаясь на такси в Управление, Харри окончательно решил вычеркнуть Тонье Виг из списка подозреваемых. Она убедила его, а к тому же смогла привести доказательства того, что находилась в других местах в те дни, когда посол ездил в отель «Марадиз». Тонье также подтвердила, что в Бангкоке проживает не так уж много норвежек, так что выбирать было особенно не из кого.

Внезапная мысль, озарившая Харри, показалась ему ударом под дых. Притом что она была вовсе не такой уж невероятной.

Девушка, вошедшая в стеклянную дверь «Хард-рок-кафе», была совсем не похожа на ту, которую он видел в саду и на похоронах: угрюмую, замкнутую, с капризным и упрямым выражением лица. Руна просияла, увидев его за столиком с опустевшей бутылкой колы и газетой в руках. На ней было синее в цветочек платье с коротким рукавом. Как искусный фокусник, она держала протез так, что тот казался настоящей рукой.

— Ты ждал меня, — восторженно произнесла она.

— Трудно рассчитать время при таких пробках, — ответил Харри. — А мне не хотелось опаздывать.

Руна села за столик и заказала себе чай со льдом.

— Вчера твоя мать…

— …спала, — коротко закончила девушка. Так лаконично, что Харри понял: это предупреждение. Но у него не было времени на разговор обиняками.

— В смысле — была пьяна?

Она взглянула на него. Радостная улыбка на ее лице померкла.

— Ты хотел поговорить со мной о моей матери?

— И о ней тоже. Как они жили с твоим отцом?

— Почему бы тебе не спросить ее об этом?

— Потому что я считаю, что ты меньше лжешь, — откровенно признался Харри.

— Вот как? В таком случае они жили потрясающе. — На ее лице снова появилось упрямое выражение.

— Все так плохо?

Она резко повернулась к нему.

— Прости, Руна, но это моя работа.

Она пожала плечами:

— Мы с матерью давно не ладим. А отец был моим союзником. Думаю, мать ревновала.

— Кого именно из вас?

— Сразу обоих. Может, его. Не знаю.

— А его почему?

— Она была ему не нужна. Пустое место…

— Отец не брал тебя с собой в отели, Руна? Например, в отель «Марадиз»?

Она посмотрела на него с удивлением.

— Что ты имеешь в виду? Зачем ему было это делать?

Харри уставился на газету, лежавшую на столике, но потом заставил себя поднять глаза на девушку.

— Брр! — вырвалось у нее, и она уронила ложечку в чашку, расплескав чай. — Странные ты вопросы задаешь. К чему ты клонишь?

— Хорошо, Руна, понимаю, это нелегко, но я вынужден предположить, что твой отец совершил то, в чем ему следовало бы раскаяться.

— Папе? Папа всегда раскаивался. Он раскаивался, брал на себя вину, сожалел и… но эта ведьма не хотела оставить его в покое. Она постоянно пилила его, что он сделал не так и не этак,

что он втянул ее во что-то и так далее. Она думала, я ничего не слышу, но я-то все слышала. Каждое слово. Что она не в состоянии жить с евнухом, что она цветущая женщина. Я говорила ему, чтобы он ушел от нее, но он продолжал терпеть. Ради меня. Он не говорил мне об этом, но я знала, что он терпит ее ради меня.

Последние два дня Харри буквально купался в потоках женских слез, но сейчас обошлось.

— Я хотел только сказать, — начал он, наклонившись к ней и заглядывая ей в глаза, — что у твоего отца была не такая сексуальная ориентация, как у других людей.

— Так ты из-за этого так распереживался? Потому что думаешь, будто я не знаю, что мой отец извращенец?

Харри чуть было не обомлел от изумления.

— Что именно ты понимаешь под извращенцем? — выдавил он.

— Гомик. Голубой. Педик. Гей. Я результат тех немногих совокуплений, которые эта ведьма имела с папой. Он считал, что это отвратительно.

— Он сам так говорил?

— Разумеется, он был слишком порядочным человеком, чтобы рассказывать об этом мне. Но я и так знала. Я была лучшим его другом. Это он

мне сам говорил. Причем единственным другом. «Ты и лошади — единственное, что я люблю в жизни», — сказал он мне однажды. Я и лошади — здорово, правда? Думаю, у него был мальчик, возлюбленный, еще в годы учебы, прежде чем он встретил мою мать. Но тот парень бросил его, не захотел признаться в такой связи. Да и папа тоже не стремился к огласке. Все это было давно, и в те времена подобные вещи воспринимали иначе.

Она произнесла эти слова с абсолютной убежденностью подростка. Харри поднес стакан к губам и медленно отпил из него. Нужно было выиграть время, ведь все повернулось не так, как он ожидал.

— Ты знаешь, кто бывал в отеле «Марадиз»? — спросил наконец он.

Она лишь кивнула в ответ:

— Мать со своим любовником.

Глава 24

Покрытые инеем ветки тянулись к блеклому зимнему небу над Дворцовым парком. Дагфинн Торхус стоял у окна, наблюдая за человеком, который бежал, зябко подняв плечи, вверх по улице Хокона VII. Зазвонил телефон. Торхус посмотрел на часы: было время обеда. Он проводил взглядом прохожего, пока тот не скрылся в дверях метро, и только потом взял трубку и назвал свое имя. Наконец сквозь свист и треск помех пробился голос.

— Я даю вам еще один шанс, Торхус. И если вы им не воспользуетесь, мне будет грустно думать, что МИД объявит вашу должность вакантной раньше, чем вы успеете сознаться, что «норвежский полицейский был умышленно введен в заблуждение начальником департамента министерства». Или что «посол Мольнес стал жертвой убийцы-гомофоба». Такие признания тотчас же станут отличными газетными заголовками, вам не кажется?

Торхус опустился на стул.

— Где вы, Холе? — спросил он, не зная, что еще

сказать.

— У меня только что была долгая беседа с Бьярне Мёллером. Я задал ему пятнадцать самых разных вопросов о том, что все-таки делал этот Атле Мольнес в Бангкоке. Все, что мне до сих пор удалось узнать, свидетельствует, что это был один из самых невероятных послов наряду с Райульфом Стеном[23]. Мне не удалось вскрыть этот нарыв, но, во всяком случае, подтвердилось, что нарыв существует. Мёллер, насколько я понимаю, дал подписку о неразглашении, поэтому он адресовал меня к вам. И я снова задаю свой прежний вопрос. Чего именно я не знаю из того, что известно вам? Я жду от вас ответа, мой факс наготове, и рядом со мной телефонные номера редакций «Верденс Ганг», «Афтенпостен» и «Дагбладет».

От голоса Торхуса в Бангкоке повеяло зимней стужей:

— Газеты не напечатают измышлений спившегося полицейского, Холе.

— Даже если этот спившийся полицейский знаменитость?

Торхус не ответил.

---

[23] Примечания: 23

Райульф Стен — известный норвежский политик, был послом в Чили, Перу и Эквадоре в 1992–1996 гг.; прославился как автор довольно откровенных мемуаров.

— Я думаю, кстати, что газетчики из «Суннмёреспостен» тоже займутся этим делом.

— Вы не имеете права разглашать служебную тайну, — процедил Торхус. — Иначе вас ждет наказание.

Холе расхохотался:

— Не понос, так золотуха! Знать то, что я уже знаю, и ничего не предпринять — это служебная халатность. А она, как вам известно, тоже наказуема. И что-то мне подсказывает, что я потеряю меньше вас, если нарушу эту самую тайну.

— Какие гарантии… — начал было Торхус, но связь прервалась. — Алло!

— Я здесь.

— Какие гарантии, что вы не проболтаетесь, если я вам сообщу кое-какие сведения?

— Никаких, — и эхо в трубке трижды повторило краткий ответ.

Наступило молчание.

— Положитесь на меня, — сказал наконец Харри.

— С чего бы это? — фыркнул Торхус.

— Потому что у вас нет другого выбора.

Начальник департамента взглянул на часы и понял, что на обед уже опоздал. Бутерброды с ростбифом в столовой, конечно же, закончились,

но его это не волновало: аппетит все равно уже пропал.

— Это секретная информация, — предупредил он. — Я говорю серьезно.

— Разумеется, секретная.

— Хорошо, Холе. Много ли вам известно о скандалах, связанных с Христианской народной партией?

— Совсем немного.

— Вот именно. Долгое время Христианская народная партия оставалась маленькой и приятной во всех отношениях, не привлекавшей к себе особого внимания. И пока журналисты подкапывались под властную верхушку из Рабочей партии и этих чудаков из Партии прогресса, депутаты стортинга от Христианской народной партии жили и не тужили. Смена правительства все изменила. Когда новые члены кабинета стали раскладывать свой пасьянс, то Атле Мольнес, несмотря на неоспоримый профессионализм и депутатский стаж, оказался исключен из числа кандидатов на министерский пост. Копание в его личной жизни грозило оказаться слишком рискованным, и Христианская партия со своими программными моральными принципами не могла этого допустить. Нельзя выступать против

пасторов-гомосексуалистов и одновременно терпеть в своих рядах министров-гомосексуалистов. Думаю, что Мольнес и сам это понимал. Но когда был обнародован поименный список нового кабинета, журналисты стали задавать вопросы. Почему в списке не оказалось Атле Мольнеса? Ведь в свое время он уступил премьер-министру пост лидера партии и впоследствии считался кандидатом номер два или хотя бы три или четыре. Возникла масса вопросов, опять поползли слухи о гомосексуализме, как в тот раз, когда рассматривалось его выдвижение на пост партийного лидера. Теперь-то мы знаем, что гомиками были многие парламентарии, и зачем, спрашивается, поднимать шум. Допустим, но самое интересное заключалось в том, что этот человек мало того что член Христианской народной партии, он еще и близкий друг премьер-министра: они учились вместе и даже снимали комнату на двоих в студенческие годы. Так что рано или поздно пресса начала бы докапываться до правды. Мольнес не вошел в правительство, но все равно оставался проблемой для премьера. Всем было известно, что глава правительства и Мольнес с самого начала были партийными соратниками, и кто бы поверил премьеру, заяви тот, будто все эти

годы ничего не знал о сексуальной ориентации Мольнеса? Что скажут избиратели, голосовавшие за премьера именно благодаря принципиальной позиции его партии по отношению к закону об однополых браках и прочих мерзостях, когда он сам пригрел змею на груди, если вспомнить библейское изречение? И что тогда вообще говорить о доверии? Только личная популярность премьер-министра позволила этому правительству меньшинства удержаться у власти, а значит, скандал был им нужен меньше всего. Ясно, что Мольнеса требовалось как можно быстрее удалить из страны. Наилучшим решением представлялся пост чрезвычайного и полномочного посла где-нибудь за рубежом. После этого никто не сможет обвинить премьера, что тот несправедливо поступил с преданным ему ветераном партии. Именно тогда они и вышли на меня. Мы сработали оперативно. Мольнеса назначили послом в Бангкок, а пресса, разумеется, оставила его в покое.

Торхус умолк.

— Господи помилуй, — произнес Харри, помедлив.

— Именно, — ответил Торхус.

— Вы знали, что у его жены есть любовник?

Торхус хохотнул.

— Нет. Но бьюсь об заклад, что она просто не могла не иметь любовника.

— Почему же?

— Во-первых, потому, что муж-гомик наверняка смотрел на подобные вещи сквозь пальцы. Во-вторых, сам стиль жизни в Министерстве иностранных дел поощряет внебрачные связи. Ну разумеется, заключаются и повторные браки. Здесь, в МИДе, сотрудники то и дело наталкиваются в коридорах на своих бывших супругов, бывших любовников или нынешних сексуальных партнеров. Дипломаты печально известны своими браками между близкими родственниками, мы, черт побери, еще хуже, чем НРК[24]. — И Торхус снова хохотнул.

— Ее любовник не из МИДа, — ответил Харри. — Он норвежец, и здесь, в Бангкоке, он слывет местным Гекко[25], этаким непревзойденным брокером. Его зовут Йенс Брекке. Сперва я подумал, что у него связь с дочерью посла, но потом

---

[24] Примечания: 24

Государственная телевизионная и радиовещательная компания Норвегии. *(Прим. перев.)*

[25] Примечания: 25

Один из главных персонажей фильма «Уолл-стрит», успешный и богатый брокер.

оказалось, что все-таки с Хильде Мольнес. Они сошлись сразу после того, как посол с семьей прибыл сюда, и, согласно дочери, встречи эти происходили неоднократно. Там все довольно серьезно, дочь даже считает, что мать рано или поздно выйдет замуж за своего любовника.

— Это новость для меня.

— Во всяком случае, у жены был мотив для убийства. И у любовника тоже.

— То есть Мольнес мешал им обоим?

— Нет, как раз наоборот. По словам дочери, именно Хильде Мольнес все эти годы не желала отпускать своего мужа. Коль скоро он отказался от своих политических амбиций, я исхожу из того, что самому ему этот брак-ширма стал не нужен. А жена наверняка использовала дочь как средство давления на него, такое ведь часто бывает? Нет, думаю, что мотив на самом деле гораздо более корыстный. Ведь семейство Мольнесов владеет доброй половиной Эрсты.

— Точно.

— Я попросил Мёллера проверить, существует ли завещание и что именно из семейных акций и других ценных бумаг принадлежит Атле Мольнесу.

— Хорошо-хорошо, это не по моей части, Холе.

Но не кажется ли вам, что вы усложняете дело? Может, посла просто-напросто заколол какой-то псих?

— Может, и так. Вы ничего не имеете против, Торхус, если этот псих окажется норвежцем?

— Что вы хотите этим сказать?

— Типичные убийцы-маньяки не будут втыкать своей жертве нож в спину и затем заметать все следы. Им этого мало. Настоящий маньяк обязательно оставит что-то, с чем можно будет потом поиграть. В нашем же случае нет ровным счетом ничего — nada[26]. Поверьте, это тщательно спланированное убийство, совершенное человеком, который вовсе не собирается играть с полицией и который просто хочет, чтобы дело было закрыто за отсутствием улик. Но кто знает — может, нужно быть психом и для того, чтобы совершить убийство такого рода. И эти психи, которых я встретил в Бангкоке, говорят по-норвежски.

---

[26] Примечания: 26
Ничего *(исп.)*.

Глава 25

Харри наконец-то нашел вход между двумя стрип-барами на Первой сой в Патпонге. Он поднялся по лестнице и вошел в полутемную комнату, где на потолке медленно крутился огромный вентилятор. Его лопасти вращались так низко, что Харри невольно пригнулся; он уже успел заметить, что дверные проемы и высота потолков в местных домах явно не рассчитаны на его метр девяносто.

Хильде Мольнес сидела за столиком в глубине ресторана. На ней красовались солнцезащитные очки в целях сохранения анонимности, но именно поэтому все вокруг глазели на нее.

— Терпеть не могу рисовую водку, — сказала она, опустошив рюмку. — За исключением «Меконга». Разрешите угостить вас, инспектор?

Харри покачал головой. Она щелкнула пальцами, подзывая официанта, и тот налил ей еще рюмку.

— Вы меня знаете, — продолжала она. — И вы меня остановите, когда увидите, что мне уже хватит. Когда мне хватит, вы сами заметите.

И она хрипло рассмеялась.

— Надеюсь, вы рады, что мы встретились именно здесь, инспектор? Дома сейчас… немного грустно. Так зачем вам понадобилась моя консультация? — Она старательно выговаривала слова, как делают алкоголики, чтобы скрыть, что пьяны.

— В отеле «Марадиз» нам только что подтвердили, что вы и Йенс Брекке регулярно бывали там.

— Смотрите-ка! — воскликнула Хильде Мольнес. — Наконец-то мы встретили кого-то, кто умеет работать. А если вы поговорите со здешним официантом, то он вам тоже подтвердит, что мы с господином Брекке встречаемся здесь *на регулярной основе.* — Она словно выплевывала реплики. — Здесь полумрак, полная анонимность, никаких норвежцев, а кроме того, здесь готовят лучшее в городе плаа лот. Вы любите блюда из угря, Холе? Морского угря?

Харри вспомнил о человеке, которого они вытащили на берег под Дрёбаком. Труп пролежал в воде несколько дней, и на белом бескровном лице застыло выражение детского удивления. Кто-то объел его веки. Но их внимание привлек угорь. Рыбий хвост торчал изо рта утопленника, словно серебристый хлыст. Харри снова ощутил

солоноватый вкус воздуха. Это точно был морской угорь.

— Мой дедушка очень любил угрей и питался почти только ими, — продолжала она. — С довоенных времен и до самой смерти. Все никак не мог ими наесться.

— Я получил сведения относительно завещания.

— А вы знаете, почему он так любил угрей? Ну конечно же, вы этого знать не можете. Он был рыбаком, но до войны в Эрсте угрей обычно не ели. А знаете почему?

Он увидел, как на ее лицо набежала тень страдания, замеченная им еще в саду, при первой встрече.

— Фру Мольнес…

— Я спрашиваю, знаете или нет?

Харри покачал головой.

Хильде Мольнес понизила голос, пристукивая по столу своим длинным красным ногтем в такт словам:

— В ту зиму потерпела крушение рыбачья шхуна: это произошло при полном штиле и всего в нескольких сотнях метров от берега. Но было так холодно, что ни один из девяти рыбаков на борту не сумел спастись. Никого из них так и не

нашли. А потом люди начали поговаривать о том, что во фьорде появилось множество угрей. Утверждали, что угорь питается утопленниками, представляете? Многие погибшие приходились родственниками жителям Эрсты, и поэтому торговля угрем практически прекратилась. Люди просто боялись приносить угрей домой. Так что мой дед решил, что будет гораздо выгоднее продавать всякую другую рыбу, а самому питаться угрем. Он же из Суннмёре, вы понимаете… — Взяв рюмку с подноса, она поставила ее перед собой на стол. Темное круглое пятно расплылось на скатерти. — А потом ему понравилось питаться угрями. «Всего-то девять утопленников, — говорил он. — А угрей гораздо больше. Может, я и съел парочку из тех, что кормились покойниками, так что ж с того? Во всяком случае, на вкус никакой разницы». Никакой разницы! Здорово, правда? — В ее голосе зазвучали странные нотки. — Что вы думаете об этом, Холе? Вы тоже считаете, что угорь питается утопленниками?

Харри почесал за ухом.

— Допустим. Говорят, что макрель тоже поедает человечину. Не знаю. Наверное, все они любят отщипнуть от человека кусочек. Я имею в виду рыб.

Хильде Мольнес торжествующе подняла рюмку:

— А знаете, я с вами полностью согласна! Все они норовят отщипнуть кусочек.

Харри подождал, пока она выпьет.

— Мой коллега из Осло только что разговаривал с адвокатом вашего мужа, Бьёрном Хардейдом из Олесунна. Вам, вероятно, известно, что адвокаты имеют право нарушить требования конфиденциальности, если их клиент мертв и если информация о завещании не вредит памяти умершего?

— Нет.

— Хорошо. Бьёрн Хардейд не пожелал ничего сообщить. Тогда мой коллега позвонил брату Атле Мольнеса, но и тот оказался неразговорчив. Особенно он уперся, когда мой коллега изложил ему версию о том, что Атле Мольнес на самом деле располагал не столь большой долей семейной собственности, как многие считали.

— Почему вы так решили?

— Человек, который не в состоянии заплатить долг в семьсот пятьдесят тысяч крон, конечно же, не обязательно беден, но он, во всяком случае, не владеет братской долей семейного имущества почти в двести миллионов крон.

— Где…

— Мой коллега получил сведения о балансе акционерного общества «Мольнес мёблер» в государственном агентстве «Брённёйсунн-реестр». Зарегистрированный собственный капитал, разумеется, гораздо меньше, но коллега обнаружил, что это акционерное общество присутствует на бирже в списке SMB[27], а потом просто позвонил брокеру, который и подсчитал для него биржевую стоимость. Семейное общество «Мольнес холдинг» состоит из четырех акционеров — трех братьев и сестры. Все они входят в правление «Мольнес мёблер», и в биржевых новостях отсутствует информация о каких-либо продажах акций, с тех пор как они от Мольнеса-старшего перекочевали в холдинг. Так что если ваш муж не продал свои акции кому-нибудь из родственников, то он должен был владеть… — Харри заглянул в свой блокнот, куда записал все, что ему продиктовали по телефону, — пятьюдесятью миллионами крон.

— Я смотрю, вы основательно во всем покопались.

— Но мне непонятна добрая половина из того,

---

[27] Примечания: 27

Список мелких и средних предприятий на бирже Осло. *(Прим. перев.)*

что я вам сейчас рассказал. Все это означает, насколько я могу судить, что кто-то придерживает деньги вашего мужа, и хотелось бы понять почему.

Хильде Мольнес бросила на него взгляд из-за рюмки.

— Вы этого действительно хотите?

— А почему бы и нет?

— Я не уверена, что те, кто вас сюда прислал, хотели, чтобы вы вторгались в… частную жизнь посла.

— В таком случае я уже слишком много знаю, фру Мольнес.

— Знаете?

— Да.

— Именно это…

Она умолкла, опустошив рюмку «Меконга». Официант собрался было налить еще, но она жестом дала понять, что достаточно.

— Если инспектор вдобавок знает, что члены семейства Мольнес, по давней традиции, являются прихожанами молельного дома Внутренней церкви, а также членами Христианской народной партии, то, значит, ему известно и все остальное.

— Возможно, но я был бы очень рад, если бы вы рассказали мне об этом.

Она скривилась, словно только теперь распробовала горький вкус рисовой водки.

— Так решил отец Атле. Когда в связи с выборами лидера партии поползли всякие слухи, Атле сам все выложил отцу. Спустя неделю отец переписал свое завещание. В нем указывалось, что на Атле записана часть семейного наследства, но право распоряжаться деньгами переходило к Руне, которая тогда только что родилась. Она вступает в это право по достижении двадцати трех лет.

— А кто же распоряжается долей наследства до этого момента?

— Никто. Оно просто остается в семье.

— А теперь, когда вашего мужа нет в живых?

— Теперь, — произнесла Хильде Мольнес и провела пальцем по краю рюмки, — теперь все деньги наследует Руна. А право распоряжаться деньгами до того, как она достигнет этого возраста, переходит к тому, кто имеет родительские права.

— Если я правильно вас понял, деньги сейчас ничьи, но распоряжаетесь ими вы.

— Это так. Пока Руне не исполнится двадцать три года.

— А что именно означает подобное право?

Хильде Мольнес пожала плечами.

— Я никогда не задумывалась об этом. Да и сама я узнала эту новость несколько дней назад. От адвоката Хардейда.

— Значит, эта оговорка в завещании о том, что вы вступаете в право распоряжаться наследством, ранее была вам неизвестна?

— Может быть, мне о ней и говорили прежде. Я ведь подписывала какие-то бумаги, но все это ужасно сложно, разве нет? Тогда я не придала этому особого значения.

— Вот как? — подхватил Харри. — А мне показалось, вы что-то говорили про уроженцев Суннмёре…

Она слабо улыбнулась:

— Я всегда была нетипичной уроженкой Суннмёре…

Харри взглянул на нее. Не прикидывается ли она более пьяной, чем на самом деле? Он почесал затылок.

— Как давно вы знакомы с Йенсом Брекке?

— Как давно мы с ним трахаемся, вы хотите сказать?

— Ну что ж. И это тоже.

— Тогда все по порядку. Дайте вспомнить…

Хильде Мольнес нахмурилась и подняла глаза

к потолку. Она попыталась подпереть голову рукой, но локоть ее соскользнул со стола, и Харри понял, что ошибся. Она была пьяна в стельку.

— Мы встретились на праздничном приеме в честь Атле, через два дня после нашего прибытия в Бангкок. Прием начался в восемь вечера, пригласили всю норвежскую колонию, гости были в саду, перед зданием резиденции посла. Он трахнул меня в гараже, двумя-тремя часами позже, насколько я помню. Повторяю, именно *он* сделал это, так как сама я была пьяна и не могла оказать никакого сопротивления. Или ответить согласием. Но в следующий раз я была согласна. Или только в третий раз, уже не помню. Во всяком случае, после нескольких раз мы наконец познакомились, вы ведь об этом спрашивали? Ну вот, и с тех пор мы поддерживаем наше знакомство. Теперь мы хорошие знакомые. Достаточно, инспектор?

Харри почувствовал, как в нем закипает раздражение. Может, из-за ее манеры выставлять напоказ безразличие и презрение к самой себе. Следовательно, не стоит с ней церемониться.

— Вы рассказали, что находились дома в день убийства. Где именно вы были начиная с пяти часов вечера, когда пришло известие о том, что

ваш муж мертв?

— Я не помню!

Она рассмеялась, резким смехом, точно ворон каркнул посреди тихого утреннего леса. Харри заметил, что на них смотрят. В какой-то момент Хильде Мольнес чуть не свалилась со стула.

— Не пугайтесь, инспектор. У меня как раз есть алиби, это ведь так называется? Такое чудненькое алиби, доложу я вам. Моя дочь охотно подтвердит, что в тот вечер я просто на ногах не держалась. Помню только, что после обеда я открыла бутылку джина, потом уснула, потом проснулась, опять выпила, опять уснула, опять проснулась и так далее. Вы меня понимаете.

Харри понимал.

— Что вас еще волнует, инспектор Холе?

Она протянула его фамилию нараспев, чуть-чуть, но ему хватило, чтобы сорваться.

— Только то, что вы убили вашего мужа, фру Мольнес.

Она с удивительной быстротой и ловкостью схватила рюмку и, прежде чем Харри успел остановить ее, швырнула прямо ему в лицо. Рюмка на лету задела ухо Харри и разбилась о стену. Хильде Мольнес скривилась.

— Наверное, вы не поверите, но я забивала голы

лучше всех девчонок Эрсты в группе от четырнадцати до шестнадцати лет.

Голос ее звучал совершенно спокойно, словно она уже позабыла о том, что сделала минуту назад. Харри увидел испуганные лица посетителей, обращенные в их сторону.

— Да, шестнадцать лет, как давно это было! Я слыла самой красивой девушкой в… впрочем, я уже рассказывала вам об этом. А какая фигурка, не то что сейчас. Мы с подружкой любили захаживать в раздевалку для судей, прикрывшись крохотными полотенцами, а потом извиняться, что, мол, ошиблись дверью по дороге из душевой. Все ради команды, понимаете? Хотя не думаю, что это могло повлиять на исход игры. А судьи наверняка удивлялись, что это там делают девочки в душевой до матча.

Внезапно она поднялась со стула и завопила:

— Эрстинец, давай, давай, эрстинец, давай, давай!

И плюхнулась обратно. В помещении воцарилась тишина.

— Наша кричалка. «Эрстинка» хуже звучит. А может, кто знает, нам просто хотелось выпендриться.

Харри взял ее под руку и помог спуститься по

лестнице. Он протянул таксисту адрес и купюру в пять долларов, попросив проследить, чтобы дама добралась до дома. Таксист мало что уловил из речей Харри, но дал понять, что все будет в порядке.

Проводив фру Мольнес, Харри вошел в бар на Второй сой, в самом низу Силом-роуд. У стойки не было почти никого, а на сцене торчали две стриптизерши, которых до сих пор не сняли на этот вечер, и надежды их таяли на глазах. Они двигались так, будто мыли посуду, переминаясь с ноги на ногу и тряся сиськами в такт «When Susannah Cries». Харри не мог понять, что скучнее — песня или танец.

Кто-то поставил перед ним пиво, которого он не заказывал. Он даже не дотронулся до него, заплатил и пошел звонить в Управление из телефона-автомата рядом с мужским туалетом. Женского он нигде не заметил.

Глава 26

Легкий бриз ерошил челку. Харри стоял на возвышении, у края крыши, и смотрел на город. Зажмурив глаза, он видел перед собой сплошное сверкание и блеск.

— Отойди от края, — раздался голос позади него. — Ты заставляешь меня нервничать.

Лиз сидела в шезлонге, держа в руке банку пива. Харри приехал в Управление, где она забаррикадировалась штабелями отчетов, которые надо было прочитать. Близилась полночь, и она согласилась, что пора закругляться. Заперла кабинет, и они вместе поднялись на лифте на двенадцатый этаж. Обнаружив, что дверь на крышу закрыта, они вылезли наружу через окно и взобрались по пожарной лестнице.

Внезапно в равномерный гул уличного транспорта вторгся вой корабельной сирены.

— Ты слышал? — спросила Лиз. — Когда я была маленькая, отец повторял мне, что в Бангкоке можно услышать, как трубят слоны, когда их перевозят на речных баржах. Они плыли из Малайзии, так как леса на Борнео повырубали, и вот

теперь животные стояли привязанные на палубе, их везли в леса Северного Таиланда. Когда я приехала сюда, я долго еще думала, что это слоны трубят в свои хоботы.

Эхо сирены замерло вдали.

— У госпожи Мольнес есть мотив, но насколько он убедителен? — спросил Харри, отойдя от края крыши. — Ты смогла бы убить кого-то, чтобы потом в течение шести лет иметь формальное право распоряжаться пятьюдесятью миллионами крон?

— Смотря кого, — ответила Лиз. — Есть парочка таких, которых я прихлопнула бы и за меньшую сумму.

— Я имею в виду вот что: пятьдесят миллионов в течение шести лет — то же самое, что пять миллионов в течение шестидесяти лет?

— Конечно нет.

— Вот именно, черт возьми!

— Тебе хочется думать, что это она? Госпожа Мольнес?

— Как я могу этого хотеть? Я хочу одного — чтобы мы нашли убийцу, и тогда я вернулся бы наконец домой.

Лиз смачно икнула, одобрительно кивнув самой себе, и отставила пиво в сторону:

— Бедная дочурка. Ее ведь зовут Руна? Подумать только, мать привлекут за то, что она убила отца из-за денег.

— Знаю. Но она, к счастью, храбрая девочка.

— Ты в этом уверен?

Он пожал плечами и поднял руку к небу.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Думаю.

— А зачем вытянул руку?

— Ради энергии. Я аккумулирую энергию всех тех, кто сейчас внизу. Она обеспечит мне вечную жизнь. Ты в это веришь?

— Я перестала верить в вечную жизнь, когда мне исполнилось шестнадцать, Харри.

Харри повернулся к ней, но в темноте не смог различить выражения ее лица.

— Твой отец? — спросил он.

— Да. Он держал мир на своих плечах, мой отец. Жаль только, что ноша оказалась слишком тяжелой.

— Но как… — Он запнулся.

— Это грустная история о ветеране вьетнамской войны, Харри. Мы нашли его в гараже, при полном параде, винтовка лежала рядом. Он оставил длинное письмо, адресованное не только нам, но и всей американской армии. Там было

написано, что он не может больше убегать от ответственности. Что он понял это, когда оказался у открытой двери в вертолете, взлетевшем с крыши американского посольства в Сайгоне в тысяча девятьсот семьдесят третьем году, и смотрел вниз, на отчаявшихся южных вьетнамцев, которые штурмовали здание посольства в поисках защиты от вступающих в город военных. Отец писал в письме, что ответствен за все это наравне с военной полицией, которая сдерживала толпу прикладами винтовок, — била тех самых людей, которым они обещали выиграть войну, обещали демократию. Как офицер, он ощущал свою вину и за то, что американцы эвакуировали в первую очередь собственных военных, позабыв о вьетнамцах, которые сражались бок о бок с ними. Отец отдавал им должное и сожалел, что не понимал собственной ответственности за них. В конце письма он передавал привет матери и мне и советовал нам забыть его как можно скорее.

Харри захотелось курить.

— Твой отец взял на себя слишком большую ответственность, — сказал он.

— Да. Но я все же считаю, что за мертвых отвечать легче, чем за живых. Их остается лишь оплакивать, Харри. Нам, живым. И нами ведь

как-никак тоже движет ответственность.

Значит, ответственность. Если он и пытался похоронить что-то в последний год, так это ответственность. Будь то за живых или за мертвых, за самого себя или за других. Она вызывала в нем только комплекс вины и никогда не вознаграждалась. Нет, про него не скажешь, что им движет чувство ответственности. Наверное, Торхус прав, наверное, на самом деле цель Харри вовсе не торжество справедливости. Наверняка только глупое тщеславие мешает ему признать, что следствие надо просто-напросто прекратить и он упорно пытается поймать хоть кого-то, не важно кого, только бы отдать его под суд и считать дело раскрытым. Может, вся эта шумиха — газетные заголовки и дружеские похлопывания по плечу по возвращении из Австралии — значила для него гораздо больше, чем он привык думать? А это соображение — что он все одолеет и через все перешагнет, лишь бы поскорее вернуться домой и заняться делом Сестрёныша, — получается, всего лишь повод? Потому что, черт возьми, для него на самом деле самое важное — *добиться успеха*?

На какой-то миг все затихло, казалось, Бангкок затаил дыхание. И снова воздух разрезали звуки судовой сирены. Такие жалобные. Будто это

трубит одинокий слон, подумалось Харри. Потом вновь загудели машины.

Вернувшись к себе в квартиру, он обнаружил на коврике у двери записку: «Встретимся в бассейне. Руна».

Харри вспомнил, что у кнопки «5» в лифте было написано: «Бассейн». Поднявшись на пятый этаж, он почувствовал запах хлорки. За углом действительно находился бассейн под открытым небом, по обе стороны от него были устроены балконы. Вода слабо поблескивала в лунном свете. Присев на корточки, он опустил руку в воду.

— Твоя стихия, правда?

Руна ничего не ответила, только легко оттолкнулась ногами и проплыла мимо него, а потом опять нырнула. Ее одежда и протез лежали в шезлонге.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени? — спросил он.

Она вынырнула прямо перед ним, обхватила его за шею и мягко оттолкнулась. Харри был совершенно не готов к такому повороту событий и, потеряв равновесие, ощущая под своими руками ее гладкую кожу, бултыхнулся вместе с Руной в бассейн. Оба не произнесли ни слова, только раздвигали руками воду, похожую на тяжелое

теплое одеяло, зарываясь в нее с головой. В ушах шумело и щекотало, и Харри казалось, что его голова раздувается. Вот они достигли дна, и тогда Харри, оттолкнувшись ногами, потянул Руну наверх, на поверхность.

— Ты сумасшедшая! — выдохнул он.

Она тихо рассмеялась и стремительно отплыла прочь.

Когда Руна вышла из бассейна, Харри лежал на бортике в мокрой одежде. Открыв глаза, он увидел, что девушка взяла сачок и пытается поймать большую стрекозу, сидящую на водной глади.

— Просто чудо! — воскликнул Харри. — Я был уверен, что единственные насекомые, которые могут выжить в Бангкоке, — это тараканы!

— Кое-кто из красивых тоже выживает, — ответила Руна и осторожно подняла сачок. Потом выпустила стрекозу, и та с тихим гудением принялась кружить над бассейном.

— А что, тараканы не красивые?

— Фу, гадость!

— Но они ведь не опасные и не злые.

— Может, и нет. Но привлекательного в них тоже, по-моему, ничего нет. Они просто есть, и все тут.

— Они просто есть, — повторил за ней Харри,

без иронии, скорее задумчиво.

— Они такими созданы. Такими, что нам все время хочется раздавить их. Если их слишком много.

— Любопытная теория.

— Послушай, — прошептала она. — Все вокруг спят.

— Бангкок никогда не засыпает.

— Да нет же, послушай. Это звуки сна.

Черенок сачка представлял собой алюминиевую трубку, и Руна в нее подула. Было похоже на звук диджериду. Харри прислушался. В самом деле — звуки сна.

Руна пошла в душ. Харри уже стоял в коридоре, вызвав лифт, когда она вышла из душевой, обмотанная полотенцем.

— Твоя одежда лежит на шезлонге, — сказал он и закрыл за собой дверь.

Потом они вместе ждали лифта. Цифры на красном табло над дверью лифта наконец начали обратный отсчет.

— Когда ты уезжаешь? — спросила она.

— Скоро. Если что-нибудь вдруг не всплывет.

— Я знаю, ты встречался с моей матерью этим вечером.

Харри засунул руки в карманы и бросил взгляд

на ногти на ногах. Руна говорила ему, что их надо бы подстричь. Двери лифта распахнулись, и Харри остановился в проеме.

— Твоя мать уверяет, что была дома в день убийства отца. И что ты можешь подтвердить это.

Она застонала.

— Хочешь, я отвечу?

— Да нет, пожалуй, — произнес он.

И отступил назад в кабину, и оба посмотрели друг на друга в ожидании, когда двери лифта закроются.

— Как ты думаешь, кто это сделал? — спросил он наконец.

Она продолжала смотреть на него, пока створки дверей не сомкнулись.

Глава 27

Музыка прервалась посреди гитарного соло в «All Along the Watchtower»[28], и Джим Лав вздрогнул, поняв, что кто-то просто снял с него наушники.

Он крутанулся на стуле и увидел, как над ним свесился высоченный блондин, явно пренебрегающий солнцезащитными средствами; он еле умещался в тесной дежурке. Глаза незнакомца скрывались за пилотскими темными очками сомнительного качества. Джим и сам мечтал о таких, пока наконец не приобрел их за сумму, равную его недельному заработку.

— Привет, — сказал верзила. — Я спросил, говорите ли вы по-английски.

Он произнес эти слова с каким-то неуловимым акцентом, и Джим ответил ему на бруклинском:

— По крайней мере, лучше, чем на тайском. Чем могу помочь? Какую фирму желаете посетить?

— Сегодня никаких фирм. Я просто хочу поговорить с вами.

---

[28] Примечания: 28

«На сторожевой башне» *(англ.)* — песня, написанная Бобом Диланом и ставшая знаменитой в кавер-версии Джими Хендрикса.

— Со мной? Так вы не контролер из охранного агентства? Тогда понятно, почему плеер…

— Я не из охранного агентства, а из полиции. Моя фамилия Холе. Мой коллега, Нхо…

Он сделал шаг в сторону, и стало видно, что в дверях стоит таец с коротко стриженными волосами и в наглаженной белой рубашке. Джим ни на секунду не усомнился в подлинности документов, которые тот предъявил. И так все было ясно по внешности. Он зажмурился.

— Что, полиция? Скажите, вы все, что ли, ходите к одному и тому же парикмахеру? Никогда не пробовали подстричься по-новому? К примеру, вот так?

И Джим, захохотав, показал на копну у себя на голове.

Высокий усмехнулся:

— Похоже, ретро восьмидесятых еще не добралось до полицейских участков.

— Чего-чего восьмидесятых?

— Ладно, проехали. У тебя есть сменщик и место, где бы мы могли поговорить?

Джим объяснил, что приехал с друзьями на каникулы в Таиланд четыре года назад. Они взяли напрокат мотоциклы и рванули на север. В маленькой деревушке у реки Меконг, на границе

с Лаосом, один из друзей совершил глупость — купил опиум и сунул его себе в рюкзак. На обратном пути их остановила полицейская машина, всех обыскали. И тут, на пыльной дороге Таиланда, можно сказать в самом сердце страны, они вдруг осознали, что их другу грозит длительное тюремное заключение.

— Согласно закону, ему, черт побери, могла грозить смертная казнь за контрабанду этой дури, ну каково? Причем мы, трое остальных, хотя ничего и не сделали, сразу же подумали, что нас тоже загребут за какое-нибудь соучастие или невесть что еще. Я тут же усек, что моя черная афроамериканская физиономия как нельзя лучше подходит для героинового контрабандиста. Мы просили и умоляли до тех пор, пока один из полицейских не дал нам понять, что они могут ограничиться штрафом. Нам пришлось отдать им все свои деньги, и плюс к этому они конфисковали опиум, а потом отпустили нас восвояси. До чего же мы были рады! Вот только обратные билеты в США уже не на что было купить…

И Джим принялся пространно и в подробностях описывать, как было дело дальше, как он пытался подработать гидом с американскими туристами, но у него возникли проблемы с видом на житель-

ство, как он залег на дно, как его содержала одна тайская девушка и, когда наконец остальные друзья сумели-таки вернуться домой, он решил остаться здесь. После многих проволочек он получил разрешение на работу, ему предложили стать охранником паркинга: как раз понадобился человек, говорящий по-английски, который мог бы обслуживать офисы международных компаний.

Джим тараторил не переставая, и Харри наконец вынужден был остановить его.

— Черт, надеюсь, твой тайский дружок не говорит по-английски, — бросил Джим и нервно покосился на Нхо. — Те парни, которым мы заплатили на севере…

— Расслабься, Джим. Мы пришли спросить тебя совсем о другом. О синем «мерседесе» с дипломатическими номерами, который был здесь припаркован третьего января около четырех часов дня. Не припоминаешь?

Джим загоготал.

— Если бы меня спросили, какую именно мелодию Джими Хендрикса я сейчас слушал, то я, может быть, и ответил. Но машины — они то въезжают, то выезжают… — Он всплеснул руками.

— Когда мы были здесь, нам выдали талон. Ты не проверишь, что осталось: регистрационный

номер или что-то в этом роде?

Джим покачал головой:

— Мы не ведем учета. Паркинг оснащен видеокамерами, и, если что-то происходит, мы потом можем это обнаружить.

— Потом? Ты имеешь в виду, что все записывается на видео?

— Типа того.

— Но я не заметил мониторов.

— А их и нет. Здесь парковочные места на шести этажах, у нас просто нет возможности сидеть и все это отслеживать. К тому же большинство воров, завидев камеры, думают, что за ними наблюдают, и сразу дают деру. Разве не так? А значит, половина дела уже сделана. Ну, а если какой-нибудь осел все же полезет в чужую машину, мы сразу увидим это на пленке.

— Сколько вы храните видеозаписи?

— Десять дней. За такой срок владельцы машин успеют заметить, если чего не хватает. А потом мы снова пишем на те же пленки.

— Ты хочешь сказать, что есть запись от третьего января, с четырех до пяти дня?

Джим посмотрел на настенный календарь.

— Есть.

Они спустились по лестнице в душный сырой

подвал, где Джим зажег одинокую лампочку и открыл один из железных сейфов, стоящих вдоль стены. На полках стояли видеокассеты.

— Придется просмотреть массу этих штучек, если вы хотите проверить весь паркинг.

— Нас интересуют гостевые парковочные места, — сказал Харри.

Джим поискал на полках. Записи с каждой камеры наблюдения хранились отдельно, на корешках кассет карандашом были написаны даты. Наконец Джим вытащил одну из кассет.

— Время шоу.

Он открыл другой сейф, где был спрятан видеопроигрыватель с монитором, и поставил кассету: через пару секунд появилась черно-белая картинка. Харри сразу же узнал гостевую парковку: очевидно, запись была сделана той же камерой, которую они заметили, когда были здесь в прошлый раз. В нижнем углу высвечивался код — месяц, день и время. Они перемотали пленку вперед, остановившись на 15.50. Никакой посольской машины. Они подождали еще. Картинка не менялась.

— Поставим пленку на быструю перемотку, — предложил Джимми.

Время в углу побежало быстрее, но все осталь-

ное оставалось неизменным. Вот уже 17.15. Пара машин проехала мимо, оставив мокрые следы на бетонном полу. Время 17.40, следы медленно высыхают, исчезают, и никаких признаков появления посольского «мерседеса». Наконец Харри попросил выключить запись.

— Но ведь автомобиль посла должен был встать на гостевое место! — воскликнул он.

— Мне жаль, — ответил Джим. — Похоже, у вас неверная информация.

— Мог он стоять где-нибудь в другом месте?

— Разумеется. Но те, у кого нет постоянного места, обязательно проехали бы мимо этой камеры, и в таком случае мы увидели бы машину.

— Мы хотим посмотреть другую видеопленку, — сказал Харри.

— Пожалуйста. Какую именно?

Нхо порылся в кармане.

— Ты знаешь, где паркуется машина с этими номерами? — спросил он, протянув найденную в кармане бумажку.

Джим недоверчиво уставился на него.

— Черт возьми, да ты тоже говоришь по-английски.

— Это красный «порше», — сказал Нхо.

Джим вернул ему бумажку.

— И проверять нечего. Из постоянных тут у нас никто не ездит на красных «порше».

— Черт! — вырвалось вдруг у Харри по-норвежски.

— Что это значит? — ухмыльнулся Джим.

— Да так, один норвежский термин, тебе все равно не понять.

Они снова вышли на солнечный свет.

— Могу устроить тебе получше, причем дешево, — предложил Джим, показывая на темные очки Харри.

— Нет, спасибо.

— Тогда могу понаблюдать, если надо, — расхохотался Джим. Он уже защелкал пальцами, предвкушая, как снова включит свой плеер. — Пока, инспектор! — крикнул он им вдогонку. Харри обернулся. — Тшо-орт!

Идя к машине, они слышали за спиной хохот охранника.

— Итак, что нам известно? — спросила Лиз, положив ноги на письменный стол.

— Мы знаем, что Брекке лжет, — произнес Харри. — Он сказал нам, что после встречи проводил посла на парковку к его машине.

— Зачем ему лгать об этом?

— Посол говорит по телефону только о том,

что хочет подтвердить время встречи — четыре часа дня. Вне всякого сомнения, посол приезжал в офис Брекке. Мы беседовали с секретаршей в приемной, она это подтвердила. Она может также подтвердить, что посол выехал оттуда вместе с Брекке — тот потом еще заскочил на минутку, чтобы оставить сообщение. Она помнит об этом, потому что было около пяти часов и как раз в это время она сама стала собираться домой.

— Хорошо, что хоть кто-то что-то помнит.

— Но мы не знаем, что делали посол и Брекке потом.

— Где была его машина? Невероятно, чтобы он рискнул оставить ее прямо на улице, в этом-то районе Бангкока, — сказала Лиз.

— А может, они договорились отправиться в другое место, и посол поручил кому-то присмотреть за машиной, пока он поднимется наверх за Брекке, — предположил Нхо.

Рангсан легонько кашлянул и перевернул лист газеты.

— Поручил? В таком месте, где кишмя кишат воры, которые только и ждут подобного случая?

— Согласна, — произнесла Лиз. — Это очень странно, что он не заехал на парковку: ведь так было бы проще и надежнее. Он мог бы припарко-

ваться прямо у лифта.

Она поковыряла мизинцем в ухе, и на ее лице появилось блаженное выражение.

— Вопрос в том, что нам, собственно, со всем этим делать, — сказала она.

Харри в отчаянии всплеснул руками:

— Я надеялся, мы сможем доказать, что Брекке покинул офис днем и они вместе с послом отправились куда-то в пять часов, причем ехали оба в машине посла. Что видеозапись подтвердит тот факт, что его собственный «порше» стоял всю ночь на парковке. Но я не подумал, что Брекке не ездит на работу на своей машине.

— Давайте на время забудем о машинах, — сказала Лиз. — Мы точно знаем, что Брекке *лжет*. Что же нам делать?

И она щелкнула по газете, за которой прятался Рангсан.

— Проверить алиби, — раздался голос из-за газеты.

Глава 28

Реакция людей на арест столь же различна, сколь и непредсказуема.

Харри полагал, что видел уже достаточно вариантов, и потому не особо удивился, когда загорелое лицо Йенса Брекке приобрело сероватый оттенок, а глаза забегали, как у затравленного зверя. У тела ведь есть собственный язык, и в таких случаях даже сшитый на заказ костюм от Армани сидит как-то мешковато. Брекке по-прежнему держал голову высоко, но сам съежился, как будто стал меньше.

Брекке не арестовали, только задержали для допроса, но для того, кто никогда не имел дела с парой вооруженных констеблей, которые уводят тебя, не спрашивая, между двумя этими понятиями нет особой разницы. При виде Брекке в допросной у Харри мелькнула мысль, что этого человека невозможно и представить себе с ножом в руке, совершающим хладнокровное убийство. Однако Харри случалось так думать и раньше и при этом ошибаться.

— Мы вынуждены вести допрос на англий-

ском, — сказал Харри, сев прямо перед Брекке. — И записывать на пленку.

Он указал на микрофон.

— Хорошо, — попытался улыбнуться Брекке. Словно кто-то растянул ему уголки губ железными крючками.

— Я выпросил разрешение вести этот допрос, — продолжал Харри. — Вас задержала таиландская полиция, и она должна вас допрашивать, но так как вы норвежский гражданин, то начальник полиции разрешил это сделать мне.

— Спасибо.

— Ну, не знаю, стоит ли это благодарности. Вам сказали, что вы имеете право связаться с адвокатом?

— Да.

Харри хотел было спросить, почему же тогда Брекке не воспользовался этим правом, но раздумал. Не стоит напоминать об этом лишний раз. Насколько Харри было известно, таиландская правовая система сходна с норвежской, а значит, нет причин полагать, что адвокаты тут и там сильно различаются. В таком случае первым их устремлением будет заткнуть клиенту рот. Ладно, букву закона он соблюл, и можно продолжать.

Харри подал знак включить запись. Вошел Нхо,

зачитал в микрофон полагающиеся в начале записи слова и снова вышел.

— У вас действительно была связь с Хильде Мольнес, супругой покойного Атле Мольнеса?

— Что? — Человек по ту сторону стола уставился на него круглыми глазами.

— Я говорил с фру Мольнес. И предлагаю вам рассказать всю правду.

Последовала пауза.

— Да.

— Пожалуйста, погромче.

— Да.

— Как давно продолжаются ваши отношения?

— Не знаю. Давно.

— С тех пор, как полтора года назад был устроен прием в честь прибытия посла?

— Наверное…

— Наверное?

— Да, можно сказать.

— Вам было известно, что фру Мольнес будет распоряжаться большим состоянием в случае смерти своего мужа?

— Состоянием?

— Я выражаюсь неясно?

Брекке тяжело выдохнул, будто воздух вышел из проколотого мяча.

— Это новость для меня. Я всегда думал, что они владеют довольно ограниченным капиталом.

— Вот как? Когда мы разговаривали с вами последний раз, вы рассказали мне, что третьего января в вашем офисе вы как раз обсуждали с Мольнесом вопрос о вложении денег. Кроме того, вы знали, что у Мольнеса имеются большие долги.

Новая пауза. Брекке собирался с мыслями.

— Я солгал, — сказал он наконец.

— Теперь у вас есть шанс рассказать правду.

— Он пришел ко мне, чтобы поговорить о нашей связи с Хильде… с его женой. Он хотел, чтобы мы с ней порвали.

— Вполне законное требование, не так ли?

Брекке пожал плечами:

— Не знаю, насколько хорошо вы знаете Атле Мольнеса.

— Допустим, кое-что нам неизвестно.

— Позвольте тогда заметить, что его сексуальная ориентация не служила, так сказать, укреплению этого брака.

Он поднял глаза. Харри кивнул ему, чтобы тот продолжал.

— Он вовсе не из ревности настаивал на том, чтобы мы с Хильде прекратили встречаться. А

просто боялся слухов, которые могли всколыхнуть Норвегию. Он сказал мне, что наша связь, если о ней станет известно, только подогреет эти слухи, что это повредит не только ему, но и другим высокопоставленным лицам. Я пробовал расспросить его подробнее, но это все, что он мне сказал.

— Чем он вам угрожал?

— Угрожал? Что вы имеете в виду?

— Он ведь далеко не по-дружески просил вас расстаться с вашей возлюбленной?

— Да нет, напротив. Он даже употребил именно это слово.

— Какое?

— По-дружески.

Брекке положил руки перед собой на стол.

— Странный он был человек. Дружелюбный. — Он слабо улыбнулся.

— Думаю, вы сами нечасто слышите такие слова от коллег.

— Пожалуй, вы тоже?

Харри быстро взглянул на него, но не увидел в глазах Брекке никакого вызова.

— Так о чем вы договорились?

— Ни о чем. Я сказал, что подумаю. Что я мог ему ответить? Мужик выглядел так, будто вот-вот

заплачет.

— Но вы все-таки решили порвать с ней?

Брекке нахмурился, словно впервые размышляя над этим.

— Нет, я… да, мне было бы очень трудно прекратить наши свидания.

— Вы говорили мне, что после встречи с послом проводили его вниз, на подземную парковку, где он оставил машину. Не хотите ли изменить свои показания?

— Нет, — удивленно посмотрел на него Брекке.

— Мы проверили видеозапись соответствующего дня, с пятнадцати пятидесяти до семнадцати пятнадцати. На гостевом месте машины посла не было. Вы хотите изменить показания?

— Изменить? — недоверчиво переспросил Брекке. — Да нет же! Господи, я вышел из лифта, и его машина стояла там. Мы оба должны быть на видеозаписи. Я даже помню, как мы перекинулись парой слов, прежде чем он сел в машину, и я обещал послу, что не буду рассказывать Хильде о нашем с ним разговоре.

— А мы можем доказать обратное. Спрашиваю в последний раз: вы хотите изменить показания?

— Нет!

Харри уловил в его голосе решительные нотки,

которых не было в начале допроса.

— Что вы делали после того, как вы, по вашим словам, проводили посла на парковку?

Брекке объяснил, что вернулся обратно в офис, работал с бумагами примерно до полуночи, а потом вызвал такси и уехал домой. Харри спросил, не заходил ли к нему кто-либо или не звонил, в то время как он находился в своем офисе, и на это Брекке ответил, что никто не может войти в офис без пропуска и что он отключил все телефоны, чтобы спокойно поработать: он обычно так поступает, занимаясь бумагами.

— Итак, никто не может подтвердить ваше алиби? Никто, к примеру, не видел, как вы вернулись домой?

— Меня видел у дома Бен, охранник Бен. Может, он вспомнит. Обычно он замечает, когда я возвращаюсь домой поздно и в костюме.

— Охранник видел вас у дома около полуночи, это все?

Брекке снова задумался.

— Боюсь, что все.

— Хорошо, — произнес Харри. — Теперь этим займутся другие. Не хотите кофе? Или хотя бы воды?

— Нет, спасибо.

Харри встал, собираясь уходить.

— Харри!

Он обернулся:

— Лучше, если вы будете называть меня Холе. Или инспектор.

— Хорошо. У меня что, неприятности? — спросил Брекке по-норвежски.

Харри прищурился. Брекке являл собой жалкое зрелище, он был похож на мятое кресло-мешок фирмы «Сакко».

— На вашем месте я позвонил бы адвокату.

— Я понял. Спасибо.

Харри остановился в дверях.

— Кстати, что с обещанием, которое вы дали послу на подземной парковке? Вы его сдержали?

Брекке виновато улыбнулся в ответ.

— Я собирался рассказать об этом Хильде, то есть… я думал, что обязан это сделать. Но когда я узнал, что посол мертв… да, он был странный человек, и я решил для себя, что теперь я просто должен выполнить это обещание. Тем более что оно уже не имеет никакого практического значения.

— Минуточку, я выключу громкую связь.

— Алло!

— Мы слушаем тебя, Харри.

Бьярне Мёллер, Дагфинн Торхус и начальник Полицейского управления Осло молча выслушали доклад Харри по телефону.

Затем взял слово Торхус:

— Итак, у нас есть норвежец, сидящий под стражей по подозрению в убийстве. Вопрос в следующем: как долго нам удастся скрывать это дело?

Начальник полиции кашлянула:

— Полиция может спокойно заниматься поисками убийцы — пресса об убийстве еще не знает. Я потом им позвоню. Думаю, у нас есть несколько дней, что важно на случай, если этот Брекке окажется ни при чем. Если тайцы будут вынуждены его отпустить, они предпочтут, чтобы никто не узнал об аресте.

— Харри, ты меня слышишь? — спросил Мёллер.

Раздался какой-то шум в трубке, Мёллер понял его как знак согласия.

— Этот парень виновен, Харри? Он убийца?

Снова возник шум, и Мёллер поднял другую трубку — телефона начальника полиции.

— Что ты сказал, Харри? Именно так. Ладно, мы здесь это обсудим. Будем поддерживать с тобой контакт.

Он положил трубку.
— Что он сказал?
— Что не знает.

Домой Харри вернулся поздно. В «Ле Бушероне» было полно народу, так что он поужинал в Патпонге на Четвертой сой, на улице геев. Когда он расправлялся с горячим, к его столику подошел мужчина и вежливо поинтересовался, не желает ли Харри провести с ним время. Харри покачал головой, и тот сразу же ретировался.

Харри поднялся на пятый этаж. Кругом ни души, свет в бассейне был потушен. Он стянул с себя одежду и нырнул. Вода приняла его в прохладные объятия. Он плыл, ощущая ее сопротивление. Руна говорила, что ни один бассейн не похож на другой, вода везде особая, со своей консистенцией, запахом и цветом. Этот бассейн благоухает ванилью, говорила она. Вода сладкая и немного вязкая. Он вдохнул поглубже, но почувствовал только запах хлорки и Бангкока. Перевернувшись на спину, он закрыл глаза. От звука собственного выдоха в воду возникало чувство, что ты заперт в тесной комнатке. Он открыл глаза. В одной из квартир погас свет. По звездному небу медленно плыл спутник. Вдали затарахтел мотоцикл с барахлящим глушителем. Взгляд Харри снова

остановился на окнах квартиры. Он вычислил этаж. И чуть не захлебнулся. Свет только что погас в его собственной квартире.

В ту же секунду Харри выскочил из бассейна, натянул брюки и оглянулся вокруг, тщетно пытаясь найти хоть какой-то предмет вместо оружия. Схватив сачок, прислоненный к стене, он одним махом преодолел пару метров до лифта и нажал на кнопку вызова. Двери лифта открылись, Харри влетел внутрь и тут же почувствовал слабый запах карри. В какое-то мгновение он отключился, а когда пришел в себя, то уже лежал на спине, на холодном каменном полу. Удар пришелся прямо ему в лоб. Над ним склонилась чья-то туша, и стало сразу ясно, что шансы не в его пользу. Харри ударил противника по коленям сачком из бассейна, но легкий алюминий не причинил громиле особого вреда. Харри удалось увернуться, и он поднялся на колени, однако очередной удар пришелся в плечо, так что он чуть не завертелся волчком. Заболела спина, зато подскочил адреналин, и Харри, взревев от боли, снова поднялся. При свете из распахнутого лифта он разглядел косичку, пляшущую на бритой голове, и занесенный кулак, который угодил ему прямо в глаз, так что он отлетел назад к бассейну. Туша рва-

нулась вслед за ним, и Харри сделал финт левой рукой, а затем врезал правой туда, где должно было находиться лицо врага. Казалось, он ударил по граниту, и больнее пришлось ему самому. Харри отпрянул, наклонив голову в сторону; кулак просвистел мимо, и в груди похолодело от страха. Харри нащупал свой ремень, наручники, отстегнул их и просунул пальцы внутрь. Выждав, когда туша подскочит к нему поближе, он рассчитал, чтобы не получить апперкота, и пригнул голову. А потом развернулся всем корпусом и в бешенстве отчаяния двинул костяшками пальцев, защищенными наручниками, прямо в темноту, в плоть и кости врага. Потом врезал снова и почувствовал, как железо прорвало кожу. По его пальцам заструилась теплая кровь; так и не поняв, его ли это кровь или противника, он поднял кулак, чтобы ударить еще раз, в ужасе оттого, что враг по-прежнему держится на ногах. И тут услышал негромкий хриплый смех. Ему на голову обрушился полновесный бетон, темнота вокруг сделалась еще чернее, и не стало ни верха, ни низа.

Глава 29

Очнулся Харри в воде, непроизвольно вдохнул, и в следующее же мгновение его потащило на дно. Он попытался разглядеть, в чем дело, но это ему не удалось. Вода усилила металлический лязг, а держащая его рука вдруг ослабила хватку. Он открыл глаза, все вокруг приобрело бирюзовый цвет, ноги его нащупали плитку бассейна. Оттолкнувшись, Харри начал было подниматься на поверхность, но рывок за запястье подтвердил то, о чем мозг уже догадался, но отказывался признать. Что он должен утонуть. И что Ву приковал его к сливу на дне бассейна его же собственными наручниками.

Харри взглянул наверх. Сквозь воду пробивался лунный свет. Он вытянул свободную руку, и она оказалась над водой. Черт, глубина бассейна в этом месте всего метр! Харри привстал на ноги и попробовал выпрямиться: железо наручников врезалось в кость большого пальца, но все равно не хватало двадцати сантиметров, чтобы высунуть голову на поверхность. Он заметил, как чья-то тень удаляется прочь. Проклятье! Только

без паники, подумал он. Паника сжирает слишком много кислорода.

Он снова опустился на дно и ощупал пальцами сточную решетку. Она была стальная, прочно крепилась ко дну и даже не сдвинулась с места, когда Харри схватился за нее обеими руками, пробуя приподнять. Как долго он сможет не дышать? Минуту? Две? Он уже ощущал боль в мускулах, в висках застучало, перед глазами заплясали красные звезды. Тогда он снова попытался рвануться наверх, прекрасно осознавая, что физическое напряжение только лишит его кислорода. Во рту пересохло от страха, мозг лихорадочно воображал нехватку горючего, нехватку воды. Харри знал, что это из области галлюцинаций. Промелькнула абсурдная мысль: если выпить побольше воды из бассейна, то, может, ее уровень понизится как раз настолько, чтобы ему высунуться на поверхность. Он ударил свободной рукой по бортику, понимая, что все равно никто не услышит. Здесь, под водой, царит тишина, но наверху-то ревет своим вековым ревом Бангкок, заглушая всех и вся. А если кто-то и услышит, что толку? Единственное, чем смогут ему помочь, — это присутствовать при его кончине. Голову заливало мучительным жаром, и Харри уже

приготовился попробовать сделать то, что рано или поздно делают все утопающие, — вдохнуть воду. И тут свободная рука внезапно наткнулась на металл. Это же сачок! Он преспокойно лежал на краю бассейна. Харри схватил его и потащил к себе. Руна дудела в него, как в диджериду. Значит, есть дырка. А значит, будет воздух. Харри зажал губами конец алюминиевой трубки и вдохнул. В рот попала вода, он глотнул и чуть не захлебнулся, почувствовав на языке дохлых насекомых, но потом еще сильнее вцепился зубами в трубку, борясь с рефлекторным кашлем. Почему кислород называется кислородом? Он ведь не кислый, а сладкий, а воздух в Бангкоке слаще меда. Харри втянул в себя какой-то мелкий мусор и алюминиевую крошку, впившуюся в слизистую горла, но даже не обратил на это внимания. Просто с силой вдыхал и выдыхал воздух, будто участник марафона.

Мозг снова заработал. И Харри понял, что лишь получил отсрочку. Кислород, поступавший в его кровь, превращался в углекислый газ, нечто вроде выхлопных газов тела, а трубка сачка была слишком длинной, чтобы полностью освободиться от них. Таким образом, он вновь и вновь вдыхал тот же самый воздух, и мало-помалу доля

кислорода уменьшалась, а доля смертельного CO_2 все увеличивалась. Это называется гиперкапнией, и вскоре он от нее умрет. Хуже всего, что он так часто дышит, из-за этого процесс только ускоряется. Через некоторое время наступит сонливость, мозг перестанет контролировать дыхание, оно сделается все реже и реже, пока совсем не замрет.

«Умру в полном одиночестве, — подумал Харри. — Прикованный цепью. Как слоны на речной барже. Слоны!» И он изо всех сил протрубил в трубку сачка.

Анне Верк жила в Бангкоке уже три года. Ее муж возглавлял представительство «Шелл» в Таиланде, они были бездетны, не очень счастливы, но надеялись вытерпеть вместе еще несколько лет. Потом Анне планировала вернуться в Нидерланды, закончить учебу и подыскать себе нового мужа. Просто ради проформы она подала заявку на место преподавателя в «Эмпайр» и, к своему удивлению, получила эту работу. Некоммерческая организация «Эмпайр» ставила своей целью дать проституткам Бангкока бесплатное образование, прежде всего помочь им выучить английский язык. Анне Верк учила девушек фразам, которые потом могли им пригодиться в

барах. Потому они и приходили на ее уроки. Сидели за партами, смущенно улыбались и хихикали, когда она просила их повторять за ней по-английски: «Могу ли я зажечь для вас эту сигарету, сэр?» Или: «Я девушка, а вы очень симпатичный, сэр. Вы угостите меня коктейлем?»

В этот день одна из девушек пришла в новом красном платье, которым явно гордилась, и, запинаясь, рассказала классу по-английски, что купила его в универмаге «Робертсон». Трудно было даже представить себе, что эти же девушки занимаются проституцией в каком-нибудь злачном районе Бангкока.

Как и большинство голландцев, Анне Верк прекрасно говорила по-английски и раз в неделю, вечером, давала уроки и другим преподавателям «Эмпайр». Сегодня, возвращаясь домой, она поднялась на лифте на пятый этаж. Вечер выдался утомительный, долго спорили о разных методах преподавания, и она мечтала поскорее оказаться в своей квартире в двести квадратных метров и сбросить наконец туфли, как вдруг услышала странные приглушенные звуки. Сначала она решила, что звуки доносятся с реки, но потом поняла, что это в бассейне. Найдя выключатель, она оказалась там уже через пару секунд и увидела

на дне человека с торчащим из воды сачком. И тут же бросилась бежать.

Харри заметил, что включили свет, и различил фигуру на краю бассейна. В следующий миг фигура исчезла. Похоже, это была женщина. Наверное, испугалась. Харри почувствовал первые признаки гиперкапнии. В теории этот процесс должен быть даже приятным, словно погружение в наркоз, но он ощущал один только страх, ледниковой водой разливавшийся по жилам. Он попытался сосредоточиться, спокойно, равномерно дышать, — соображать снова стало трудно.

Поэтому он даже не заметил, что вода в бассейне начала убывать, и когда женщина спрыгнула и приподняла его, ему показалось, что это ангел явился за ним, чтобы забрать на небо.

Остаток ночи его мучила головная боль. Харри сидел на стуле в квартире, потом прибыл врач, взял у него кровь и заверил, что он здоров. Можно подумать, Харри нужны были эти объяснения. Потом рядом оказалась Лиз и стала записывать, что произошло.

— Что он делал в твоей квартире? — спросила она.

— Понятия не имею. Может, хотел попугать.

— Он что-нибудь взял?

Харри оглянулся кругом.

— Нет, раз зубная щетка по-прежнему лежит в ванной.

— Трепло. Как ты себя чувствуешь?

— Как с бодуна.

— Я объявлю его в розыск.

— Забудь об этом. Иди домой и поспи.

— Трудновато, вдруг с тобой чего случится.

— Все в порядке, разве ты не видишь? — Он потер руками лицо.

— Это тебе не шутки, Харри. Ты что, не понял, что отравился углекислым газом?

— Не сильнее, чем среднестатистический житель Бангкока, по словам врача. Я все знаю, Лиз. Иди домой, у меня больше нет сил разговаривать. Завтра я буду в форме.

— На завтра ты свободен.

— Как хочешь. Только уходи, прошу тебя.

Харри проглотил таблетки, которые ему дал врач, и тут же уснул без всяких сновидений. Его разбудил звонок Лиз, ближе к полудню: она спрашивала, как у него дела. Он буркнул что-то неразборчивое в ответ.

— Я не хочу тебя сегодня видеть, — повторила она.

— Я тебя тоже люблю, — ответил он и, положив

трубку, встал и начал одеваться.

Такого жаркого дня в этом году еще не было, и все Управление полиции изнывало от духоты. Даже кондиционеры в кабинете Лиз не помогали. С облупленным носом Харри стал похож на оленя Рудольфа. Он допивал уже третью литровую бутылку воды.

— Если это называется холодным временем года, то что же…

— Харри, не надо, а? — Лиз не считала, что жара уменьшится, если о ней говорить. — Что у нас с Ву, Нхо? Есть какие-нибудь следы?

— Никаких. Я серьезно побеседовал с господином Соренсеном из «Тай Индо тревеллерз». Он говорит, что ничего не знает о местонахождении Ву и что тот больше не работает в его компании.

Лиз вздохнула.

— И у нас нет никаких соображений по поводу того, что мог делать Ву в квартире Харри. Отлично. Что с Брекке?

Оказалось, Сунтхорн поговорил с охранником дома, где живет Брекке. Тот действительно вспомнил, что норвежец тем вечером вернулся домой где-то за полночь, но точное время назвать не мог.

Лиз проинформировала, что технический отдел

уже вовсю прочесывает квартиру и кабинет Брекке. Особенно тщательно изучается его одежда и обувь на предмет частиц крови, волос, волокон — чего угодно, что могло бы связать Брекке с убитым или с местом преступления.

— Кстати, — сообщил Рангсан, — у меня есть что рассказать о фотографиях, которые мы нашли в портфеле Мольнеса.

Он прикрепил кнопками три увеличенных снимка на доску у двери. Несмотря на то что эти картинки уже так давно крутились у Харри в мозгу, что должны были бы перестать шокировать, теперь его замутило.

— Мы послали фото на экспертизу в отдел половых преступлений. Им не удалось установить причастность никаких известных распространителей детской порнографии к этим картинкам, — продолжал Рангсан и перевернул один снимок. — Во-первых, они напечатаны на немецкой бумаге, которая не продается в Таиланде. Во-вторых, изображения на них не очень четкие и напоминают скорее любительскую съемку, не предназначенную для распространения. Ребята из технического отдела поговорили с фотоэкспертом, и тот утверждает, что снимки сделаны с большого расстояния при помощи телеобъек-

тива и что, вероятнее всего, снимали снаружи. Он думает, что в кадр попала часть оконного переплета.

И Рангсан указал на серую тень по краю снимка.

— Поскольку снимки не похожи на постановочные, то можно говорить о появлении новой ниши на порнорынке, а именно о спросе на подглядывание.

— Что?

— В США торговцы порнографией зарабатывают большие деньги, продавая так называемые частные любительские видеозаписи, сделанные на самом деле настоящими актерами и операторами, которые избегают всяких профессиональных штучек, намеренно упрощают съемку и отказываются от услуг известных фотомоделей. Оказывается, люди охотнее платят деньги за то, что, как они думают, снято в подлинных спальнях обычных людей. То же самое касается снимков и видеозаписей, сделанных якобы тайком из окон дома напротив, без ведома и согласия участников действа. Подобная продукция предназначена для любителей подглядывать, ведь их возбуждает как раз зрелище других людей, даже не догадывающихся о том, что они под наблюдением.

— Или же, — сказал Харри, — эти фотографии могли быть предназначены не для продажи, а для шантажа.

Рангсан покачал головой.

— Мы думали об этом, но тогда можно было бы идентифицировать личность мужчины на фото. На типичных порноснимках для продажи лицо насильника обычно скрыто, что мы здесь и видим.

Он указал на три фотографии. На них можно было различить зад и низ спины мужчины. Помимо красной футболки с нижней частью двойки и нуля, никакой одежды на мужчине видно не было.

— И все же снимки могли использоваться для шантажа, — снова заявил Харри, — просто фотографу не удалось снять лицо. Или же он показал своей жертве только те отпечатки, где того нельзя идентифицировать.

— Подожди-ка! — махнула рукой Лиз. — Что ты говоришь, Харри? Мужчина на фото — Мольнес?

— Это лишь версия. Его могли шантажировать, но он не сумел собрать денег из-за того, что уже был должен.

— Ну и что? — спросил Рангсан. — Все равно у шантажиста не было мотива убивать Мольнеса.

— Возможно, посол угрожал ему полицией.

— Пойти в полицию и заявить на шантажиста, чтобы самому быть арестованным за педофилию? — закатил глаза Рангсан.

Сунтхорн и Нхо едва удержались от смеха.

Харри развел руками:

— Я ведь сказал, что это только версия, вы ее отбросили — ладно. Другая версия заключается в том, что Мольнес сам шантажист…

— …а Брекке — насильник, — закончила Лиз и, подперев голову рукой, задумчиво уставилась в пространство. — Допустим, Мольнес нуждался в деньгах, а у Брекке появляется мотив для убийства. Но это нам было известно и раньше, так что ничего нового мы не получаем. Что скажешь, Рангсан, можем мы *исключить*, что на этих снимках именно Брекке?

Тот покачал головой:

— Снимки настолько расплывчатые, что мы ничего не можем исключить, даже если у Брекке есть особые приметы.

— Кто готов добровольно пойти и осмотреть задницу Брекке? — спросила Лиз, вызвав всеобщий хохот.

Тут осторожно кашлянул Сунтхорн:

— Если Брекке убил Мольнеса из-за снимков,

то почему же он оставил их на месте преступления?

Наступило долгое молчание.

— Интересно, это только у меня ощущение, что мы здесь сидим и ерундой занимаемся? — спросила наконец Лиз.

Жужжал кондиционер, и Харри подумал, что день будет не только жарким, но и длинным.

Харри остановился в дверях террасы, ведущей в посольский сад.

— Харри? — Руна протерла глаза, выходя из бассейна.

— Привет, — сказал он. — Твоя мать спит.

Она пожала плечами.

— Мы арестовали Йенса Брекке.

Он ждал, что она сейчас что-нибудь скажет, спросит почему, но девушка не произнесла ни слова. Харри вздохнул.

— Мне вовсе не хотелось огорчать тебя, Руна. Но я занимаюсь этим делом, и ты тоже не можешь остаться в стороне, поэтому я решил, что мы могли бы немножко помочь друг другу.

— Конечно, — сказала она.

Харри безуспешно пытался разгадать ее интонацию. И наконец решился поговорить напрямую.

— Я должен узнать о нем побольше: что это

за человек, тот ли он, за кого себя выдает, и так далее. Мне надо начать хотя бы с его отношения к твоей матери. Мне кажется, у них все-таки большая разница в возрасте…

— Ты думаешь, он ее использовал?

— Что-то в этом роде.

— А может, это моя мать использовала его?

Харри сел на стул под ивой, но Руна продолжала стоять.

— Мать не хотела, чтобы я присутствовала при их встречах, так что я почти незнакома с ним.

— Но ты знаешь его лучше, чем я.

— Неужели? Гм. Он производит впечатление веселого человека, но, может, это только кажется. Во всяком случае, он пытался наладить со мной отношения, например решил водить меня на тайский бокс. Очевидно, думал, что я интересуюсь спортом, раз люблю прыгать с трамплина. Использовал ли он ее? Не знаю. Жаль, что не могу тебе помочь, но мне неизвестно, что кроется в душе у мужчин этого возраста, вы ведь не показываете своих чувств…

Харри поправил солнцезащитные очки.

— Спасибо, отлично, Руна. Ты не попросишь мать, чтобы позвонила мне, когда проснется?

Она встала на краю бассейна, повернувшись

спиной к воде, оттолкнулась и описала прямо перед ним новую параболу, выгнув назад спину и откинув голову. Он увидел пузыри на поверхности воды и повернулся, чтобы уйти.

Шеф Брекке в «Барклай Таиланд» был лысоват, и на лице его читалось беспокойство. Он все кашлял и кашлял, потом трижды просил Харри назвать свое имя. Харри оглядел кабинет и понял, что Брекке не лгал: офис у начальника был гораздо скромнее, чем у подчиненного.

— Брекке один из наших лучших брокеров, — заявил шеф. — У него отличная память на цифры.

— Разумеется.

— Он хитрый, да. Но это его работа.

— О'кей.

— Некоторые утверждают, что он временами бывает жестким, но никто из наших клиентов не может обвинить его в нечестности.

— Что он за человек?

— Разве я только что вам это не рассказал?

Вернувшись в Управление полиции, Харри позвонил в Осло Туре Бё, руководителю валютного отдела «ДНБ». Тот сообщил ему, что у Брекке была связь с девицей из операционного отдела, но вскоре закончилась, очевидно по ее инициативе. Он предположил, что это могло стать причиной

переезда Брекке на работу в Бангкок.

— Разумеется, за приличные отступные и повышение зарплаты в придачу, — добавил он.

После обеда Харри и Нхо спустились на лифте на второй этаж, где содержался Брекке, ожидая, когда его переправят в следственную тюрьму в Пратунаме.

На Брекке был все тот же костюм, в котором его арестовали. В расстегнутой рубашке с закатанными рукавами он уже не был похож на брокера. Чубчик прилип ко лбу, он в растерянности смотрел на свои ладони, неподвижно лежащие перед ним на столе.

— Это Нхо, мой коллега, — сказал Харри.

Брекке кивнул и улыбнулся.

— У меня к вам всего один вопрос, — произнес Нхо. — Вы проводили посла на подземную парковку к его машине в понедельник третьего января в семнадцать ноль-ноль?

Брекке посмотрел сперва на Харри, потом на Нхо.

— Да, — ответил он.

Нхо бросил взгляд на Харри и кивнул.

— Спасибо, — сказал Харри. — Это все.

Глава 30

Машины на шоссе двигались как черепахи, у Харри разболелась голова, кондиционер угрожающе свистел. Нхо остановился у въезда на парковку «Барклай Таиланда», опустил стекло и узнал от плосколицего охранника-тайца в наглаженной форме, что Джим Лав сегодня не работает.

Нхо предъявил свой полицейский жетон и объяснил, что им надо просмотреть одну видеокассету, однако охранник неодобрительно покачал головой и порекомендовал им созвониться с охранным агентством. Нхо повернулся к Харри, пожав плечами.

— Объясни ему, что речь идет о расследовании убийства, — сказал Харри.

— Я уже объяснил.

— Тогда придется объяснить подробнее.

Харри вышел из машины. В лицо ударил жаркий влажный воздух, словно он поднял крышку кастрюли с кипящей водой. Харри потянулся, медленно обошел вокруг машины. Охранник нахмурился, видя, как к нему приближается по-

багровевший двухметровый фаранг, и положил руку на пистолет.

Встав перед ним, Харри осклабился и левой рукой сгреб его за ремень. Охранник приглушенно вскрикнул, но не успел оказать сопротивления, так как Харри выдернул у него из брюк ремень и запустил внутрь правую руку. Охранник подскочил, и в это самое время Харри рванул его к себе. Трусы затрещали. Нхо что-то крикнул, но было уже поздно. Харри торжествующе размахивал над головой белыми трусами. В следующий миг белье полетело в кусты. После чего Харри медленно обогнул машину и снова уселся в нее.

— Старый школьный фокус, — заявил он изумленному Нхо. — Теперь снова вступай в переговоры. Черт, до чего же жарко…

Нхо выпрыгнул из машины и после недолгого обмена любезностями просунул голову в окно салона и кивнул. Харри последовал за ними обоими в подвал, при этом охранник бросал на него свирепые взгляды, стараясь держаться подальше.

Загудел видеопроигрыватель, и Харри закурил сигарету. Он считал, что никотин в некоторых ситуациях стимулирует работу мозга. Например, в таких, когда хочется закурить.

— Итак, — произнес он, — ты думаешь, Брекке

говорит правду?

— Ты тоже так думаешь, — ответил Нхо. — Иначе не взял бы меня с собой в этот подвал.

— Точно. — У Харри защипало в глазах от дыма. — И сейчас ты видишь, на каком основании я так думаю.

Нхо просмотрел запись и покачал головой.

— Это кассета от понедельника, десятого января, — сказал Харри. — Около десяти часов вчера.

— Ты ошибаешься, — возразил Нхо. — Это та же самая запись, которую мы смотрели в прошлый раз, от третьего января, когда произошло убийство. Кстати, дата написана на корешке упаковки.

Харри выпустил изо рта колечко дыма.

— Запись та же, только дата все это время стояла другая. Догадываюсь, что наш друг, разгуливающий без трусов, сможет подтвердить, что перепрограммировать дату и время в углу кадра совсем нетрудно.

Нхо взглянул на охранника: тот, пожав плечами, кивнул.

— Но это не объясняет, откуда ты знаешь, когда сделана эта запись, — добавил Нхо.

Харри мотнул головой, указывая на пленку.

— До меня это дошло, когда я проснулся сегодня

утром от шума машин на Таксин-бридж под окнами, — начал он. — И понял, что машин в кадре слишком мало. А ведь здесь огромный паркинг в шесть этажей и в здании столько различных компаний и фирм. Время между четырьмя и пятью часами дня, а за целый час мимо проезжают всего лишь *две* машины. — Харри стряхнул пепел с сигареты. — А еще я подумал об этом… — Он встал и указал на черные полосы на цементном полу. — Это следы мокрых шин. От двух автомобилей. Когда в последний раз в Бангкоке было сыро?

— Два месяца назад, если не больше.

— Ошибаешься. Четыре дня назад, как раз десятого января, между десятью и половиной одиннадцатого, пролился манговый дождь. Мне это доподлинно известно, так как он вылился в основном мне за шиворот.

— Тьфу ты, точно! — воскликнул Нхо, наморщив лоб. — Видеозапись идет непрерывно. И если эта пленка не от третьего января, а от десятого, значит в интересующее нас время кассету просто вынули из камеры.

Харри попросил охранника принести кассету, на которой стояла дата десятое января, и через полминуты им стало ясно, что запись была остановлена в 21.30. После этого на пленке возникли

пятисекундные помехи, а затем картинка снова восстановилась.

— Вот на этом месте и изъяли кассету, — сказал Харри. — Мы видим те же кадры, что на прошлой пленке.

И он указал на дату.

— Первое января, время 05.25.

Харри попросил охранника остановить пленку, и они с Нхо сидели, уставившись на картинку, пока Харри не докурил свою сигарету.

Нхо поднес сложенные вместе ладони к губам.

— Значит, кто-то сфабриковал эту кассету, чтобы дело выглядело так, будто машины посла в паркинге вообще не стояло. Но зачем?

Харри не ответил. Он смотрел на указанное время: 05.25. Тридцать пять минут до того, как в Осло наступил Новый год. Где он был в это время, что делал? Может, сидел в «Шрёдере»? Нет, там уже закрылись. Наверное, спал. Во всяком случае, фейерверка он не запомнил.

В охранном агентстве смогли подтвердить, что ночью десятого января дежурил Джим Лав, и безропотно дали его адрес и номер телефона. Нхо позвонил, но дома у Джима Лава никто не ответил.

— Пошли туда на проверку патрульную маши-

ну, — сказала Лиз.

Она была в приподнятом настроении. Еще бы, наконец началась реальная работа.

Вошедший в кабинет Сунтхорн протянул ей папку.

— Джима Лава нет в нашей картотеке, — сказал он. — Но Майсан, агент из наркоотдела, узнал его по описанию. И если это тот самый тип, то его много раз видели в «Мисс Дайенс».

— Что это значит? — спросил Харри.

— А это значит, что в том деле с опиумом рыльце у него на самом деле в пушку, — пояснил Нхо.

— «Мисс Дайенс» — опиумный притон в Чайнатауне, — вставила Лиз.

— Опиумный притон? А разве это… не запрещено?

— А то как же!

— Прости за глупый вопрос, — сказал Харри. — Я вообще-то думал, что полиция борется с подобными вещами.

— Не знаю, как там принято у тебя в стране, Харри, но здесь мы пытаемся смотреть на вещи более прагматически. Конечно, мы можем закрыть этот самый «Мисс Дайенс», но на следующей же неделе опиумная курильня появится в другом месте. Или бедняги пойдут на улицу. Лучше уж

«Мисс Дайенс», так как мы контролируем ситуацию, там работают наши агенты, а те, кто решил морить себя опиумом, могут делать это в более или менее сносных условиях.

Кто-то кашлянул.

— Плюс еще «Мисс Дайенс» неплохо расплачивается, — буркнули из-за газеты «Бангкок пост».

Лиз сделала вид, что ничего не слышит.

— Раз этот парень не явился сегодня на работу и дома его тоже нет, я думаю, что он как раз лежит на бамбуковой циновке в «Мисс Дайенс». Я предлагаю, Нхо, чтобы вы с Харри прогулялись туда. Поговори с Майсаном, он сможет вам помочь. Тебе, Харри, как туристу, будет интересно.

Майсан и Харри углубились в узкую улочку, где раскаленный ветер гнал мусор вдоль ветхих домишек. Нхо остался в машине, потому что, как сказал Майсан, от него за версту несло полицией. Кроме того, может показаться подозрительным, если они ввалятся в «Мисс Дайенс» все втроем.

— Курение опиума — это дело очень личное, — пояснил Майсан с отчетливым американским акцентом.

Харри подумал, не перебор ли это для сотрудника наркоотдела — еще и акцент плюс к футболке «Doors». Майсан остановился у открытых кова-

ных ворот, служивших входом, загасил окурок, вмяв его в асфальт правым каблуком, и двинулся внутрь.

Войдя с солнцепека в темное помещение, Харри сперва ничего не увидел, однако тут же расслышал тихое бормотание и последовал за двумя спинами, которые исчезли в какой-то комнате.

— Черт! — Харри ударился о дверной косяк и, услышав знакомый смех, обернулся. В темноте у стены он вроде бы заметил громадную тушу, но решил, что обознался. И поспешил вперед, следом за двумя темными спинами, чтобы не отстать. Те двое уже спустились вниз по лестнице, и Харри рванул вслед за ними. Из рук в руки перекочевало несколько денежных купюр, и дверь распахнулась ровно настолько, чтобы они могли протиснуться внутрь.

В помещении пахло землей, мочой, дымом и сладковатым опиумом.

Харри представлял себе опиумную курильню по фильму Серджо Леоне, где Роберта де Ниро встречают женщины в шелковых саронгах и где он возлежит на мягких перинах с огромными подушками, а приглушенный золотистый свет придает происходящему почти сакральный оттенок. Именно таким он и запомнил злачное

местечко. Здесь же, за исключением приглушенного света, мало что напоминало о Голливуде. От пыли, висящей в воздухе, было трудно дышать, вдоль стен стояло несколько двухъярусных кроватей, но в основном люди лежали на ковриках и бамбуковых циновках, прямо на утоптанном земляном полу.

Кругом царила темнота, слышалось только негромкое покашливание и харканье, и Харри сперва даже подумал, что тут уместится разве что горстка клиентов, но вскоре глаза привыкли к полумраку, и он наконец разглядел большое помещение, где находились сотни людей, почти все — мужчины. Если не считать кашля, здесь стояла странная тишина. Большинство, казалось, спали, кое-кто иногда едва шевелился. Харри заметил старика, который ухватился за мундштук обеими руками, так жадно всасывая в себя содержимое, что морщинистая кожа то и дело натягивалась у него на скулах.

Это безумие было хорошо организовано, люди лежали рядами, чтобы оставалось место для прохода между ними, почти как на кладбище. Харри следовал за Майсаном вдоль этих рядов, разглядывая лица и стараясь дышать пореже.

— Не видишь своего? — прошептал ему агент.

Харри качнул головой:

— Нет, здесь слишком темно.

Майсан ухмыльнулся:

— Тут пробовали повесить несколько люминесцентных ламп, чтобы справиться с воровством. Но многие-то здесь и сами ворюги.

Майсан исчез в глубине помещения. Через некоторое время он снова появился из полумрака и указал рукой на выход.

— Я узнал, что твой негр ходит еще и в «Юпа-хаус», дальше по этой же улице. Обычно туда берут свой собственный опиум для курения. Владелец заведения их не трогает.

Как раз в тот момент, когда глаза Харри наконец привыкли к темноте, их ослепила огромная зубоврачебная лампа, свисавшая будто с неба. Он поспешно надел солнцезащитные очки.

— Знаешь, есть одно место, где можно купить дешевые…

— Нет, спасибо, мне нравятся эти.

Они пошли за Нхо. В «Юпа-хаусе» у них обязательно потребуют полицейские удостоверения и только после этого покажут книгу записей посетителей, а Майсану не хотелось засветиться.

— Спасибо тебе, — сказал Харри.

— Будьте осторожны, — напутствовал их Май-

сан и исчез в темноте.

Глава 31

Администратор «Юпа-хауса» был похож на отражение в кривом зеркале, которое делает людей тоньше. На узких плечах восседала вытянутая голова, шея была словно у хищной птицы. Жидкие волосенки свисали вниз, глаза косили, картину довершали реденькие усы. Он был одет в черный костюм и источал показную любезность, так что невольно напомнил Харри похоронного агента.

Тот заверил Харри и Нхо, что никакой Лав здесь не останавливался. Выслушав описание его внешности, он заулыбался еще шире и покачал головой. Над стойкой администратора висела табличка с незатейливыми правилами отеля: никакого оружия, никаких дурно пахнущих объектов, никакого курения в постели.

— Подождите минутку, — сказал Харри и отвел Нхо к выходу. — Ну как?

— Сложно будет, — ответил Нхо. — Он вьетнамец.

— Ну и что?

— Разве ты не слышал, что говорил Нгуен Као Ки о своих соотечественниках во время войны

во Вьетнаме? А говорил он вот что: все вьетнамцы лгут от рождения, у них это просто в генах заложено, и они из поколения в поколение утверждают, что правда не приносит ничего, кроме несчастий.

— Ты считаешь, он лжет?

— Не знаю. Он прикидывается.

Харри вернулся к стойке и попросил универсальный ключ. Администратор неуверенно улыбнулся.

Харри чуть повысил голос, четко выговаривая «master key», и улыбнулся одними губами.

— Мы хотим проверить отель, номер за номером. Понимаете? Если мы найдем что-то против установленных правил, нам придется закрыть ваше заведение для дальнейшего расследования, но такие проблемы вряд ли возникнут.

Администратор снова покачал головой и внезапно перестал понимать английский язык.

— Я говорю, что вряд ли у вас возникнут проблемы, ведь здесь над стойкой висят правила поведения в отеле, где запрещается курить в постели.

С этими словами Харри сдернул табличку и бросил ее на стойку.

Вьетнамец долго разглядывал правила. На пти-

чьей шее слабо перекатывался кадык.

— В триста четвертом номере живет некто Джонс, — произнес наконец он. — Может, это тот, кого вы ищете?

Харри с торжествующей улыбкой повернулся к Нхо, но тот только пожал плечами.

— Господин Джонс сейчас у себя?

— Он не выходил из номера с того момента, как поселился в нашем отеле.

Администратор пошел с ними. Они постучались, но никто не ответил. Нхо сделал администратору знак, чтобы тот открыл дверь, а сам вытащил из кобуры на бедре черную 35-миллиметровую «беретту» и снял ее с предохранителя. Голова администратора стала подергиваться, словно у курицы. Он повернул ключ в замке и осторожно отступил на два шага назад. Харри тихонько приоткрыл дверь. Шторы на окнах были задернуты, внутри царила темнота. Он протянул руку и включил свет. На кровати лежал Джим Лав, неподвижный, с закрытыми глазами, в наушниках. На потолке жужжал вентилятор, заставляя шторы слегка колыхаться. На низеньком столике у кровати стоял кальян.

— Джим Лав! — крикнул Харри, но Джим Лав не реагировал.

Либо он спит, либо не слышит из-за громкой музыки в наушниках, подумал Харри и оглядел комнату, чтобы убедиться, что Джим один. И тут он увидел муху, вылетевшую из правой ноздри Джима, и понял, что постоялец не дышит. Харри подошел к постели и положил руку ему на лоб. И ощутил мраморный холод.

Харри сидел на неудобном стуле в номере, ждал. И мурлыкал себе под нос сам не зная что.

Прибыл врач. Он констатировал, что Лав мертв уже более двенадцати часов, о чем Харри мог бы сообщить ему и сам. И когда он спросил у врача, как долго ждать результатов вскрытия, тот пожал плечами, и Харри догадался, что ответ будет тот же самый: более двенадцати часов.

Вечером все, кроме Рангсана, собрались в кабинете Лиз. Прекрасное настроение начальницы уже испарилось.

— Ну, выкладывайте, — грозно начала она.

— Группа, работавшая на месте преступления, нашла массу улик, — сказал Нхо. — Задержали троих и обнаружили кучу отпечатков, волос и волокон. Они считают, что в «Юпа-хаусе», наверное, с полгода не убирались.

Сунтхорн и Харри засмеялись, но Лиз только мрачно взглянула на них.

— Значит, никаких следов, которые можно было бы связать с убийством?

— Мы еще не знаем, было ли это убийством, — возразил Харри.

— Ну конечно! — взвизгнула Лиз. — Подозреваемый в соучастии в убийстве случайно умирает от передоза за несколько часов до того, как мы обнаруживаем его, — ага!

— Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, — сказал Харри.

— Что-что?

— Я сказал, что ты права.

Нхо заметил, что среди курильщиков опиума смертельный передоз — редкость. Как правило, они просто теряют сознание. Тут открылась дверь, и вошел Рангсан.

— Есть новости, — бросил он и сел, развернув газету. — Они установили причину смерти.

— Я думал, результаты вскрытия станут известны не ранее завтрашнего дня, — сказал Нхо.

— И без них ясно. Парень из технического отдела нашел на опиуме тонкий слой синильной кислоты. Мужик умер, должно быть, от глубокой затяжки.

Вокруг стола воцарилось молчание.

— Поговорите с Майсаном! — оживилась

Лиз. — Мы должны определить, где Лав взял этот опиум.

— Не хотелось бы радоваться прежде времени, — предупредил Рангсан. — Майсан говорил с постоянным наркодилером Лава, и тот давно его не видел.

— Отлично, — заявил Харри. — Теперь, во всяком случае, очевидно, что кто-то очень хотел подставить Брекке и сделать его убийцей.

— Нам это ничего не дает, — возразила Лиз.

— Я бы не был столь категоричен, — ответил Харри. — Возможно, Брекке вовсе не случайно был выбран козлом отпущения. Что, если убийца имел мотив и сознательно хотел свалить вину на него и таким образом поквитаться с ним?

— Как это?

— Если мы отпустим Брекке, то можем дать толчок дальнейшему развитию событий. И тогда сумеем выманить убийцу из тени.

— Прости, — сказала Лиз, — но мы не можем отпустить Брекке.

— Что? — Харри не верил своим ушам.

— Это приказ начальника полиции.

— Но…

— Это приказ.

— Кроме того, у нас есть новая косвенная улика,

подтверждающая норвежский след, — сообщил Рангсан. — Ребята из технического отправили в Норвегию результаты экспертизы жира, обнаруженного на орудии убийства. Норвежские коллеги подтвердили, что это олений жир, которого нет в Таиланде. Тогда наши эксперты предложили арестовать Санта-Клауса.

Сунтхорн и Нхо захихикали.

— А потом из Осло пришло сообщение о том, что олений жир обычно используется саамами в Норвегии как смазка для ножей.

— Значит, таиландский нож и норвежский жир, — подытожила Лиз. — Становится все интереснее.

И она спешно начала собираться.

— Желаю всем спокойной ночи и надеюсь увидеть вас завтра отдохнувшими.

Харри догнал ее у лифта и попросил объяснений.

— Послушай, Харри, это Таиланд, и здесь другие правила. Наш шеф полиции заявил вашей в Осло, что нашел убийцу. Он считает, что это Брекке, и когда я проинформировала его о последних данных расследования, он очень рассердился и заявил, что Брекке останется в камере предварительного заключения до тех пор, пока не

предъявит железное алиби.

— Но…

— Надо сохранить лицо, Харри, сохранить лицо. Не забывай о том, что таец никогда не может ошибиться.

— А если все знают, кто совершил ошибку?

— Тогда все постараются сделать так, чтобы это не выглядело ошибкой.

Лиз вошла в лифт, и двери закрылись, прежде чем Харри успел возразить. А он наконец вспомнил, что за песню мурлычет себе под нос. «All Along the Watchtower». Как там начинается? «There must be some way out of here, said the joker to the thief»[29]. Это уж точно.

На пороге квартиры лежало письмо, на конверте стояло имя Руны.

Харри расстегнул рубашку. Пот словно маслом покрывал его грудь и живот. Он попытался вспомнить самого себя в семнадцать лет. Был ли он влюблен? Наверняка.

Он сунул письмо в ящик ночного столика, не распечатывая, поскольку намеревался вернуть его отправителю. И улегся в постель под убаюкивающий гул кондиционера и полумиллиона

---

[29] Примечания: 29

Должен же быть хоть какой-то выход, шут сказал вору *(англ.)*.

машин за окном.

Он подумал о Биргитте. Шведке, которую встретил в Австралии: она сказала, что любит его. Что говорил ему Эуне? Что Харри «боится привязываться к другим людям». Последнее, о чем он подумал, — что всякие роды заканчиваются похмельем. И наоборот.

Глава 32

Йенс Брекке выглядел так, будто не спал все это время, с той последней встречи с Харри. Глаза покраснели, руки бесцельно двигались по столу.

— Значит, вы не помните охранника паркинга с афропрической? — задал вопрос Харри.

— Я уже сказал, что не пользуюсь парковкой, — покачал головой Брекке.

— Ну что же, забудем на время об охраннике по имени Джим Лав, — сказал Харри. — Подумаем о том, кто же так стремится засадить вас за решетку.

— Что вы имеете в виду?

— Кто-то очень постарался разрушить ваше алиби.

Йенс в изумлении поднял брови.

— Десятого января кто-то поставил видеокассету от третьего января и сделал новую запись как раз на то время, когда мы должны были бы увидеть машину посла и то, как вы провожаете его на парковку.

Йенс нахмурился.

— Подумайте об этом.

— Следовательно, у меня есть враги?

— Вероятно. Или из вас просто делают козла отпущения.

Йенс почесал затылок:

— Враги? Даже не представляю себе, кто это…

Вдруг он просиял:

— Значит, меня отпустят?

— Прошу прощения, но вы все еще под подозрением.

— Но ведь вы только что сказали, что у вас…

— Начальник полиции не хочет отпускать вас, пока не подтвердится алиби. Поэтому прошу вас хорошенько подумать об этом. Кто мог вас видеть после того, как вы простились с послом и отправились домой? Может, кто-то на парковке, или когда вы уходили с работы, или садились в такси, или в каком-нибудь киоске, или где-то еще?

Йенс поднес пальцы ко лбу. Харри зажег сигарету.

— Черт побери, Харри! Вы совсем замучили меня с этими видеокамерами. Я никак не могу сосредоточиться. — Йенс застонал, уронив ладони на стол. — Знаете… знаешь, что произошло сегодня ночью? Мне приснилось, что я убил посла. Что мы вместе с ним поехали на машине в мотель, где я и всадил ему в спину тесак. Я пытался

остановиться, но мое тело мне не повиновалось; я, словно робот, все колол и колол его ножом…

Он умолк.

Харри хранил молчание, выжидая, когда тот продолжит свой рассказ.

— Дело в том, что я не могу находиться взаперти, — проговорил Йенс. — И никогда не мог. Мой отец обычно…

Он тяжело сглотнул и сжал правую руку в кулак. Харри увидел, как побелели костяшки пальцев. Йенс продолжал почти шепотом:

— Если ко мне придут с письменным признанием и велят подписать его в обмен на свободу, я плюну на все и подпишу что угодно.

Харри поднялся со стула.

— Все же попытайся вспомнить, кто тебя видел. Теперь, когда мы разобрались с видеозаписями, ты можешь подумать как следует.

И он повернулся к двери.

— Харри!

Харри никогда не мог понять, что делает людей разговорчивей, едва поворачиваешься к ним спиной.

— Я слушаю.

— Почему ты решил, что я невиновен, когда все остальные думают обратное?

Харри ответил, не поворачиваясь:

— Прежде всего потому, что у нас нет доказательств вины, всего лишь шаткое алиби и туманный мотив.

— А еще?

Харри усмехнулся и повернул к нему голову:

— Потому что я сразу понял, что ты мешок с дерьмом, едва тебя увидел.

— Что?

— Я очень плохо разбираюсь в людях. Всего хорошего.

Бьярне Мёллер открыл один глаз и посмотрел на будильник, стоявший на ночном столике, мучительно думая, кто же это звонит людям в шесть часов утра.

— Знаю-знаю, который час, — произнес в трубке голос Харри, прежде чем Мёллер успел что-то сказать. — Слушай-ка, проверь мне одного парня. Так, ничего конкретного, просто нутром чувствую.

— Нутром? — Голос Мёллера напоминал звук, издаваемый куском картона, попавшим в спицы велосипедного колеса.

— Да-да, есть такое чувство. Я думаю, мы вышли на норвежца, так что круг поисков сужается.

Мёллер откашлялся, прочищая горло.

— Почему именно норвежец?

— Сейчас объясню. На пиджаке Мольнеса были обнаружены следы оленьего жира, вероятно с ножа. Удар был нанесен под таким углом, что становится ясно: убийца довольно высокого роста. А тебе известно, что тайцы в своей массе люди низкорослые.

— Хорошо, но неужели ты не мог подождать пару часов, Холе?

— Разумеется, мог, — ответил Харри.

Возникла пауза.

— Так почему же ты звонишь в такую рань?

— Потому что пять следователей и один начальник полиции сидят здесь и дожидаются, когда ты наконец прочухаешься, шеф.

Мёллер перезвонил через два часа.

— По какой причине ты решил, что мы должны проверить именно этого парня, Холе?

— Я подумал, что человек, смазавший нож оленьим жиром, наверняка бывал в Северной Норвегии. Потом я вспомнил пару своих приятелей, которые проходили военную службу в Финмарке и привезли себе оттуда саамские ножи. Ивар Лёкен долго был военным и служил в Вардё. К тому же я полагаю, что он хорошо знает, как обращаться с таким ножом.

— Может, ты и прав, — произнес в ответ Мёллер. — Что тебе еще известно о нем?

— Совсем немного. Тонье Виг считает, что он просто досиживает здесь до пенсии.

— В базе данных на него ничего нет, — сказал Мёллер и вдруг умолк.

— Что?

— И все же одна зацепка имеется.

— Какая именно?

— В поисковике всплыло его имя, но файл я открыть не смог. А часом позже мне позвонили из Генштаба в Хюсебю и поинтересовались, с какой целью я пытаюсь открыть этот файл.

— Ого!

— Мне велели направить письменный запрос, если я хочу получить сведения об Иваре Лёкене.

— Забудь об этом.

— Уже забыл, Харри. В любом случае мы этого делать не будем.

— Ты разговаривал с Хаммерволлом из отдела половых преступлений?

— Да.

— Что он сказал?

— Что никакой базы по норвежцам-педофилам в Таиланде, разумеется, нет.

— Так я и думал. Чертова Информационная

инспекция!

— Она здесь ни при чем.

— Вот как?

— Несколько лет назад мы подготовили обзор состояния дел, но единственное, что мы можем, — это следить за ситуацией. Потому что таких норвежцев слишком много.

Когда Харри позвонил Тонье Виг и попросил о срочной встрече, она настояла на том, чтобы они встретились за чаем в Писательской гостиной, что в отеле «Ориентал».

— Все туда ходят, — сказала она.

Харри понял, что под «всеми» подразумеваются белые люди, состоятельные и хорошо одетые.

— Добро пожаловать в лучший отель мира, Харри, — прощебетала Тонье, сидя в кресле в вестибюле.

На ней было синее хлопчатобумажное платье, в руках она держала соломенную шляпку, и весь ее облик, так же как и облик других людей в вестибюле отеля, напоминал о старых добрых колониальных временах.

Они удалились в Писательскую гостиную, заказали чай и церемонно раскланялись с другими белыми, которые, судя по всему, считали, что цвет кожи — это повод для обмена приветствиями.

Харри нервно позвякивал фарфоровой чашкой о блюдце.

— Здесь не очень уютно, Харри? — Тонье маленькими глоточками пила чай, лукаво поглядывая на инспектора.

— Пытаюсь сообразить, зачем я улыбаюсь американцам в одежде для гольфа.

Она заливисто рассмеялась:

— Немного цивилизованного окружения не помешает.

— Когда это штаны в клетку стали цивилизованным нарядом?

— Когда их надели цивилизованные люди.

Харри отметил про себя, что город Фредрикстад мало повлиял на эту юную даму. И вспомнил Санпхета, старого тайца, который переоделся в выглаженную рубашку и брюки, когда к нему пришли гости, и остался сидеть на солнцепеке, чтобы не смущать посетителей видом своего убогого жилища. Куда цивилизованнее, чем поведение иностранцев в Бангкоке.

Харри спросил, что известно Тонье о педофилах.

— Ничего особенного, кроме того, что они толпами съезжаются в Таиланд. Как ты уже знаешь, в прошлом году в Паттайе одного нор-

вежца застукали прямо на месте преступления, со спущенными штанами. А норвежские газеты напечатали очаровательное групповое фото трех мальчиков, которые донесли на него в полицию. Лицо педофила на снимке было затерто, но не лица мальчиков. В англоязычном издании «Паттайя мейл» сделали наоборот. Кроме того, в начале статьи упомянули его полное имя, а затем называли его просто «норвежец». — Тонье покачала головой. — Местные жители, которые прежде и не слыхивали о Норвегии, вдруг узнали, что столица этой страны — Осло, так как норвежские власти потребовали отправить педофила в Осло на самолете. Все тут ломали голову, отчего это мы так хотим вернуть его домой. В Таиланде его в любом случае упрятали бы за решетку.

— Но если здесь педофилов ждет суровое наказание, почему же их так много в этой стране?

— Власти действительно стремятся к тому, чтобы Таиланд покончил с репутацией эльдорадо для педофилов, ведь она отпугивает других туристов, приезжающих не за секс-услугами. Но в самой полиции этим расследованиям большого значения не придают, потому что возникает масса проблем с арестом иностранцев. Педофилы приезжают в основном из богатых стран Европы,

из Японии и США, и чуть что, тут же запускается вся машина: начинаются требования о выдаче, персонал соответствующего посольства, вовлеченный в процесс, обвиняют в коррупции и тому подобное.

— Значит, получается, что власти работают несогласованно?

Тонье вдруг просияла улыбкой, которая, как понял Харри, была адресована вовсе не ему, а одному из «всех», прошествовавшему у него за спиной.

— И да, и нет, — ответила наконец она. — Кто-то, наоборот, сотрудничает. Например, власти Швеции и Дании договорились с Таиландом о том, что полицейские этих стран будут работать в Бангкоке и заниматься расследованием дел, если в них замешаны шведские или датские педофилы. Кроме того, были внесены поправки в законодательство, которые позволяют теперь привлекать к ответственности датских и шведских граждан на родине, если они занимались педофилией в Таиланде.

— А что же Норвегия?

Тонье лишь пожала плечами:

— У нас нет договора с Таиландом. Я знаю, норвежская полиция выступает за подписание

такого документа, но думаю, что норвежские власти просто не представляют себе масштабов того, что творится в Паттайе и Бангкоке. Ты видел детей, которые продают жвачку?

Харри кивнул. Этих детишек пруд пруди возле стрип-баров в Патпонге.

— Это так называемый тайный знак. Жевательная резинка означает предложение секс-услуги.

Харри с ужасом припомнил, как купил блок жвачки «Риглиз» у одного босоногого черноглазого парнишки и каким тот выглядел перепуганным, но Харри решил тогда, что это оттого, что кругом людская толчея и гомон.

— Не могла бы ты рассказать мне об Иваре Лёкене и его увлечении фотографией? Ты видела его снимки?

— Нет, но я видела его аппарат, выглядит весьма внушительно.

Щеки ее вспыхнули, когда она поняла, почему Харри подавил улыбку.

— А что с его поездками по Индокитаю? Ты уверена, что он был именно там?

— Но зачем ему лгать об этом?

— У тебя есть идеи на этот счет?

Она обхватила себя руками, будто ей вдруг стало холодно.

— Да нет. Как чай?

— Я хочу попросить тебя об одной услуге, Тонье.

— Какой?

— О приглашении на ужин.

Она удивленно вскинула на него глаза.

— Если у тебя найдется время, — добавил он.

Тонье Виг не сразу сумела сделать подобающее выражение, но в конце концов опять лукаво усмехнулась:

— Для тебя, Харри, время всегда найдется. Когда пожелаешь.

— Великолепно. — Харри втянул воздух сквозь зубы. — Тогда пригласи Ивара Лёкена на ужин сегодня, между семью и десятью вечера.

Тонье Виг все же умела носить маску, ее лицо не дрогнуло. Услышав объяснение, она тем не менее согласилась. Харри еще немного позвенел чашкой о блюдце, а потом сказал, что ему пора, и поспешно ретировался.

Глава 33

Вломиться в дом может каждый: надо всего лишь вставить ломик в дверь, рядом с замком, и навалиться всем телом, пока дверная рама не затрещит. Но вломиться, практически не ломая, да еще так, чтобы хозяин потом не догадался, что у него побывали непрошеные гости, — это настоящее искусство. Искусство, которым Сунтхорн, как оказалось, владел в совершенстве.

Ивар Лёкен жил в многоквартирном доме по другую сторону моста Пхра-Пинклао. Сунтхорн вместе с Харри следил за домом почти целый час, сидя в машине, прежде чем хозяин покинул его. Потом они выждали еще минут десять, чтобы убедиться, что Лёкен не вернется, забыв что-нибудь дома.

Охранялся дом так себе. У въезда в гараж стояли и разговаривали два мужика в форме. Они бросили взгляд в сторону белого человека и хорошо одетого тайца, которые двинулись прямо к лифту, и продолжили разговор.

Когда Харри с Сунтхорном оказались перед квартирой Лёкена на тринадцатом этаже, или

«12B», как гласила кнопка лифта, Сунтхорн достал две отмычки в виде шпилек и воткнул в замок. А потом почти сразу же вытащил их.

— Главное — не торопиться, — шепнул ему Харри. — Не волнуйся, у нас есть время. Попробуй другие отмычки.

— Других у меня нет.

И Сунтхорн с улыбкой распахнул дверь в квартиру.

Харри не верил своим глазам. Может, Нхо вовсе и не шутил, когда рассказывал Харри, чем зарабатывал себе на жизнь Сунтхорн, прежде чем поступить на службу в полицию. Но даже если раньше Сунтхорн не нарушал закона, он сделал это сейчас, подумал Харри и, сняв ботинки, вошел в полутемную квартиру. Лиз объяснила им: для того чтобы получить ордер на обыск, требуется разрешение прокурора, а это означает, что необходимо проинформировать начальника полиции. А это весьма проблематично, коль скоро тот уже назначил главным подозреваемым Йенса Брекке. Тут Харри заметил, что лично он местному начальнику полиции не подотчетен и все-таки погуляет вокруг квартиры Лёкена и поглядит, как там оно. Лиз поняла намек и заявила, что знать ничего не хочет о планах Харри. Но

общество Сунтхорна ему не повредит.

— Спускайся вниз и жди в машине, — прошептал Харри Сунтхорну. — Если появится Лёкен, набери его номер с мобильника в машине и после трех гудков положи трубку, ясно?

Сунтхорн кивнул и удалился.

Убедившись, что окна квартиры не выходят на улицу, Харри зажег свет, нашел телефон и проверил, есть ли сигнал. Затем огляделся вокруг. Это была типичная холостяцкая квартира, лишенная всяких ненужных безделушек и уюта. Три голые стены, четвертая скрыта за стеллажом, который занимали стоящие и лежащие стопками книги и скромненький портативный телевизор. В центре комнаты, естественно, находился массивный деревянный стол на козлах вместо ножек, с лампой, какую можно увидеть на чертежных столах архитекторов.

В углу лежали две раскрытые сумки для фотоаппаратуры, к стене был прислонен штатив. Стол был усыпан бумажными обрезками, посередине виднелись ножницы, одни большие и одни маленькие.

Две камеры, «лейка» и «никон-Ф5» с телеобъективами, слепо уставились на Харри. Рядом с ними он заметил ночной бинокль. Харри видел

такой прежде, израильская модель, они пару раз пользовались им для наблюдения. Батарейки усиливали все внешние источники света, так что можно было что-то разглядеть даже в непроглядной для невооруженного глаза тьме.

Следующая дверь вела в спальню. Постель была не заправлена, и он предположил, что Лёкен относится к тем немногим иностранцам в Бангкоке, у которых нет прислуги. Кстати, нанять прислугу стоило совсем недорого. Как Харри успел заметить, местные только рады, когда иностранцы таким образом обеспечивают занятость в стране.

За спальней находилась ванная.

Включив свет, он мгновенно понял, почему Лёкен обходится без прислуги.

Ванная использовалась как фотолаборатория, в ней пахло химикалиями, стены были увешаны черно-белыми снимками. На веревке над ванной сушились фотографии. На них был изображен человек в профиль, от груди до ног, и Харри понял, что не оконная рама мешает увидеть фигуру целиком, а то, что верхняя часть окна украшена затейливой мозаикой с мотивами лотоса и Будды.

Мальчишка, не старше десяти лет, делал минет, и это снималось таким крупным планом,

что видны были глаза. Ничего не выражающий взгляд, отсутствующий, отрешенный. На нем была футболка с логотипом «Nike».

— Just do it[30], — пробормотал Харри себе под нос. Он попытался представить, о чем думал этот мальчик.

Кроме футболки, на парнишке ничего не было. Харри подошел ближе к похабному снимку. Мужик положил одну руку на бедро, а другой обхватил голову мальчика. Харри пытался рассмотреть профиль мужчины сквозь витраж, но это было невозможно. Вдруг показалось, что тесная, вонючая ванная сжимается, развешанные по стенам снимки обступают, напирая со всех сторон. Поддавшись импульсу, Харри сорвал фотографии, то ли в бешенстве, то ли в отчаянии; в висках застучала кровь. В зеркале он увидел свое лицо, когда, пошатываясь, выходил из ванной с пачкой фотографий под мышкой. В комнате он плюхнулся на стул.

— Чертов дилетант! — выкрикнул он, отдышавшись.

Он ведет себя вразрез с первоначальным планом. У них ведь нет ордера на обыск, а потому

---

[30] Примечания: 30
Просто делай, и все *(англ.)*.

было решено не оставлять следов, только оглядеться в квартире, а уж если что-то найдется, то вернуться потом с ордером.

Харри попытался найти точку на стене, сфокусировать на ней взгляд и убедить самого себя: он поступил правильно, ведь надо добыть конкретные доказательства и положить на стол этому упертому начальнику полиции. Если поторопиться, то можно сегодня же вечером предъявить факты прокурору и встретить Лёкена уже с документами на руках, когда тот вернется с ужина. Рассуждая так, Харри взял ночной бинокль, включил его и посмотрел в окно. Окно квартиры выходило на задний двор, и Харри невольно поискал там витражное стекло, но единственное, что он увидел, были белые стены, мерцающие в зеленоватой подсветке окуляров.

Харри взглянул на часы. Сообразил, что надо все-таки повесить снимки назад в ванную. Начальник полиции удовольствуется его словами. И в этот миг он замер.

Послышался какой-то звук. То есть он слышал множество звуков, но один лишь этот единственный выделялся из привычной какофонии уличного шума. Кроме того, он шел из прихожей. Это был звонкий щелчок. Масло и металл.

Харри почувствовал сквознячок от открываемой входной двери и сперва подумал на Сунтхорна, поскольку вошедший постарался открыть дверь как можно тише. С того места, где находился Харри, входной двери видно не было, и он затаил дыхание, тогда как в его мозгу проносилось множество звуков. Один специалист по акустике рассказывал ему в Австралии, что мембрана человеческого уха может различить отдельный тон в миллионе разнообразных частот. И теперь он уже слышал не щелчок замка открываемой двери, а звук заряжаемого хорошо смазанного пистолета.

Харри стоял в глубине комнаты — живая мишень на фоне белых стен, а выключатель находился на противоположной стороне, у прихожей. Тогда он схватил со стола большие ножницы, наклонился и нащупал провод, идущий от лампы к розетке. Затем выдернул шнур и со всей силы ткнул ножницами в твердый пластик.

Из розетки вырвалось голубое пламя, сопровождаемое глухим хлопком. И наступила кромешная тьма.

Удар тока парализовал его руку, запахло горелым пластиком и металлом, и он, застонав, сполз по стене на пол.

Прислушавшись, он обнаружил, что различает только два звука: гул транспорта за окном и биение собственного сердца. Оно бухало так, будто он сидел на бешено летящем куда-то коне. Потом он услышал, как в прихожей кто-то осторожно сел на пол и снял ботинки. Ножницы все еще были зажаты в руке. Не зашевелилась ли тень? Понять невозможно, квартира погрузилась в темноту, не видно даже белых стен. Скрипнула дверь в спальню. Харри услышал, как неизвестный пытается включить в комнате свет, но замыкание вырубило электричество во всей квартире. Стало быть, незнакомец хорошо тут ориентируется. Однако Сунтхорн непременно позвонил бы, если бы это был Лёкен. А что, если… И перед его мысленным взором промелькнула картина: Сунтхорн сидит в машине, прислонясь головой к окну, и прямо за ухом у него крошечная дырочка.

Харри подумывал, не рвануть ли ему к входной двери, но что-то подсказывало, что неизвестный только того и ждет. В тот момент, когда он откроет дверь, его силуэт послужит хорошей мишенью, прямо как в тире в Осло, в районе Экерн. Вот черт! Этот мужик наверняка сидит сейчас на полу и не спускает глаз с двери.

Если бы только он мог подать сигнал Сунтхор-

ну! И в этот самый миг Харри вдруг вспомнил, что у него на шее болтается ночной бинокль. Он поднес его к глазам, но не увидел ничего, кроме зеленой каши, будто бинокль соплями измазали. Он покрутил установку дальности. Все по-прежнему выглядело расплывчато, однако он смог различить контуры человека, стоящего у стены по ту сторону стола. Рука его была поднята вверх, пистолет направлен в потолок. Край стола отделяли от стены какие-то два метра.

Харри рванулся вперед, схватил столешницу двумя руками и двинул ее перед собой наподобие тарана. Он услышал стон, потом на пол со стуком упал пистолет. Тогда Харри перескочил через стол, нащупал что-то похожее на голову и зажал локтем шею.

— Полиция! — крикнул он, а схваченный замер на месте, когда Харри приставил холодную сталь ножниц к его лицу.

Некоторое время они так и сидели, вцепившись друг в друга, — два незнакомых человека в темной квартире, тяжело дыша, словно после марафона.

— Холе, это вы? — простонал наконец второй.

Тут до Харри дошло, что он в спешке закричал по-норвежски.

— Было бы лучше, если бы вы отпустили меня. Я Ивар Лёкен и ничего такого делать не собираюсь.

Глава 34

Лёкен зажег стеариновые свечи, а Харри тем временем разглядывал его оружие, «Глок-31». Он вытащил магазин и сунул его в карман. Никогда раньше он не держал в руках такого тяжеленного пистолета.

— Он у меня со времен службы в Корее, — сказал Лёкен.

— Вот как, Корея. А что вы там делали?

Лёкен убрал спички в ящик и сел за стол напротив Харри.

— Норвегия развернула там полевой госпиталь под эгидой ООН, а я тогда был совсем молодым младшим лейтенантом и любил риск. После заключения мира в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году я остался на службе в ООН, в только что созданном комиссариате по делам беженцев. Они толпами валили через границу из Северной Кореи, обстановка была критическая. Мне приходилось спать с этой штуковиной под подушкой, — и он указал на пистолет.

— Ладно. А чем вы занимались потом?

— Был в Бангладеше и Вьетнаме. Голод, война,

беженцы. После всего увиденного жизнь в Норвегии любому покажется невыносимо банальной. Я выдержал дома не больше двух лет и снова захотел уехать. Сами знаете.

Но Харри не знал. И не знал, как ему относиться к этому худощавому мужчине, который сидел перед ним. Тот был похож на старого хёвдинга, вожака викингов, — с орлиным носом, глубоко посаженными, выразительными глазами. Седые волосы, загорелое, в морщинах лицо. Вылитый Эрик Бю[31], подумал Харри. К тому же держался он в этой ситуации совершенно спокойно, что настораживало Харри еще больше.

— Почему вы вернулись? И как вам удалось пройти незамеченным мимо моего коллеги?

Седой норвежец хищно ухмыльнулся, и в неровном свете свечи блеснул золотой зуб.

— Машина, на которой вы приехали, резко выделяется на фоне остальных, более привычных в этом районе: здесь ведь попадаются лишь туктуки, такси да старые развалюхи. Я разглядел в машине двух человек, бросилась в глаза их выправка. Тогда я зашел за угол и сел в кафе, откуда мне было видно вас обоих. Потом в салоне

---

[31] Примечания: 31
Известный норвежский журналист, поэт и актер. *(Прим. перев.)*

зажегся свет, и вы оба вышли. Я вычислил, что один из вас явно останется караулить в машине, пока другой не вернется. Тогда я вышел из кафе, взял такси и въехал прямо в гараж, а оттуда поднялся на лифте в свою квартиру. Ловко вам удался фокус с коротким замыканием…

— Только вот обычные люди не обращают внимания на припаркованные на улице машины. Если, конечно, они этому не обучены или не ждут засады.

— Хорошо. Тонье Виг вряд ли удастся получить «Оскар».

— Так чем же вы здесь *действительно* занимаетесь?

Лёкен показал на фотографии и фотоаппаратуру, разбросанную по полу.

— Вы зарабатываете себе на жизнь… вот этим? — спросил Харри.

— Именно.

Харри почувствовал, как учащенно забилось сердце.

— А вам известно, сколько лет вам придется отсидеть в этой стране за подобные вещи? Думаю, я смогу устроить вам тюрьму лет на десять.

Лёкен ответил коротким, сухим смешком.

— Вы что, считаете меня дураком, инспектор?

Вам не надо было бы вламываться в мой дом, будь у вас на руках ордер на обыск. А если бы меня можно было арестовать за то, что найдено у меня в квартире, то вы с вашим коллегой все равно не сумели бы этого сделать. Ни один судья не признал бы доказательств, полученных таким способом: это не просто не по правилам, это откровенное беззаконие. И возможно, вам самому придется здесь задержаться, Холе.

Харри двинул ему пистолетом. Как будто кран открылся: из носа Лёкена хлынула кровь.

Но Лёкен не шелохнулся, только смотрел, как кровь окрашивает цветную рубашку и белые брюки.

— Натуральный тайский шелк, — произнес наконец он. — И стоит недешево.

От удара он несколько поостыл, зато Харри чувствовал, как в душе закипает злость.

— Ничего, найдешь деньги, чертов педераст. Тебе ведь хорошо платят за это дерьмо, — и Харри поддал ногой валявшиеся на полу фотографии.

— Не знаю, — ответил Лёкен, прижав белый платок к разбитому носу. — Я получаю от норвежского государства зарплату согласно тарифной сетке. Плюс надбавку за работу за рубежом.

— О чем это ты?

В ответ снова сверкнул золотой зуб. Харри вдруг заметил, что сжимает пистолет с такой силой, что ломит руку. Хорошо, еще он вынул из него магазин.

— Вы не знаете кое-каких вещей, Холе. Наверное, вам следовало бы узнать о них раньше, но ваш начальник посчитал, что это необязательно, коль скоро они не имеют отношения к расследованию убийства. Но раз уж я разоблачен, то вас можно проинформировать и об остальном. Начальник полиции и Дагфинн Торхус сообщили мне о фотографиях, найденных вами в кейсе Мольнеса, и вы, конечно, уже поняли, что это были мои снимки. То, что вы видите в моей квартире, — это звено в цепи расследования дела о педофилии, которое по многим причинам пока засекречено. Я полгода следил за этим человеком. Фотографии служат доказательством его преступления.

Харри и без раздумий было ясно: Лёкен говорит правду. Все встало на свои места, словно в глубине души он знал об этом с самого начала. Ореол таинственности вокруг работы Лёкена, фотоаппаратура, ночной бинокль, странные поездки во Вьетнам и Лаос, — все именно так и есть. А окровавленный человек напротив него

больше уже не казался врагом, он был коллегой, союзником, которому он чуть не сломал нос.

Харри медленно нагнулся и положил пистолет на стол.

— Ладно, я верю вам. Но зачем такая секретность?

— Вам известно о договорах Швеции и Дании с Таиландом, по которым возбуждаются дела против педофилов?

Харри кивнул.

— Отлично. Норвегия ведет переговоры с таиландскими властями, но договор пока еще не заключен. Поэтому я работаю здесь неофициально. Мы можем задержать этого педофила уже сейчас, но приходится ждать. Если мы арестуем его немедленно, будет ясно, что мы проводили незаконное расследование на таиландской территории, а это политически неприемлемо.

— На кого же вы работаете?

— На посольство, — и Лёкен развел руками.

— Знаю, но от кого вы получаете приказы? Кто стоит за всем этим? И информируют ли об этом стортинг?

— Вы уверены, что действительно хотите все это знать, Холе? — Он встретился взглядом с Харри.

Тот собрался было что-то сказать в ответ, но передумал и лишь покачал головой.

— Расскажите мне лучше, кто этот мужчина на снимках.

— Не могу. Простите, Холе.

— Это Атле Мольнес?

Лёкен взглянул на стол и усмехнулся.

— Нет, это не посол. Мольнес как раз был инициатором расследования…

— Значит, это…

— Повторяю, что я не могу рассказать вам обо всем сейчас. Если окажется, что наши дела связаны друг с другом, тогда другой разговор, но все равно решать будут наши начальники.

И он поднялся со стула.

— Я устал.

— Ну как? — спросил Сунтхорн, когда Харри сел в машину.

Харри попросил у него сигарету, зажег ее и жадно затянулся.

— Ничего не нашел. Пустая трата времени. Мужик чист.

Харри сидел у себя в квартире. Он почти полчаса проговорил по телефону с Сестрёнышем. Точнее, это она говорила с ним. Невероятно,

сколько же всего может произойти в жизни человека за какую-то неделю. Еще она рассказала, что звонила папе и что в воскресенье они вместе пообедают. Будут есть котлеты. Сестрёныш все приготовит, она надеется, что папа хоть немного разговорится. Харри тоже на это надеялся.

Затем он полистал свой блокнот и набрал другой номер.

— Алло, — ответили на другом конце провода.

Он затаил дыхание.

— Алло, — повторил голос.

Харри положил трубку. Голос Руны звучал почти умоляюще. Он и сам не знал, зачем позвонил ей. Через несколько секунд раздался телефонный звонок. Подняв трубку, он ожидал услышать ее голос. Но это был Йенс Брекке.

— Я вспомнил, — заявил он. Голос его звучал возбужденно. — Когда я поднимался с парковки обратно в офис, на первом этаже в лифт вошла девушка: она ехала вместе со мной, а потом вышла на пятом этаже. Думаю, она меня запомнила.

— Почему?

В ответ раздался нервный смешок.

— Потому что я ее пригласил.

— Пригласил?

— Да. Эта девица работает в «Мак-Эллисе», я

встречал ее раньше. В лифте были только мы с ней, и она так мило улыбалась, что у меня просто вырвались эти слова.

Возникла пауза.

— Ты вспомнил об этом только сейчас?

— Нет, просто сейчас я вспомнил, когда именно это было: после того, как я проводил посла к машине. Мне казалось, это произошло днем раньше. Но потом я понял, что ошибался: ведь она тогда вошла в лифт на первом этаже, а это значит, что я поднимался с паркинга. С тех пор я на парковке не был.

— Так что же она ответила?

— Она согласилась, а я тут же пожалел о своих словах. Обычный флирт, ничего больше. Потом я попросил у нее визитку и сказал, что позвоню ей, чтобы мы выбрали время. Разумеется, продолжения не последовало, но думаю, она меня вспомнит.

— У тебя есть ее визитная карточка? — разочарованно протянул Харри.

— Да, разве это не здорово?

Харри поразмыслил немного.

— Послушай, Йенс, это прекрасно, но все не так просто. Алиби у тебя по-прежнему нет. Теоретически ты мог после этой встречи снова спуститься

на лифте вниз. К примеру, забыть что-то в офисе, вернуться, забрать и снова спуститься, не так ли?

— О! — Голос его зазвучал растерянно. — Но…

Йенс умолк, и Харри услышал его вздох.

— Вот дьявол. Ты прав, Харри.

Глава 35

Харри внезапно проснулся. В монотонный гул, доносившийся с моста Таксин-бридж, вторгся рев речной баржи с Чао-Прайя. Раздалась сирена, свет с улицы ослепил его. Он сел на кровати, подпер голову руками и принялся ждать, когда же умолкнет сирена, как вдруг до него дошло, что это звонит телефон. Он нехотя взял трубку.

— Я тебя разбудил? — Это снова был Йенс.

— Неважно, — сказал Харри.

— Я круглый идиот. Даже не знаю, рассказывать тебе или нет.

— Ну и помирай идиотом.

Возникла пауза, только послышался звон монетки, которую опустили в телефон-автомат.

— Я шучу. Давай рассказывай.

— Хорошо, Харри. Я не спал и все думал, пытаясь вспомнить, что и когда я делал в тот вечер. Представляешь, я могу в мельчайших подробностях описать валютные операции, которыми занимался несколько месяцев назад, но не в состоянии припомнить простые факты, сидя в тюрьме по подозрению в убийстве. Ты меня понимаешь?

— Вряд ли это из-за ареста. Разве мы уже не обсуждали это?

— Ладно, вот что случилось. Ты помнишь, как я сказал, что выключил телефон в тот вечер, оставшись в офисе поработать, правильно? Я лежал сейчас и думал, что кто-то ведь мне звонил и этот звонок записан на магнитофон. Перекодировать время там нельзя, в отличие от той видеозаписи на парковке.

— И что это доказывает?

— То, что я сам находился в тот момент в офисе и мог звонить оттуда, хотя входящие звонки и были отключены. Я позвонил секретарше и велел ей проверить магнитофон. Она нашла запись, и тут я вспомнил все. В восемь часов я сам звонил сестре в Осло. Можешь проверить.

Но Харри и не думал делать это.

— Твоя сестра может обеспечить тебе алиби, а ты о ней даже не вспомнил?

— Да. А знаешь почему? Потому что ее не было дома. Я просто оставил на ее автоответчике сообщение, что звонил ей.

— И ты этого не вспомнил? — снова повторил Харри.

— Черт возьми, Харри, подобные вещи забываешь еще до того, как кладешь трубку, ведь

так? Разве ты сам помнишь все свои телефонные звонки, на которые не получил ответа?

Харри был вынужден признать его правоту.

— Ты уже говорил со своим адвокатом?

— Еще нет. Я хотел сначала рассказать это тебе.

— Хорошо, Йенс. Позвони сейчас адвокату, а я пошлю кого-нибудь к тебе в офис, чтобы проверить твои слова.

— Подобная запись на пленке является доказательством в суде, как тебе известно. — Голос Йенса зазвучал напряженно.

— Брось, не волнуйся. Теперь они тебя отпустят.

Брекке шумно вздохнул в телефонную трубку.

— Пожалуйста, повтори это еще раз, Харри.

— Теперь тебя отпустят.

Йенс странно хохотнул.

— В таком случае я угощаю, инспектор.

— Не надо.

— Почему же?

— Я полицейский.

— А я на допросе.

— Не надо, Йенс.

— Как хочешь.

С улицы донесся хлопок: может, взорвалась

хлопушка или лопнула шина.

— Я подумаю.

Харри положил трубку, вошел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Сколько же можно, спрашивается, пребывать в тропиках и оставаться таким бледным? Он никогда особенно не любил загорать, но в былые времена загар прилипал к нему как-то быстрее. А может, образ жизни, который он ведет в последний год, повлиял на пигментацию кожи? Он плеснул себе в лицо холодной водой, вспомнил о загорелых пьянчугах из «Шрёдера» и снова воззрился на свое отражение в зеркале. Что ж, солнце, по крайней мере, подарило его носу багровый алкоголический цвет.

— Снова отбой, — объявила Лиз. — У Брекке есть алиби, а этого Лёкена мы списываем со счета.

Она откинулась на стуле и уставилась в потолок.

— Какие будут предложения? Если вам нечего сообщить мне на этой утренней летучке, то можете заниматься чем угодно, но завтра утром я жду от вас результатов.

Все вышли, только Харри остался сидеть.

— Что у тебя? — спросила его Лиз.

— Ничего, — ответил он, зажав в уголке рта

незажженную сигарету: начальница наконец-то разрешила курить в своем кабинете.

— Я знаю, что-то есть.

Харри улыбнулся:

— Я просто хотел убедиться. Что ты знаешь, что что-то есть.

Между бровей Лиз пролегла суровая морщинка.

— Расскажешь, когда будет что сказать.

Харри вынул сигарету изо рта и сунул ее обратно в пачку.

— Конечно, — сказал он, вставая, — я так и сделаю.

Глава 36

Йенс сидел, откинувшись на спинку стула, и улыбался; румянец играл на его щеках, шею украшала бабочка. Он напоминал Харри подростка на собственном дне рождения.

— Я даже рад, что посидел какое-то время в заключении. После этого начинаешь больше ценить самые простые вещи. Как, например, бутылку «Дом Периньона» урожая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года.

Он подозвал официанта, который тут же поспешил к их столику, достал бутылку шампанского из ведерка и разлил по бокалам.

— Люблю такие вещи. Чувствую себя почти сверхчеловеком. Что скажешь, Харри?

Харри дотронулся до бокала:

— Здорово. Но все же это не мое.

— Мы разные люди, Харри.

И Йенс улыбнулся. Он снова надел свой костюм. Или похожий, Харри не мог определить точно.

— Некоторым людям роскошь необходима, как воздух, — продолжал Йенс. — Дорогой автомобиль, шикарная одежда и прислуга нужны мне

для того, чтобы я нормально себя чувствовал, чтобы я знал, что действительно существую. Понимаешь?

Харри покачал головой.

— Ну да ладно, — сказал Йенс и поднял бокал за ножку. — Из нас двоих я декадент. Доверяй своему первому впечатлению, Харри: я самый обычный мешок дерьма. И пока для нас, дерьмаков, есть место в этом мире, я таковым и останусь. Твое здоровье!

Он, смакуя, подержал шампанское во рту, прежде чем глотнуть. А потом осклабился и застонал от удовольствия. Харри усмехнулся и поднял свой бокал, но Йенс неодобрительно посмотрел на него.

— Ну как? Начал наслаждаться жизнью, Харри? Тогда не получится быть строгим по отношению к самому себе.

— Иногда получается.

— Чушь! Все люди по своей сути гедонисты, только некоторые понимают это позже других. У тебя есть женщина?

— Нет.

— А не пора ли обзавестись ею?

— Пора. Но не вижу, какое это имеет отношение к наслаждению жизнью.

— Правда. — И Йенс заглянул в бокал. — Я рассказывал тебе о своей сестре?

— О той, которой ты звонил?

— Да. Она, кстати, свободна.

Харри рассмеялся:

— Не стоит благодарности, Йенс. Я ничего особенного для тебя не сделал, всего лишь арестовал.

— Я не шучу. Она просто гигант. Работает редактором в издательстве, но я считаю, что работа только мешает ей устроить свою личную жизнь. Кроме того, она отпугивает мужчин: слишком уж строгая, вроде тебя, настоящий кремень. Ты и сам, наверное, заметил, что все норвежские женщины, выбранные «Мисс такая-то», повторяют в интервью журналистам, что они очень целеустремленные? Слишком много развелось этих дам с характером!

И Йенс задумался.

— Сестрица взяла себе мамину девичью фамилию, как только достигла совершеннолетия.

— Не уверен, что мы подойдем друг другу по характеру.

— Это еще почему?

— Я по натуре трус. Поэтому я ищу себе скромную, самоотверженную девушку, желательно

социального работника, такую красивую, что никто еще не осмелился сказать ей об этом.

Йенс захохотал:

— Тогда ты точно можешь жениться на моей сестре. Неважно, что она тебе не нравится: она так много работает, что ты почти не будешь видеть ее дома.

— Тогда почему ты позвонил ей домой, а не на работу? Ведь в это время в Норвегии было два часа дня.

Йенс покачал головой:

— Никому не говори об этом, но я совершенно не воспринимаю этих часовых поясов. Не соображаю, когда прибавлять, а когда вычитать часы. Это ужасно, отец называет меня маразматиком и считает, что это у меня по материнской линии.

И тут же поспешил заверить Харри, что его сестра не страдает подобными вещами, скорее даже наоборот.

— Будет тебе, Йенс, лучше расскажи, когда ты сам собираешься вступить в брак.

— Фу, не произноси этого слова вслух, при одной мысли об этом у меня учащается сердцебиение. Брак… — передернул плечами Йенс. — Проблема в том, что я, с одной стороны, не склонен к моногамии, а с другой стороны — романтик. Если

бы я был женат, я не смог бы гулять на стороне, понимаешь? А мысль о том, что ты больше никогда в жизни не будешь иметь секса с другой женщиной, слишком тяжела, разве не так?

Харри попытался проникнуться его словами.

— К примеру, я пригласил на свидание ту девицу в лифте: ради чего? Вероятно, из страха. Я просто хотел доказать себе, что еще способен заглядываться на других женщин. И ничего, собственно говоря, не доказал. Ведь Хильде… — Йенс умолк, подыскивая слова. — В ней есть то, чего я не находил в других женщинах. А я искал, поверь мне. Не знаю, сумею ли я объяснить, но в любом случае я не посмел отказаться от нее, поскольку понимал, что найти такую женщину непросто.

Харри сидел и думал, что это, пожалуй, неплохое объяснение — не хуже тех, что он слышал раньше. Йенс, ухмыляясь, играл бокалом.

— На меня действительно повлияло пребывание за решеткой, ведь обычно я не говорю о таких вещах. Обещай, что ничего не расскажешь моим приятелям.

Тут к столику подошел официант и подал им знак.

— Идем, уже началось, — сказал Йенс.

— Что началось?

Официант повел их вглубь ресторана, через кухню, вверх по узкой лесенке. Проход был весь заставлен тазами, на стуле сидела старуха, обнажив черные зубы.

— Это от бетеля, — пояснил Йенс. — Мерзкая привычка. Они все жуют и жуют его, пока не сгниют мозги и не выпадут зубы.

Харри услышал громкие возгласы за дверью. Официант открыл ее, и они оказались на просторном чердаке без окон. Десятка два-три мужчин сбились в тесный круг посередине. Они яростно жестикулировали, и по рукам сновали туда-сюда мятые купюры. Большинство мужчин были белыми, некоторые в светлых хлопчатых костюмах. Харри показалось, что он узнал одного: его лицо он видел в Писательской гостиной отеля «Ориентал».

— Петушиные бои, — пояснил Йенс. — Частное мероприятие.

— Как же так? — прокричал Харри, так как стоял ужасный шум. — А я читал, что петушиные бои запрещены в Таиланде.

— Не совсем. Власти разрешили их в смягченной форме, когда шпоры на лапах обматывают, чтобы птицы не уничтожили друг друга. Еще сделали ограничения по времени, чтобы не дово-

дить до смертоубийства. Но здесь все происходит по старым правилам. Без ограничений. Подойдем поближе?

Харри привстал на цыпочки и, перегнувшись через стоявших впереди людей, посмотрел вниз на ринг. Два петуха, рыже-коричневый и ярко-оранжевый, с важным видом расхаживали по кругу, потряхивая головами и не проявляя друг к другу никакого интереса.

— Как же их заставят драться? — спросил Харри.

— Не беспокойся. Эти петухи ненавидят друг друга гораздо сильнее, чем ты думаешь.

— Почему?

Йенс взглянул на него.

— Они оказались на одном ринге. И они петухи.

И вот, словно по сигналу, они налетели друг на друга. Харри видел только хлопающие крылья и взметаемую вверх солому. Вокруг ревели от восторга, кто-то даже подпрыгивал на месте. По чердаку распространялся странный, сладковато-горький запах пота и адреналина.

— Видишь того, с раздвоенным гребешком? — спросил Йенс.

Харри ничего не видел.

— Это победитель.

— Как ты это видишь?

— Я не вижу, я просто знаю. Знал это заранее.

— Но как…

— Не спрашивай, — усмехнулся Йенс.

Крики утихли. Один петух на ринге упал. Кто-то застонал, мужик в сером льняном костюме сердито сдвинул шляпу на затылок. Харри смотрел на умирающую птицу. Было видно, как под оперением слегка подергиваются мышцы, потом все кончилось, и петух лежал совершенно неподвижно. Выглядело все это нелепо и казалось какой-то абсурдной игрой — сплошные крылья, лапы и крик.

Мимо Харри пролетело окровавленное перо. Таец в широких штанах унес с ринга мертвую птицу. Казалось, он вот-вот расплачется. Второй петух продолжал важно расхаживать взад-вперед. Теперь Харри заметил его раздвоенный гребешок.

Официант подошел к Йенсу с пачкой денег. Другие смотрели на него, кто-то кивал головой, но все молчали.

— Ты когда-нибудь проигрываешь? — спросил Харри, когда они снова вернулись за свой столик в ресторане.

Йенс взял сигару и заказал коньяк, старый сорокаградусный «Ричард Хеннесси», причем официант дважды переспросил название. Трудно было представить себе, что этот Йенс был тем самым человеком, которого Харри еще вчера утешал по телефону.

— Знаешь, почему азартные игры — это болезнь, а не профессия, Харри? Потому что игрок любит риск. Он живет и дышит этой дрожащей неопределенностью.

Он выпустил дым колечками.

— Но со мной все наоборот. Я готов идти на любые крайности, чтобы свести риск к нулю. И сегодня я выиграл благодаря своим затратам и собственному труду, а это немало, поверь мне.

— Ты никогда не проигрываешь?

— Это оборачивается достойным кушем.

— Оборачивается? Уж не имеешь ли ты в виду, что игроки рано или поздно должны рискнуть всем, что имеют?

— Что-то вроде того.

— Что за радость играть, если заранее знаешь исход?

— Радость? — Йенс потряс пачкой денег. — Вот что доставляет радость. По крайней мере, мне. Я человек простой, — продолжал он, разглядывая

свою сигару. — Будем откровенны. Я грубоват.

И он внезапно разразился смехом. Харри натянуто улыбнулся.

Йенс посмотрел на часы и вскочил:

— В США уже открываются биржи. Чертова работенка. Увидимся. Подумай насчет того, что я рассказал тебе о моей сестре.

Он скрылся за дверью, а Харри все сидел, курил сигарету и думал о его сестре. Потом он взял такси в Патпонг. Он сам не знал, что ищет, но вошел в стрип-бар, заказал пива и тут же ушел оттуда. Поел лягушачьих лапок в «Ле Бушероне», к нему подошел хозяин заведения и начал жаловаться на плохом английском, как он скучает по Нормандии. Харри рассказал ему, что его дедушка был в Нормандии в день «Д». Это была неправда, но француз от его слов просто засиял.

Заплатив, Харри отправился в другой бар. Девица на высоких каблуках подсела к нему и, подняв большие карие глаза, спросила, не желает ли он заняться оральным сексом. «Конечно хочу», — подумал он, но отрицательно качнул головой. Он заметил, что на телеэкране, висящем над зеркальной стойкой бара, показывают игру «Манчестер Юнайтед». В зеркалах отражались девицы, танцующие прямо за его спиной на кро-

хотной сцене. Их соски были заклеены золотыми бумажными звездами, ровно настолько, чтобы показать, что в баре соблюдается запрет на обнаженку. К трусикам была прикреплена бумажка с номером: полиция не спрашивала, для чего это, но всем было известно, что номер нужен во избежание недоразумений, когда клиент заказывает девушек в баре. Харри уже заметил ее. Номер 20. Дим была крайняя из четырех танцовщиц, и ее усталый взгляд радаром скользил по собравшимся мужчинам. Временами по ее лицу пробегала улыбка, но глаза при этом оставались безжизненными. Похоже, ей удалось установить контакт с худым мужчиной в тропической униформе. Немец, предположил Харри, сам не зная почему. И посмотрел на ее бедра, покачивающиеся из стороны в сторону, на ее черные блестящие волосы, подпрыгивающие на спине, когда она поворачивалась, на гладкую, пылающую кожу, словно светящуюся изнутри. Если бы не выражение лица, ее можно было бы назвать красавицей, подумал Харри.

В какой-то момент они встретились глазами в зеркале, и Харри ощутил беспокойство. Судя по всему, она его не узнала, и он перевел взгляд на телеэкран, где красовалась спина игрока, которо-

го должны были сменить. Тот же самый номер. Сверху на футболке было написано: «Сульшер». Харри словно очнулся.

— Черт! — воскликнул Харри, опрокинув стакан, так что кола вылилась на назойливую куртизанку. Харри рванул к выходу, слыша за спиной ее негодующие крики: «You not my friend!»[32]

Не застав дома Ивара Лёкена, он позвонил Тонье Виг.

— Харри, я как раз пыталась связаться с тобой! — заторопилась она. — Вчера Лёкена не было на работе, а сегодня он сказал, что перепутал ресторан и ждал меня совсем в другом месте. Что происходит?

— В другой раз, — прервал ее Харри. — Ты не знаешь, где сейчас Лёкен?

— Нет. Хотя постой, сегодня же среда. Он и еще двое других из посольства должны быть на тематическом вечере в «FCCT». Это такой клуб для иностранных корреспондентов в Бангкоке, но его членами являются также многие экспаты.

— Экспаты?

— Извини, Харри. Ex-patriots. Иностранцы, которые живут и работают в Бангкоке.

---

[32] Примечания: 32
«Ты мне не друг!» *(искаж. англ.)*

— То есть иммигранты?

Она ответила коротким смешком:

— Мы так себя не называем.

— Когда начался вечер? — спросил Харри.

— В девять минут седьмого.

— Девять?

— Это такая буддистская примета. Девять — счастливое число.

— О господи!

— Это еще ничего, знал бы ты, как здесь решаются важные вопросы. Прежде чем из Гонконга сюда приехала делегация для подписания контракта BERTS на строительство эстакад, четыре предсказателя потратили две недели на то, чтобы определить самый благоприятный день и час для этого события. Не хочу говорить ничего плохого об азиатах, они очень работящие и милые, но в отдельных вопросах они будто вчера слезли с дерева.

— Интересно, но я…

— Мне надо бежать, Харри, договорим после.

Положив трубку, Харри подумал, что идиотизма на свете вообще-то хватает. Так что выбор счастливого числа не такой уж и абсурд.

Он позвонил в Управление полиции и взял у Рангсана домашний телефон профессора из музея

Бенчамабопхит.

Глава 37

Два человека в хаки продирались сквозь заросли; один из них, согнувшись, нес на спине раненого товарища. Его положили в укрытие за упавшим деревом, а сами вскинули винтовки и открыли огонь, целясь в самую чащу леса. Равнодушный голос сообщил, что Восточный Тимор ведет отчаянную борьбу с президентом Сухарто и его террористическим режимом.

Человек на трибуне нервно шелестел бумажками. Он изъездил много мест с докладами о своей стране, и сегодняшний вечер был особенным. В зале клуба иностранных корреспондентов в Таиланде собралось не так много народу, человек сорок-пятьдесят, но все они были важными персонами и могли донести его слова до миллионов своих читателей. Он показывал им фильм, который видел уже сотню раз и знал по минутам.

Ивар Лёкен невольно вздрогнул, почувствовав на своем плече чью-то руку и услышав шепот: «Нам надо поговорить. Сейчас же».

В темноте он разглядел лицо Холе. Он вышел вслед за норвежцем из зала, в то время как на

экране боевик с наполовину обожженным лицом, превратившимся в застывшую маску, объяснял, почему он провел последние восемь лет своей жизни в индонезийских джунглях.

— Как вы меня нашли? — спросил он, когда они покинули клуб.

— Я разговаривал с Тонье Виг. Вам нравится бывать в этом клубе?

— Нравится, не нравится… Мне нравится быть в курсе дела. Кроме того, я встречаюсь здесь с полезными людьми.

— Вроде тех, из шведского и датского посольства?

Лёкен улыбнулся, сверкнув золотым зубом:

— Я уже сказал, что хочу быть в курсе. Что у вас?

— Все.

— Неужели?

— Я знаю, за кем вы охотитесь. И я знаю также, что наши расследования связаны друг с другом.

Улыбка исчезла с лица Лёкена.

— И самое удивительное, что я, только приехав сюда, находился буквально в двух шагах от него, когда вы за ним следили.

— Да что вы! — Трудно было понять, иронизирует Лёкен или нет.

— Инспектор Крамли решила взять меня на экскурсию по реке. Она показала мне жилище норвежца, который перевез целый храм из Бирмы в Бангкок. Вы ведь знаете, кто такой Уве Клипра?

Лёкен ничего не ответил.

— Ладно. Мне и в голову не пришло бы их связать, пока я не посмотрел вчера вечером футбольный матч.

— Футбольный матч?

— Самый известный в мире норвежец играет в любимом клубе Клипры.

— Как это?

— Знаешь, под каким номером играет Уле Гуннар Сульшер?

— Нет, зачем мне это?

— Фанаты во всем мире знают об этом, и ты тоже мог купить его футболку в любом магазине спорттоваров от Кейптауна до Ванкувера. Иногда и взрослые покупают себе футболки.

Лёкен кивнул, не сводя глаз с Харри.

— Номер двадцать, — произнес он.

— В точности как на снимке. Потом я понял еще кое-что. Рукоятка ножа, который воткнули в спину Мольнесу, украшена замысловатой стеклянной мозаикой, и профессор-искусство-

вед поведал нам, что это очень старинный нож из Северного Таиланда, возможно народа шан. Сегодня вечером я снова переговорил с ним. И он рассказал, что этот народ владел обширными территориями, в том числе и частью Бирмы, где он строил храмы. Особенность этих храмов заключается в том, что их окна и двери украшала такая же мозаика, что и нож. По дороге сюда я встретился с профессором и показал ему один из ваших снимков. Лёкен! Он не сомневается, что на нем изображено окно шанского храма.

Они умолкли, слышался только голос оратора на трибуне. Резкий, металлический, усиленный микрофонами.

— Отличная работа, Холе. Что теперь?

— Теперь вы расскажете мне все, что творится за кулисами, и я займусь дальнейшим расследованием.

Лёкен расхохотался:

— Шутите?

Но Харри не шутил.

— Забавное предложение, Холе, но не думаю, что оно осуществимо. Мое начальство…

— А я думаю, что слово «предложение» действительно не подходит, Лёкен. Правильнее сказать — «ультиматум».

Лёкен захохотал еще громче:

— Счет в вашу пользу, Холе, признаю это. Но что заставляет вас думать, будто вы можете выдвигать тут ультиматумы?

— То, что у вас будут большие проблемы, когда я объясню начальнику полиции Таиланда, что здесь происходит.

— Вас уволят, Холе.

— За что? Я здесь для того, чтобы расследовать убийство, а не спасать задницы каких-то там бюрократов из Осло. Лично я не против, что вы пытаетесь заарканить педераста, — это не моя сфера ответственности. Но когда в стортинге узнают, что их не проинформировали о неофициальном расследовании, тогда, осмелюсь предположить, попрут с работы кого-то другого, а не меня. А шансов остаться не у дел у меня будет больше, если я умолчу о том, что знаю. Сигарету?

И Харри протянул Лёкену только что открытую пачку «Кэмела». Тот сперва отказался, но потом все же взял одну. Харри зажег и свою, и Лёкена, и они сели на стулья, стоявшие вдоль стены. Из кафе донеслись громкие аплодисменты.

— Почему вы никак не угомонитесь, Холе? Вы ведь давно уже поняли, что ваша работа здесь — вовсе не расследовать это дело, так отчего же

вы не желаете плыть по течению и избавить нас и себя от кучи неприятностей?

Харри глубоко затянулся и медленно выпустил дым. Но большая часть дыма все равно осталась внутри.

— Я снова начал курить «Кэмел» этой осенью, — сказал Харри, похлопав себя по карману. — Однажды у меня была возлюбленная, которая курила именно эти сигареты. Мне не разрешалось стрельнуть у нее курево, так как она считала, что это дурная привычка. Мы путешествовали «интеррейлом», и вот в поезде между Памплоной и Каннами я обнаружил, что у меня кончились сигареты. Она решила, что это послужит мне хорошим уроком. Ехали мы почти десять часов, и в конце концов я пошел в другое купе стрельнуть сигаретку, в то время как она сидела и дымила своим «Кэмелом». Забавно, правда?

Он поднес сигарету ко рту и дунул на тлеющий кончик.

— Когда мы приехали в Канны, я то и дело просил закурить у посторонних. Сперва она только веселилась. Но когда я начал обходить столики в парижских ресторанах, ей это уже не казалось таким веселым, и она предложила мне свою пачку, но я отказался. Потом в Амстердаме она

встретила знакомых из Норвегии, и я принялся клянчить у них сигарету, хотя ее собственная пачка лежала тут же, на столе, и она назвала это ребячеством. И купила для меня пачку сигарет, но она так и осталась лежать в номере отеля. Мы возвращались в Осло, и я все продолжал стрелять сигареты, и тогда она назвала меня больным.

— У этой истории есть конец?

— Да. Она бросила курить.

— Выходит, хеппи-энд, — хмыкнул Лёкен.

— И тогда же она уехала с каким-то музыкантом в Лондон.

Лёкен поперхнулся.

— Наверное, вы слишком далеко зашли?

— Само собой.

— Но ничему не научились?

— Нет.

Некоторое время они курили молча.

— Понимаю, — произнес наконец Лёкен, потушив сигарету.

Народ начал уже выходить из клуба.

— Пойдем куда-нибудь, выпьем пива, и я расскажу всю историю.

— Уве Клипра строит дороги. Больше нам ничего о нем не известно. Мы знаем, что он приехал в Таиланд в двадцатипятилетнем возрасте, инже-

нер-недоучка с плохой репутацией, что он сменил фамилию с Педерсена на Клипру, по названию городского квартала в Олесунне, где вырос.

Они сидели на мягком кожаном диване, перед ними стояли стереоустановка, телевизор и столик с одной кружкой пива, бутылкой воды, двумя микрофонами и каталогом песен. Харри сперва было решил, что Лёкен шутит, когда тот предложил пойти в клуб караоке. Они сняли звуконепроницаемую комнату с почасовой оплатой, не называя своих имен, потом заказали себе напитки и остались в полном одиночестве. Народу в клубе было довольно много, так что удалось уйти незамеченными. А тут идеальное место для тайных встреч, и похоже, Лёкен наведывался сюда не раз.

— Плохая репутация — в каком смысле? — спросил Харри.

— Когда мы начали копать глубже, то оказалось, что в Олесунне у него была пара эпизодов с несовершеннолетними мальчиками. В полицию никто не заявил, но пошли разговоры, и он решил, что лучше будет уехать. Прибыв сюда, он зарегистрировал инженерное общество, отпечатал себе визитные карточки, в которых именовался доктором, и принялся стучаться

во все двери, объявляя себя специалистом по дорожному строительству. Тогда, двадцать лет назад, получить подряд на строительство дорог в Таиланде можно было только двумя способами: либо состоять в родстве с кем-нибудь из правительства, либо быть достаточно богатым, чтобы дать взятку, опять же кому-то из правительства. Клипра не мог похвастаться ни первым, ни вторым, так что шансов у него было маловато. Но он научился двум вещам, на которых зиждется все его нынешнее состояние: тайскому языку и лести. Про лесть я не выдумываю, он сам похваляется этим перед местными норвежцами. По его словам, он стал так щедр на улыбки, что даже тайцы считают это чрезмерным. К тому же он, скорее всего, разделял интерес отдельных политиков к маленьким мальчикам. Так что не исключено, что он развлекался вместе с ними, когда распределялись контракты на строительство так называемой «Hopewell Bangkok Elevated Road and Train Systems».

— Надземные дороги и поезда?

— Точно. Вы, наверное, уже обратили внимание на громадные стальные опоры, которые они вбивают на холмах по всему городу.

Харри кивнул в ответ.

— Скорее всего, будет шесть тысяч опор, но, может, и больше. Не только для шоссейных дорог, здесь пустят еще и новый поезд. Речь идет о пяти милях современнейшего автобана и шести милях железнодорожных путей на сумму в двадцать пять миллиардов крон, что спасет этот город от коллапса. Понимаете? Этот проект — крупнейший в истории Бангкока, мессия, воплощенный в асфальт и шпалы.

— И в проекте участвует Клипра?

— Никто в точности не знает, кто там действительно участвует. Ясно только то, что главный подрядчик из Гонконга выбыл из игры и что бюджет и график теперь летят ко всем чертям.

— Превышение бюджета? Я изумлен, — сухо проговорил Харри.

— Это означает, что хватит работы и другим, и я уверен, что Клипра уже залез в этот проект. Когда что-то идет не так, политики соглашаются на объявление тендера. И если Клипра располагает нужными финансами, чтобы откусить кусок от этого пирога, то вскоре он сделается самым могущественным подрядчиком в регионе.

— Допустим, но какое это имеет отношение к насилию над детьми?

— А такое, что влиятельные дяди способны

толковать параграфы законов в свою пользу. У меня нет причин сомневаться в самостоятельности нынешнего правительства, но это вряд ли может увеличить шансы на экстрадицию, если подозреваемый имеет политический вес в стране и к тому же его арест ставит под удар крупный проект по дорожному строительству.

— Что же вы будете делать?

— Дело запущено. После того случая с норвежцем, арестованным в Паттайе, наши политики проснулись и решили заключить с Таиландом такой же договор, какой уже есть у Швеции и Дании. Когда договор подпишут, мы подождем еще немного и арестуем Клипру, а таиландским властям заявим, что фотографии, конечно же, были сделаны уже после того, как соглашение об экстрадиции вступило в силу.

— И отдадите его под суд за растление малолетних?

— И возможно, за убийство.

Харри вздрогнул.

— Думаете, инспектор, вы единственный, кто понял, что это нож Клипры? — спросил его Лёкен, пытаясь разжечь трубку.

— Что вам известно о ноже? — задал вопрос Харри.

— Я сопровождал Тонье Виг в мотель, для опознания тела посла. Там я сделал несколько снимков.

— Когда вокруг стояла толпа полицейских?

— Это была совсем крохотная камера. Она помещается в наручных часах, — усмехнулся Лёкен. — Такую не купишь в обычном магазине.

— И вы сопоставили мозаику на ноже с мозаикой в доме Клипры?

— Я общался с одним из тех, кто продавал Клипре храм, понги, из центра Махаси в Рангуне. Нож прилагался к храму вместе с прочей утварью, которую тоже получил Клипра. Согласно монаху, таких ножей была пара. Должен быть второй нож, полностью идентичный первому.

— Постойте, — сказал Харри, — так после разговора с тем монахом вы уже знали, что этот нож имеет отношение к бирманскому храму?

Лёкен лишь пожал плечами.

— Еще раз, — повторил Харри. — Вы не искусствовед. Нам пришлось обратиться к профессору, чтобы определить, что нож принадлежит народу шан или как там его. Но вы подозревали Клипру еще до того, как узнали о ноже.

Лёкен обжег пальцы и раздраженно отбросил в сторону догоревшую спичку.

— У меня были основания полагать, что Клипра может быть связан с этим убийством. Я сидел в квартире прямо напротив жилища Клипры в тот день, когда был убит посол.

— И что же?

— Атле Мольнес приехал туда около семи часов. Примерно в восемь они вместе с Клипрой уехали оттуда в машине посла.

— Вы точно уверены, что это были они? Я видел эту машину, и у нее, как и у большинства посольских машин, тонированные стекла.

— Я наблюдал за Клипрой в фотообъектив, когда приехала машина. Она припарковалась в гараже, который отделяет от дома одна-единственная дверь. Я увидел, как Клипра встал и направился к этой двери. Через некоторое время я увидел и второго: это был посол. Затем машина уехала, и Клипры в доме уже не было.

— Вы не могли знать, что это был посол, — возразил Харри.

— Почему же?

— Потому что с того места, откуда вы наблюдали за домом, могла быть видна только спина посла, а остальное скрывала мозаика.

Лёкен засмеялся.

— Этого больше чем достаточно, — сказал он,

наконец раскурив свою трубку. И принялся с удовольствием сосать ее. — Потому что во всем Таиланде только один человек носит такой костюм.

При других обстоятельствах Харри, возможно, и посмеялся бы вместе с Лёкеном, но теперь в его голове теснилось множество вопросов.

— Тогда почему Торхус и начальник полиции в Осло не были проинформированы об этом?

— А кто сказал, что их не проинформировали?

Харри почувствовал, как у него потемнело в глазах. Он оглянулся вокруг, ища, чем бы запустить в Лёкена.

Глава 38

Бьярне Мёллер стоял и смотрел в окно. Похоже, мороз не собирается отступать. Мальчишки считали, что это классно, и явились к ужину раскрасневшиеся, с ледяными руками, споря, кто из них прыгнул дальше.

Как быстро летит время! Ему казалось, еще совсем недавно он вместе с ними спускался в плуге с горы Грефсенколлен, держа их между своими лыжами. А когда вчера он зашел к ним в комнату и предложил почитать им книжку, они глаза на него вытаращили.

Трине говорит, что у него усталый вид. Так ли это? Возможно. Слишком о многом приходится думать, гораздо о большем, чем он себе представлял, согласившись занять должность начальника отдела полиции. Постоянные отчеты, встречи, бюджетные вопросы… То и дело к нему стучались подчиненные со своими вопросами: то жена собралась подавать на развод, то квартплата выросла непомерно, то нервы расшалились.

Собственно полицейская, следственная работа, которой он занимался до этого назначения,

сделалась теперь чем-то второстепенным. А он по-прежнему скучал по секретным совещаниям, запросам, аппаратным играм. Иногда подумывал о том, не вернуться ли ему ко всему этому, но он знал, что Трине очень ценит его нынешнюю зарплату. Да и сыновья просят купить им прыжковые лыжи. Получили они и долгожданный компьютер. За окном кружились снежинки. А ведь он, черт побери, был отличным полицейским.

Зазвонил телефон.

— Мёллер.

— Это Холе. Так ты все знал?

— Алло! Это ты, Харри?

— Ты знал, что меня выбрали специально, чтобы они не сомневались — это расследование ни к чему не приведет?

Мёллер понизил голос. Он тут же позабыл и про лыжи, и про компьютер.

— Не понимаю, о чем ты…

— Я хочу услышать от тебя самого, что ты не знал о том, что в Осло с самого начала подозревали, кто именно убийца.

— Ну хорошо, Харри, я не знал… Я имею в виду, я *не знаю*, о чем ты говоришь!

— Начальник полиции и Дагфинн Торхус сразу

после убийства знали, что норвежец по имени Уве Клипра и посол уехали из дома Клипры в одной машине, за полчаса до того, как посольская машина оказалась у мотеля. Они также знают, что у Клипры чертовски веский мотив для убийства посла.

Мёллер тяжело опустился на стул.

— Какой же?

— Клипра — один из богатейших людей в Бангкоке, а посол испытывал денежные затруднения, и он стал инициатором неофициального расследования о сексуальном использовании Клипрой детей, и когда посла нашли уже убитым, в его кейсе оказались снимки Клипры с мальчиком. Нетрудно представить себе, зачем посол нанес ему визит. Мольнес, должно быть, убедил Клипру в том, что он один знает об этом, что он сам и сделал эти снимки. Затем он, вероятно, назначил цену за фотографии, то есть за «все отпечатки» — обычно вроде бы так это называется? Разумеется, невозможно определить, сколько снимков отпечатал Мольнес, но тем не менее ясно, что Клипра понял совершенно точно: такой шантажист, как этот неизлечимый игрок-посол, придет к нему еще не раз. И тогда Клипра, скорее всего, предложил проехаться кое-куда на машине, вышел

у банка и попросил Мольнеса подождать в мотеле, пока он вернется туда с деньгами. Приехав в мотель, Клипра сразу понял, в каком номере остановился посол, потому что увидел его машину припаркованной во внутреннем дворе, правильно? А этот хрен даже проследил, что нож ведет к Клипре.

— Какой хрен?

— Лёкен. Ивар Лёкен. Старый хрен из разведки, который много лет проработал в регионе. Говорит, что занимался беженцами по линии ООН, но, может, и брешет, кто ж его знает. Думаю, жалованье он получает в НАТО или тому подобной организации. Он несколько месяцев шпионит за Клипрой.

— А посол об этом что, не знал? Мне показалось, ты сказал, будто именно он был инициатором расследования.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты утверждаешь, что посол поехал к Клипре, чтобы путем шантажа получить от него деньги, хотя и знал, что этот хрен из разведки следит за домом.

— Ну конечно знал: он ведь получил два отпечатка фотографий, сделанных Лёкеном. Что же еще? Нет ничего подозрительного в том, что

норвежский посол наносит визит вежливости самому богатому норвежцу Бангкока, разве не так?

— Может быть. О чем еще рассказал этот Лёкен?

— Он рассказал мне об истинной причине моей командировки в Бангкок.

— И в чем же она?

— Подожди немного.

Мёллер услышал, как его собеседник прикрыл рукой трубку, потом раздались резкие выкрики на норвежском и английском. Вслед за этим Харри снова оказался на линии.

— Извини, Мёллер, мы здесь сидим друг у друга на голове. Мой сосед сдвинул свой стул прямо на телефонный провод. Так на чем мы остановились?

— На причине твоей командировки.

— Ах да. Те, кто замешан в слежке за Клипрой, очень рискуют. Им может грозить разоблачение, и тогда не миновать политического скандала, и тут уж головы полетят, верно? Когда посла нашли убитым, все понимали, кто это сделал, но требовалось все устроить так, чтобы расследование не привело к раскрытию всей конструкции. Нужна была золотая середина — кое-что предпринять, но так, чтобы не поднимать лишней пыли. Раз

прислали норвежского полицейского, значит, меры приняты. А следственную группу, как я слышал, направить отказались, испугались, дескать, негативной реакции тайцев.

К смеху Харри примешался какой-то другой разговор, происходивший где-то между земным шаром и спутником на орбите.

— Вместо этого присылают сюда того, кто, по их мнению, меньше всего способен что-либо раскопать. Дагфинн Торхус поискал да и нашел нужного кандидата, который уж точно не доставит им хлопот. Поскольку наверняка будет проводить вечера за кружкой пива, а днем дремать с похмелья. Харри Холе — отличный кандидат, поскольку он работает, но вот в таком особом режиме. А если возникнут вопросы, они всегда сумеют обосновать свой выбор: он ведь великолепно зарекомендовал себя в Австралии! Да и Мёллер, начальник отдела, к этому Холе хорошо относится, а Мёллеру-то мы все скажем, — разве не так?

Мёллеру очень не нравились слова Харри. Еще и потому, что теперь стало понятно, что означал предостерегающий взгляд начальницы в ответ на заданный вопрос, ее чуть поднятые брови. Это был приказ.

— Но почему же Торхус и начальник полиции рискуют остаться без работы, если поймают какого-то жалкого педераста?

— Хороший вопрос.

Они замолчали. Никто из них не смел произнести вслух того, о чем они оба думали.

— Что там сейчас происходит, Харри?

— Операция «save ass»[33].

— Что это значит?

— Это значит, что никто не хочет снова оказаться в дураках. Ни Лёкен, ни я. Мы договорились о том, что будем пока держать язык за зубами и вместе постараемся заарканить Клипру. Я рассчитываю, что ты захочешь взять это дело в свои руки. Доложить напрямую в стортинг, например. Тебе ведь, сам понимаешь, тоже придется задницу спасать.

Мёллер задумался. Он не был уверен, что ему так уж хочется спасаться. Худшее, что может случиться, так это то, что он опять станет простым полицейским.

— Дело серьезное, Харри. Я должен подумать, а потом позвоню тебе, идет?

— Идет.

---

[33] Примечания: 33

«Спасти задницу» *(англ.).*

И одновременно они услышали слабые сигналы в космическом пространстве после другого окончившегося разговора. Оба помедлили, прислушиваясь к звукам в трубке.

— Харри!

— Да?

— Думать мне незачем, плевал я на все. Я с тобой.

— Я рассчитывал на это, шеф.

— Позвони мне, когда вы его арестуете.

— Ой, совсем забыл сказать… Никто не видел Клипру с тех самых пор, как был убит посол.

И вот настал тот день, когда Харри ничего не делал.

Сидел и рисовал круги, пытаясь понять, на что они похожи.

Позвонил Йенс, спросил, как продвигается расследование. Харри ответил ему, что это государственная тайна, и Йенс все понял, но сказал, что будет лучше спать, если узнает, что появился другой главный подозреваемый. Потом Йенс рассказал анекдот, который услышал по телефону: гинеколог говорит своему коллеге, что у одной его пациентки клитор похож на свиную ножку. «Такой же большой?» — спрашивает коллега. «Да нет, такой же соленый».

И Йенс посетовал на то, что в финансовых кругах циркулируют одни только соленые анекдоты.

Потом Харри попытался пересказать этот анекдот Нхо, но то ли ему самому английского не хватило, то ли Нхо, но вышло неловко.

После этого он отправился к Лиз и спросил, можно ли посидеть у нее немного. Через час ей надоело его молчаливое присутствие, и она попросила его выйти.

Он снова поужинал в «Ле Бушероне». Француз, владелец ресторана, говорил с ним по-французски, а Харри, улыбаясь, отвечал ему по-норвежски.

Было уже почти одиннадцать вечера, когда он вернулся домой.

— У вас гости, — сказал ему консьерж.

Харри поднялся на лифте и лег на краю бассейна, прислушиваясь к легким, ритмичным всплескам — там плавала Руна.

— Тебе пора домой, — сказал он через некоторое время.

Она ничего не ответила, а он встал и зашагал по лестнице к себе в квартиру.

Глава 39

Лёкен протянул Харри ночной бинокль.

— Дело ясное, — произнес он. — Я знаю их распорядок. Теперь охранник пойдет и сядет в своей будке, внизу у самого входа. Очередной обход он будет делать не раньше чем через двадцать минут.

Они засели на чердаке дома, в сотне метров от владений Клипры. Окно было заколочено, но между двух досок как раз нашлось место для бинокля. А также для фотоаппарата. Между чердаком и домом Клипры из тикового дерева, украшенным драконьими головами, тянулся ряд низеньких сараюшек, пролегала дорога и стояла высокая белая стена с колючей проволокой.

— Никаких проблем, — заявил Лёкен. — Единственная сложность в этом городе в том, что всюду толкутся люди. Круглые сутки. Значит, нам надо обогнуть стену и перелезть через нее вон там, за тем сараем.

Он указал рукой, и Харри тотчас навел туда бинокль.

Лёкен попросил его надеть облегающую тем-

ную одежду, не бросающуюся в глаза. Так что на Харри были черные джинсы и старенькая, тоже черная, футболка «Joy Division». Надевая эту футболку, он вспомнил о Кристине: единственное, что ему удалось заставить ее полюбить, так это панк-группа «Joy Division». И он подумал, что это, возможно, стало для нее заменой «Кэмел», раз уж она бросила их курить.

— Начинаем, — скомандовал Лёкен.

Воздух был неподвижен, над гравийной дорогой стояла пыль. Стайка подростков увлеченно играла в такрау: они стояли в круг и перебрасывались маленьким резиновым мячом, не обращая никакого внимания на двух фарангов, одетых во все черное. А те пересекли улицу, попетляли между сараями и незаметно подобрались к стене. Мглистое вечернее небо подсвечивалось грязно-желтым светом миллионов больших и малых фонарей — Бангкок по вечерам никогда не выглядел темным. Лёкен перебросил через стену свой компактный рюкзак и накрыл колючую проволоку тонким узким резиновым ковриком.

— Сначала вы, — сказал он и сложил руки стременем, помогая Харри подняться наверх.

— А как же вы?

— Обо мне не думайте. Залезайте.

Харри вытянулся и ухватился за верхушку столба. Он перекинул одну ногу через коврик, затем другую и почувствовал, как колючие шипы царапнули по резине под его тяжестью. Ему не хотелось вспоминать историю о мальчике, который соскользнул вниз по флагштоку на ярмарке в Румсдале, позабыв о крюке, где крепилась веревка. По словам деда, парень орал так, что слышно было на другой стороне фьорда.

Лёкен оказался рядом с ним.

— Слава богу, мы быстро обернулись, — шепнул Харри.

— Физкультпривет от пенсионера.

Пригнувшись, они перебежали через газон, держась ближе к стене дома, и замерли на углу. Лёкен достал ночной бинокль, выждав, когда охранник отвернется в другую сторону.

— Бежим!

Харри рванул вперед, пытаясь вообразить себя невидимкой. До гаража было рукой подать, но тот был хорошо освещен и к тому же прекрасно виден из будки. Лёкен не отставал.

Харри считал, что существует не так-то много способов вторжения в чужой дом, однако Лёкен настоял на том, чтобы они продумали все до мельчайших деталей. Он особо подчеркивал,

что последние критические метры до дома они должны пробежать вместе, тогда как Харри казалось, что лучше бы они бежали по очереди: один бежит, другой караулит.

— Чего караулить-то? — раздраженно спросил его Лёкен. — Мы в любом случае заметим, что нас обнаружили. И если побежим по очереди, то риск обнаружения возрастет ровно вдвое. Вы мне скажите, неужели вас в полиции ничему не учат?

И Харри больше не возражал по поводу остальных позиций их плана.

В гараже красовался белый «линкольн-континенталь», а боковая дверь вела отсюда прямо в дом. Лёкен предположил, что замок тут проще, чем в парадной двери, а кроме того, их не заметят из будки у ворот.

Он достал отмычку и принялся за работу.

— Вы следите за временем? — шепнул он Харри, и тот кивнул в ответ. Согласно графику, до следующего обхода охранника оставалось шестнадцать минут.

Через двенадцать минут Харри почувствовал, как у него зачесалось все тело.

Через тринадцать ему страстно захотелось, чтобы мимо случайно прошел Сунтхорн.

Через четырнадцать минут он понял, что пора

прервать операцию.

— Надо уносить ноги, — прошептал он.

— Еще чуть-чуть, — ответил Лёкен, согнувшись над замком.

— У нас больше нет времени.

— Еще пару секунд.

— Бежим! — прошипел Харри сквозь зубы.

Лёкен ничего не ответил. Харри вдохнул поглубже и тронул его за плечо. Лёкен повернулся, их взгляды встретились. Сверкнул золотой зуб.

— Открыто! — шепнул Лёкен.

Дверь беззвучно отворилась. Скользнув внутрь, они тихо закрыли ее за собой. И в тот же миг услышали шаги в гараже, увидели свет от фонаря через окошко. Кто-то резко дернул за ручку двери. Они замерли, прижавшись спиной к стене. Харри затаил дыхание, чувствуя, как бешено колотится сердце. Затем шаги затихли вдали.

Тут Харри не выдержал.

— Целых двадцать минут!

— Подумаешь, плюс-минус пара минут, — пожал плечами Лёкен.

Харри приходил в себя, хватая ртом воздух.

Потом оба зажгли свои фонарики и уже было двинулись в сторону жилой части дома, как вдруг под ногой у Харри что-то хрустнуло.

— Что там такое? — посветил он фонарем.

На темном полу белели какие-то маленькие комочки.

Лёкен направил свет на беленую каменную стену.

— Вот черт, Клипра-то смухлевал. Все верят, что дом целиком построен из тика. Ну уж нет, теперь я окончательно перестал уважать этого парня, — с иронией заметил он. — Идем, Харри, время не ждет!

Следуя указаниям Лёкена, они быстро и методично обыскали весь дом. Харри сосредоточился на том, чтобы делать все как положено: запомнить, где лежали вещи до того, как он их сдвинул; не оставлять отпечатков на белых дверях; следить, нет ли кусочков скотча, когда он открывал ящики и шкафы. Прошло почти три часа, прежде чем они наконец уселись за кухонным столом. Лёкен нашел несколько журналов с детской порнографией и револьвер, из которого не стреляли уже много лет. Он сфотографировал находки.

— Этот тип очень торопился, — сказал он. — В его спальне стоят два пустых чемодана, туалетные принадлежности оставлены в ванной, а гардероб забит одеждой.

— Может, у него был третий чемодан? — пред-

положил Харри.

Лёкен взглянул на него с брезгливой снисходительностью. Словно видел перед собой усердного, но не слишком умелого новобранца, подумал Харри.

— Ни один мужчина не станет держать две сумки с туалетными принадлежностями, Холе.

Новобранец, подумал снова Харри.

— Остается еще одна комната, — продолжал Лёкен. — Запертый кабинет на втором этаже. Замок там — немецкий монстр, его никакая отмычка не берет.

С этими словами он достал из рюкзака лом.

— Я надеялся, что это не пригодится, — заявил Лёкен. — После нас в двери останется чудовищная дыра.

— Ничего страшного, — успокоил его Харри. — Похоже, я поставил его тапочки не на ту полку.

Лёкен хмыкнул.

Вместо того чтобы возиться с замком, они при помощи лома сняли дверь с петель. Харри утратил бдительность, и тяжелая дверь с грохотом упала внутрь. Они замерли, ожидая окрика охранника.

— Думаете, он что-то слышал? — спросил Харри.

— Не-а. В этом городе на одного жителя приходится столько децибелов, что на какой-то стук двери никто и внимания не обратит.

Лучи света от их фонариков забегали по стенам, как желтые тараканы.

Над письменным столом висел красно-белый флаг «Манчестер Юнайтед». Ниже красовался постер со всей командой. Под ним — герб Манчестера, тоже красно-белый, с парусником, вырезанным из дерева.

Свет фонаря остановился на фотографии. Она запечатлела мужчину с широкой улыбкой, массивным двойным подбородком и глазами навыкате, искрящимися весельем. Уве Клипра явно был из тех, кто любит посмеяться. Светлые кудри развевались на ветру. Похоже, снимок был сделан на борту судна.

— Все-таки он не похож на типичного педофила, — заметил Харри.

— Педофил редко обнаруживает себя, — сказал Лёкен.

Харри взглянул в его сторону, но его тут же ослепил фонарь.

— Что там такое?

Харри повернулся. Лёкен направил свет на стоящий в углу серый металлический шкафчик.

Харри моментально узнал его.

— Я должен был рассказать вам об этом, — заторопился он, довольный, что наконец-то тоже может сообщить что-то полезное. — Это магнитофон стоимостью в полмиллиона крон. Я видел такую же штуковину в кабинете у Брекке. На него записываются телефонные разговоры, причем запись и время изменить нельзя, так что и эти данные можно потом использовать в суде. Необходимая вещь, когда ты устно, по телефону, заключаешь миллионные сделки.

— Действительно необходимая, когда ты разговариваешь с людьми из самой коррумпированной отрасли в мире, да еще в самой коррумпированной стране, — подхватил Лёкен.

Харри быстро пролистал бумаги, лежащие на письменном столе. Перед ним были письма с логотипами и названиями японских и американских компаний, договоры, контракты, проекты соглашений и поправки к проектам. Во многих из них упоминалась фирма BERTS. Он обратил внимание на брошюру с названием «Барклай Таиланд». Оказалось, что это финансовый анализ компании «Пхуриделл». Он посветил фонариком. И вдруг замер, заметив кое-что на стене.

— Есть! Смотрите-ка, Лёкен. Должно быть, это

нож-близнец, о котором вы мне рассказывали.

Лёкен не слышал, повернувшись к нему спиной.

— Слышите, что я…

— Бежим отсюда, Харри. Немедленно.

Харри обернулся и увидел, что Лёкен светит фонарем на ящичек, висящий на стене: на нем мигала красная лампочка. И в тот же миг Харри словно ткнули в ухо вязальной спицей, — сирена взвыла так, что он почти оглох.

— Сигнализация с отложенным запуском! — выкрикнул Лёкен, готовясь дать деру. — Гасите фонарь!

Харри кубарем скатился вслед за ним по темной лестнице. Они рванули к боковой дверце, ведущей в гараж. Но едва Харри схватился за дверную ручку, как Лёкен остановил его:

— Подождите.

Снаружи послышались голоса и звяканье ключей.

— Они у главного входа, — сказал Лёкен.

— Так давайте выбираться отсюда!

— Нельзя, они заметят нас, если мы сейчас выйдем, — шепнул Лёкен. — А когда они войдут в дом, мы быстро сваливаем из гаража, ладно?

Харри кивнул в ответ. Полоска лунного света,

голубая от стеклянной мозаики над дверью, легла перед ними на пол.

— Что вы делаете?

Харри опустился на колени и подобрал с пола кусочки известки. Он не успел ответить, как распахнулась парадная дверь. Лёкен открыл дверь в гараж, и Харри выскочил вон. Пригнувшись, они рванули со всех ног через газон, и истерический вой сирены постепенно становился все слабее у них за спиной.

— Close call[34], — произнес Лёкен, когда они оказались по ту сторону стены.

Харри взглянул на него. В лунном свете сверкнул золотой зуб. Лёкен даже не запыхался.

---

[34] Примечания: 34
Опасная переделка *(англ.).*

Глава 40

Проводка перегорела, когда Харри сунул ножницы в розетку, поэтому они вновь сидели при неровном свете стеариновой свечи. Лёкен откупорил бутылку «Джима Бима».

— Что морщитесь, Холе? Запах не нравится?

— Запах тут ни при чем.

— А вкус?

— И вкус отличный. Мы с Джимом старые друзья.

— Понятно, — сказал Лёкен и опрокинул в себя рюмку. — Но теперь вы с ним не дружите?

— Говорят, он плохо на меня влияет.

— С кем же вы водите компанию теперь?

Харри поднял бутылку кока-колы.

— С американским культурным империализмом.

— Что, завязали?

— Осенью пил пиво.

Лёкен усмехнулся. Ласково и уверенно, как Эрик Бю в своей телепрограмме.

— Значит, вот как. А я-то думал, отчего это Торхус выбрал именно вас.

Харри понял, что ему сделали скрытый комплимент и что Торхус обычно выбирает гораздо больших идиотов. Что выбор объясняется чем-то иным, нежели тем, что он негодный полицейский.

Харри кивнул на бутылку.

— Что, заглушает тошноту?

Лёкен вопросительно посмотрел на него.

— То есть помогает на какое-то время забыть о работе? Забыть о мальчиках, о снимках, обо всем этом дерьме?

Лёкен выпил и налил еще. Сделав глоток, он отставил стакан и откинулся на спинку стула.

— Я прошел специальную подготовку, чтобы справляться с этой работой, Харри.

Харри слабо представлял себе такую подготовку.

— Я знаю, как они рассуждают, что ими движет, что доставляет им удовольствие, каким соблазнам они поддаются. — Лёкен достал свою трубку. — Я раскусил их уже очень давно.

Харри не знал, что сказать. И поэтому промолчал.

— Говорите, завязали? А вы способны на это, Холе? Вы умеете сказать «нет»? Как в той истории с сигаретами — принять решение и твердо на

нем стоять?

— Ну, в общем да, — ответил Харри. — Проблема только в том, что решения эти оказываются не всегда хорошими.

Лёкен снова усмехнулся. А Харри вспомнил старого друга, который усмехался точно так же. Друга он похоронил в Сиднее, но тот все равно регулярно являлся к Харри по ночам.

— Тогда мы с вами похожи, — сказал Лёкен. — Я ни разу в жизни не дотронулся до ребенка. Да, я мечтал, воображал себе это, до слез, но никогда в жизни этого не сделал. Понимаете меня?

Харри сглотнул. Его охватило смятение.

— Не знаю, сколько мне было лет, когда меня впервые изнасиловал мой отчим, но кажется, не больше пяти. Я рубанул его по ляжке топором, когда мне исполнилось тринадцать. Задел артерию, он потерял сознание и чуть не погиб. Но он выжил и стал калекой. Говорил всем, что произошло несчастье, что сам себя рубанул топором, когда колол дрова. Мы были квиты.

Лёкен поднял стакан и угрюмо посмотрел на коричневую жидкость.

— Вам, наверное, кажется, что это чистейший парадокс, — произнес он. — Но по статистике, дети, пережившие сексуальные домогательства,

чаще всего сами потом становятся насильниками, верно?

Харри скривился.

— Это правда, — продолжал Лёкен. — Педофилы хорошо знают, какие страдания они причиняют детям, ведь многие из них сами пережили в детстве и страх, и стыд, и чувство вины. Кстати, вам известно, что, по мнению многих психологов, есть близкое родство между либидо и влечением к смерти?

Харри покачал головой. Лёкен опрокинул стакан и перестал улыбаться.

— Это как укус вампира. Думаешь, что умер, а просыпаешься и сам делаешься вампиром. Бессмертным, с ненасытной жаждой крови.

— И с вечным стремлением к смерти?

— Вот именно.

— А что сделало вас иным?

— Все вообще иначе, Холе.

Лёкен набил трубку и положил ее на стол. Он снял с себя черный, под горло, свитер, его голый торс поблескивал от пота. Ладно сложенный, жилистый, он тем не менее был уже стар — обвисшая кожа, дряблые мышцы, — и наступит день, когда он должен будет умереть.

— Когда в моем шкафчике в Вардё нашли

журнал с детской порнографией, меня вызвал командир. Но мне повезло: к ответственности меня не привлекли, для серьезных подозрений не было повода, я всего лишь рассматривал картинки. Поэтому и в моем личном деле не появилось ничего, кроме записи об увольнении из ВВС. Благодаря работе в разведке я вошел в контакт с организацией, которая в то время называлась Special Services, — предшественницей ЦРУ. Они послали меня на обучение в Штаты, а потом направили в Корею, работать под прикрытием норвежского полевого госпиталя.

— И на кого вы работаете теперь?

Лёкен пожал плечами, показывая, что это не имеет значения.

— Вам не стыдно? — спросил Харри.

— Конечно, стыдно, — слабо улыбнулся Лёкен. — Каждый день стыдно. Это моя слабость.

— Тогда зачем вы рассказали мне все это? — поинтересовался Харри.

— Ну, во-первых, потому что я слишком стар, чтобы скрываться. Во-вторых, потому что мне некого принимать во внимание, кроме самого себя. И в-третьих, стыд — это ведь эмоции, а не логика. — Уголок его рта пополз вверх, и на лице появилась саркастическая усмешка. — Раньше я

даже выписывал «Archives of Sexual Behavior»[35], чтобы узнать, не определил ли какой ученый, что за монстр во мне сидит. Читал скорее из любопытства, чем от стыда. Там я увидел статью о монахе-педофиле из Швейцарии, который никогда не был ни в чем замешан, а потом заперся в комнате да и выпил рыбий жир с осколками стекла. Статью я бросил на середине, так и не дочитав до конца. Я предпочитаю оценивать себя как продукт воспитания и среды, но все же, несмотря ни на что, как человека морального. И намерен уживаться с самим собой, Холе.

— Но как же вы, будучи педофилом, занимаетесь сбором материалов по детской проституции? Вас ведь это заводит?

Лёкен задумчиво уставился на стол.

— Вы когда-нибудь мечтали изнасиловать женщину, Холе? Можете не отвечать, я все равно знаю, что мечтали. Но ведь это не значит, что вы действительно собираетесь кого-то изнасиловать? И это также не означает, что вы как полицейский не можете расследовать дела об изнасиловании, верно? Даже если вы в состоянии понять мужика, который потерял самообладание,

---

[35] Примечания: 35

«Материалы по сексуальному поведению» *(англ.),* научный журнал международной академии сексологии.

все равно это не играет особой роли. Изнасилование — это безумие. Оно противозаконно. И подобная сволочь понесет наказание.

Он опрокинул третий стакан. Бутылка опустела до этикетки.

Харри покачал головой.

— Извините, Лёкен, но мне трудно с вами согласиться. Вы покупаете детское порно, вы часть всего этого. Без таких, как вы, не существовало бы рынка подобных мерзостей.

— Вы правы, — сказал Лёкен, и взгляд его затуманился. — Я не святой. Правда, что я тоже поспособствовал этому миру превратиться в юдоль скорби. Чего же мне еще ответить? Как поется в песне: «Я такой же, как другие: дождь прошел, и я промок».

Харри вдруг ощутил себя таким же старым, как Лёкен. Старым и усталым.

— А что там с этими кусочками известки? — спросил Лёкен, слегка гнусавя.

— Просто совпадение. Я подумал, что они напоминают известковую пыль на отвертке, которую мы нашли в багажнике Мольнеса. Она желтоватая. Не чисто белая, как обычная известь. Хочу отдать эти кусочки на экспертизу и сравнить с пылью в машине посла.

— Что, в таком случае, это означает?

Харри пожал плечами:

— Никогда не знаешь заранее, что это может означать. Девяносто девять процентов информации, собранной в результате расследования, бесполезны. Надо только надеяться, что заметишь тот единственный процент, когда он окажется у тебя под носом.

— Пожалуй, верно, — сказал Лёкен и, закрыв глаза, откинулся на спинку стула.

Харри вышел на улицу и купил суп-лапшу с королевскими креветками у беззубого тайца в кепке с надписью «Ливерпуль». Продавец налил ему супу из черного котла в пластиковый пакет и завязал его узлом, обнажив десны. Вернувшись, Харри нашел на кухне две суповые тарелки. Он разбудил Лёкена, и они молча съели суп.

— Думаю, я знаю, кто отдал приказ о проведении расследования, — сказал наконец Харри.

Лёкен ничего не ответил.

— Я понимаю, почему вы не могли ждать, пока будет подписан договор с Таиландом. Дело срочное, верно? Вы спешили получить результаты и потому тайно начали слежку.

— Вы не сдаетесь?

— Какое это теперь имеет значение?

Лёкен подул на ложку с горячим супом.

— Требуется много времени, чтобы найти доказательства, — ответил он. — Может, целый год. Важнее всего было выиграть время.

— Я догадываюсь, что нет никакого письменного документа, в котором был бы назван инициатор расследования, так что Торхус останется в полном одиночестве, если дело затрещит по швам. Я прав?

Лёкен поднял перед собой ложку с креветкой и сказал, обращаясь к ней:

— Умные политики всегда заботятся о том, чтобы обезопасить себя, разве не так? Для выполнения грязной работы у них имеются заместители. А заместители не отдают приказов. Они лишь говорят какому-нибудь начальнику отдела, что тому надо сделать, чтобы продвинуться вверх по карьерной лестнице.

— Аскильсен?

Лёкен положил в рот креветку и молча принялся жевать.

— Что же посулили Торхусу за проведение операции? Должность замминистра?

— Не знаю. Мы не обсуждали подобные вещи.

— А как же начальник полиции? Она тоже рискует?

— Полагаю, она верный социал-демократ.

— Речь о политических амбициях?

— Возможно. А может быть, никто из них вовсе ничем таким и не рискует. То, что мой офис находится в том же здании, что и посольство, еще не означает…

— …что вы тоже в их платежной ведомости? Так на кого же вы работаете? Или вы внештатник?

Лёкен улыбнулся своему отражению в супе.

— Скажите, что случилось с вашей женщиной, Холе?

Харри растерянно уставился на него.

— Ну, с той, что бросила курить.

— Я уже рассказал вам об этом. Она уехала в Англию с музыкантом.

— А потом?

— Кто сказал, что было какое-то «потом»?

— Вы. Та интонация, с которой вы о ней рассказывали, — рассмеялся Лёкен, отложив ложку. — Давайте говорите, Холе. Она действительно бросила курить? Совсем?

— Нет, — тихо произнес Харри. — Тогда. Но теперь бросила. Совсем.

Он взглянул на бутылку «Джима Бима», закрыл глаза и попытался представить себе тепло от первого глотка.

Харри сидел до тех пор, пока Лёкен не уснул. Потом оттащил его на кровать, укрыл пледом и ушел, захлопнув дверь.

Консьерж в «Ривер-Гарден» тоже спал. Харри хотел было разбудить его, но передумал: всем надо поспать ночью, хотя бы немного. Под дверь квартиры было подсунуто письмо. Харри положил его, не распечатывая, на ночной столик вместе с остальными, а потом устроился у окна, глядя на баржу, беззвучно скользившую по воде под мостом Таксин-бридж.

Глава 41

Было уже почти десять, когда Харри входил в кабинет. В дверях он столкнулся с Нхо.

— Ты слышал?

— О чем?

— О распоряжении шефа полиции.

Харри покачал головой.

— Мы узнали об этом сегодня утром на летучке. Наше начальство успело пообщаться.

Лиз подскочила на стуле, когда Харри ввалился в кабинет без всяких формальностей.

— Доброе утро, Харри!

— Не особо. Лег спать только в пять утра. Слышал, расследование хотят свернуть?

Лиз вздохнула.

— Судя по всему, наши начальнички снова побеседовали. Твоя повела речь о нехватке бюджетных средств и кадров, а потому захотела немедленно вернуть тебя на рабочее место, тогда как наш осерчал, что мы проигнорировали еще парочку убийств, занимаясь этим делом. Разумеется, речь идет не о том, чтобы закрыть наше дело, а о том, чтобы не считать его приоритетным.

— И что дальше?

— А то, что мне отдан приказ проследить, чтобы через два-три дня ты уже сидел в самолете.

— И?

— Я отрапортовала, что все авиабилеты на январь, как обычно, распроданы и придется подождать как минимум неделю.

— Следовательно, у нас есть целая неделя?

— Нет, мне было заявлено, что, если нет дешевых билетов, надо лететь бизнес-классом.

Харри расхохотался:

— Черти! И они еще говорят о бюджете? А знаешь, они задергались.

Стул под Лиз заскрипел, когда она откинулась на его спинку.

— Хочешь обсудить это, Харри?

— А ты хочешь? — спросил он.

— Не знаю, хочу ли я, — ответила она. — О некоторых вещах лучше помолчать, не так ли?

— Почему же мы этого не делаем?

Она отвернулась, подняла жалюзи и выглянула в окно. Над ее гладкой макушкой лучи солнца образовали светящийся нимб.

— Тебе известно, сколько в среднем получает новобранец Министерства национальной полиции, Харри? Сто пятьдесят долларов в месяц. В

министерстве работает сто двадцать тысяч полицейских, которым надо кормить свои семьи, и мы не в состоянии платить им хорошую зарплату. Тебе не кажется естественным, что некоторые из них могут закрывать глаза на какие-то вещи, ради того чтобы получить прибавку?

— Нет, не кажется.

Она вздохнула.

— Лично я никогда не пренебрегаю служебными обязанностями. Никто не знает, как мне тоже бывают нужны лишние деньги, но я никогда не поступлюсь чем-то ради них. Мои слова, наверное, напоминают клятву скаутов, но кто-то же должен делать свою работу.

— А кроме того, ты несешь…

— …ответственность, да, — устало улыбнулась она. — Кто-то должен нести этот крест.

Харри начал рассказывать. Она принесла кофе, сообщила на коммутатор, чтобы ее не звали к телефону, записывала за Харри, принесла еще кофе, смотрела в потолок, ругалась последними словами и в конце концов сказала Харри, чтобы он уходил, потому что ей надо подумать.

Через час она снова вызвала его к себе. Кипя от ярости.

— Черт возьми, Харри, ты вообще понимаешь,

о чем меня просишь?

— Да. И вижу, ты тоже это поняла.

— Я рискую потерять работу, если соглашусь покрывать тебя и этого Лёкена.

— Будет мило с твоей стороны!

— Черт тебя побери!

Харри ухмыльнулся.

Дама, взявшая телефонную трубку в Торговой палате Бангкока, тотчас положила ее, едва Харри заговорил по-английски. Тогда он попросил Нхо перезвонить туда и произнес по буквам название, написанное на первой странице аналитического отчета, найденного в кабинете Клипры.

— Только узнай, чем они занимаются, кто владелец и все такое прочее.

Нхо вышел, а Харри некоторое время еще сидел, барабаня пальцами по столу, а потом сделал новый звонок.

— Холе, — ответили в трубке.

Харри знал, что отец называет их фамилию по привычке, представляясь от имени всего семейства. Словно мать все еще сидит в зеленом кресле в гостиной, вышивая или читая книгу. Харри даже показалось на мгновение, что она тоже участвует в этом разговоре.

Отец только что встал. Харри спросил, чем он

намерен заняться сегодня, и с удивлением услышал, что отец, оказывается, собрался ехать на дачу в Рауланн.

— Надо нарубить дров, — сказал он. — Дрова закончились.

Он не был на даче с тех самых пор, как умерла мать Харри.

— А как у тебя дела? — спросил отец.

— Все в порядке. Скоро вернусь домой. Как Сестрёныш?

— Она справляется. Но поваром ей не быть.

И они оба понимающе хихикнули. Харри представил себе, как выглядела кухня после того, как Сестрёныш приготовила воскресный обед.

— Ты должен привезти ей какой-нибудь подарок, — сказал отец.

— Куплю что-нибудь. Тебе-то что привезти?

Наступило молчание. Харри чертыхнулся про себя, зная, что оба они думают сейчас об одном и том же и что Харри не сможет привезти из Бангкока то, что хочет отец. Каждый раз то же самое: когда ему наконец казалось, что он разговорил отца, на самом деле тот опять вспоминал о покойнице и вновь уносился мыслями к ней, замыкался в своем добровольном молчаливом одиночестве. Хуже всего это переносила Сестрёныш, ведь они

с отцом всегда были «лучшими-прелучшими друзьями», как он сам говорил. И теперь, когда Харри нет рядом, она чувствовала себя вдвойне одинокой.

Отец кашлянул.

— Ты мог бы… мог бы привезти мне такую тайскую рубашку…

— Да?

— Да, это было бы здорово. И еще найковские кроссовки, они ведь вроде дешевые в Таиланде. Вчера я достал свои старые, они совсем развалились. Кстати, как ты сам, в форме? Сможешь совершить пробежку?

Положив трубку, Харри почувствовал, как к горлу подкатил комок.

Харри снова видел ее во сне. Ее развевающиеся рыжие волосы, ее спокойный, уверенный взгляд. Он ожидал, что дальше произойдет то же самое: из ее рта и глазниц начнут расти морские водоросли. Но этого не случилось.

— Это Йенс.

Харри понял, что спросонья схватил телефонную трубку.

— Йенс? — Странно, отчего это сердце забилось так часто. — Я смотрю, ты любишь звонить в неурочное время.

— Извини, Харри, но у нас неприятности. Руна пропала.

С Харри слетел всякий сон.

— Хильде не знает, что делать. Руна должна была быть дома к ужину, а сейчас три часа ночи. Я звонил в полицию, они известили патрульные машины, но я решил позвонить и тебе тоже.

— Зачем?

— Зачем? Не знаю. Не мог бы ты сюда приехать? Хильде сидит и рыдает.

Харри представил себе эту картину. У него не было никакого желания оказаться свидетелем всего остального.

— Послушай, Йенс, я мало чем смогу помочь сейчас. Дай ей успокоительного, если она не пьяна, и обзвони всех подружек Руны.

— В полиции сказали то же самое. Но Хильде говорит, что у дочери нет подружек.

— Вот черт!

— Что?

Харри сел на кровати. Все равно сон уже пропал.

— Извини. Я буду через час.

— Спасибо тебе, Харри.

Глава 42

Хильде Мольнес была слишком пьяна, чтобы поить ее успокоительным. И по правде говоря, слишком пьяна для чего бы то ни было, кроме дальнейшей выпивки.

Йенс, похоже, этого не замечал; он метался между кухней и гостиной, как затравленный кролик, поднося ей тоник со льдом.

Харри уселся на диван, рассеянно прислушиваясь к той чепухе, которую она несла.

— Она думает, случилось что-то ужасное, — проговорил Йенс.

— Скажи ей, что в восьмидесяти с лишним процентах подобные исчезновения завершаются тем, что пропавший возвращается домой живым и здоровым, — ответил ему Харри, словно его слова нуждались в переводе на ее нечленораздельный язык.

— Да я уже говорил. Но она все равно твердит, что с Руной кто-то расправился.

— Что за чушь!

Йенс присел на кончик стула, ломая пальцы. Похоже, он был совершенно растерян и глядел на

Харри почти умоляюще.

— Руна и Хильде ссорились в последнее время, и я подумал…

— …что она убежала из дому, чтобы досадить матери? Вполне возможно.

Хильде Мольнес закашлялась и зашевелилась. Ей удалось приподняться с дивана и хлебнуть еще джина. Тоник закончился.

— Вот какой она бывает, — сказал Йенс, словно ее тут не было.

И все же это она, констатировал Харри. Лежит себе, храпит с открытым ртом. Йенс посмотрел в ее сторону.

— Когда я ее впервые встретил, она сказала мне, что пьет тоник, чтобы не заболеть малярией. Ты ведь знаешь, в нем содержится хинин. Но он, дескать, такой невкусный без джина.

Он слабо усмехнулся и поднял телефонную трубку, проверяя, есть ли гудок.

— В случае, если она…

— Понимаю, — сказал Харри.

Они сели на террасе, прислушиваясь к городскому шуму. Сквозь транспортный гул пробивался рев компрессоров.

— Новый суперавтобан, — кивнул Йенс. — Вкалывают день и ночь. Трасса пройдет вон через

тот квартал, — и он показал рукой.

— Я слышал, что в проекте принимает участие один норвежец. Уве Клипра… Ты с ним знаком? — И Харри скосил глаза на Йенса.

— Уве Клипра, да, конечно же. Он крупнейший клиент в нашей брокерской конторе. Я провел с ним множество валютных операций.

— Вот как? Ты знаешь, чем он сейчас занимается?

— Чем занимается, тем занимается. Во всяком случае, он скупает массу компаний.

— Что за компании?

— По большей части мелкие подрядчики. Он прокладывает себе дорогу, чтобы подобраться к BERTS, скупая фирмы субпоставщиков.

— Это умный ход?

Йенс оживился, с радостью сменив тему разговора.

— Разумеется, пока его покупки финансируются. И пока фирмы не разорились, выполняя свои обязательства.

— А ты знаешь компанию под названием «Пхуриделл»?

— Ну конечно, — рассмеялся Йенс. — По поручению Клипры мы подготовили аналитический отчет и рекомендовали ему купить ее. Но откуда

ты, спрашивается, узнал про эту компанию?

— Рекомендация оказалась не вполне разумной, верно?

— Да… — растерянно протянул Йенс.

— Я тут вчера поручил кое-кому проверить «Пхуриделл», и выяснилось, что она практически банкрот, — сказал Харри.

— Это правда, но тебе-то что за дело до этого?

— Откровенно говоря, меня больше интересует Клипра. Ты немного в курсе того, чем он занимается. Насколько он пострадает от этого банкротства?

Йенс пожал плечами:

— Обычно ущерб в таком случае невелик, но под сделку с BERTS Клипра набрал столько кредитов, что все превратилось в карточный домик. Малейший ветерок — и вся конструкция рухнет, если ты понимаешь, что я имею в виду. Тогда Клипре конец.

— Итак, он покупает «Пхуриделл» по вашей, а вернее, твоей рекомендации. Проходит всего две недели, и фирма становится банкротом. Под ударом оказывается состояние Клипры, и все из-за совета одного-единственного брокера. Я не финансовый аналитик, но мне кажется, что какая-то пара недель — слишком малый срок.

Он должен был почувствовать, что ты продаешь ему подержанный автомобиль без мотора. И что бандиты вроде тебя должны сидеть за решеткой.

Похоже, до Йенса наконец дошли слова Харри.

— Значит, Уве Клипра мог… Чушь!

— Это всего лишь версия.

— Какая версия?

— Уве Клипра убил в мотеле посла и сделал так, чтобы подозрения пали на тебя.

Йенс поднялся.

— Ну, уж это действительно перебор, Харри.

— Сядь и послушай меня, Йенс.

Йенс со вздохом опустился на стул. Харри наклонился к столу.

— Уве Клипра ведь агрессивен, разве не так? Иными словами, он человек действия?

— Да, — помедлив, ответил Йенс.

— Возможно, Атле Мольнес имел что-то на Клипру и явился к нему с требованием денег, в то время как сам Клипра едва удерживался на плаву.

— Какое еще требование денег?

— Скажем только, что Мольнес нуждался в деньгах и на руках у него были материалы, крайне неприятные для нашего миллионера. Обычно Клипра умел выходить из подобных

ситуаций, но теперь шантаж был слишком серьезен, и он почувствовал себя крысой, загнанной в угол. Согласен?

Йенс кивнул.

— Они покинули дом Клипры в машине посла, поскольку Клипра настаивал, чтобы обмен компромата на деньги произвели в каком-нибудь более укромном месте. Надо думать, посол ничего не имел против. Я допускаю, что Клипра еще не успел подумать о тебе, когда выходил из машины, направляясь в свой банк, покуда посол поехал дальше, в мотель. Но Клипре надо попасть в мотель так, чтобы никто не заметил. И вот он начинает размышлять. И решает, что можно убить сразу двух зайцев. Ему известно, что посол встречался с тобой ранее этим же днем, значит, ты так или иначе окажешься в поле зрения полиции. И он тешит себя мыслью, что у этого славного малого, Брекке, не будет алиби на вечер.

— Но как он мог предположить такое заранее? — удивился Йенс.

— Да потому, что он сам накануне и заказал у тебя финансовый отчет. Он уже давно пользуется твоими услугами, так что ему было известно, как и когда именно ты работаешь. Может, он позвонил тебе в тот вечер в офис и убедился в том, что

ты отключил телефон: значит, никто не сможет подтвердить твое алиби. А потом он вошел во вкус и придумал, как заставить полицию поверить в то, что ты лжешь.

— Видеозапись?

— Поскольку ты постоянный советник Клипры по валютным операциям, он наверняка часто бывал у тебя и видел видеокамеры на парковке. Вероятно, Мольнес обмолвился, что ты спускался вместе с ним в паркинг, и Клипра смекнул, что ты скажешь это полиции. И что наиболее сообразительный из полицейских захочет проверить этот факт на видео.

— Получается, Уве Клипра сперва подкупил охранника, а потом сам же убил его при помощи синильной кислоты? Мне жаль, Харри, но трудно представить себе, что Уве Клипра договаривается с негром, потом покупает опиум и мажет его синильной кислотой у себя на кухне.

Харри достал из пачки последнюю сигарету, которую экономил, сколько мог. Взглянул на часы. Совершенно невероятно, чтобы Руна позвонила домой в пять часов утра. И все же он держал телефон в поле зрения. Йенс протянул ему зажигалку, прежде чем он успел достать свою.

— Спасибо. Тебе известно прошлое Клипры,

Йенс? Ты знал о том, что этот бандит приехал сюда недоучкой, что в действительности он бежал из Норвегии, скрываясь от дурных слухов?

— Что у него нет документов о высшем образовании, я знал. А вот остальное для меня новость.

— Ты же не думаешь, что такой беглец и аутсайдер особо щепетилен в выборе средств, чтобы выбиться в люди, особенно когда подобные средства более или менее общеприняты? Клипра более тридцати лет занимался самым коррумпированным бизнесом в одной из самых коррумпированных стран мира. Ты не слышал песню: «Я такой же, как другие: дождь прошел, и я промок»?

Йенс покачал головой.

— Я хочу сказать только то, что Клипра как бизнесмен играл по тем же правилам, что и все остальные. А эти люди тщательно следят, чтобы не испачкать рук, поэтому для грязной работы всегда используют других. Думаю, Клипра даже не догадывается, отчего умер Джим Лав.

Харри затянулся. Сигарета оказалась совсем не такая вкусная, как он себе воображал.

— Понимаю, — произнес в конце концов Йенс. — Только вот по поводу того банкротства: непонятно, почему он хотел обвинить во всем ме-

ня. Мы просто купили компанию у мультинационального концерна, который не ликвидировал ее долларовые долги, так как получал доходы от других дочерних компаний тоже в долларах.

— Значит, просто купили?

— Короче говоря, как только компания была выделена из концерна и перешла в руки к Клипре, ее долларовая экспозиция стала просто несусветной. Это все равно что бомба замедленного действия. Я просил его немедленно обеспечить долг, продав фьючерсы в долларах, но он ответил, что хочет подождать, мол, доллар слишком завышен. Даже при нормальном колебании валютного курса Клипра сильно рисковал. Но все оказалось еще хуже, чем можно было ожидать. В течение трех недель доллар вырос вдвое к таиландскому бату, и соответственно долги компании удвоились. И она обанкротилась, но не за три недели, а за три дня!

Хильде Мольнес вздрогнула при восклицании Йенса и что-то прогундосила во сне. Тот в беспокойстве повернулся к ней, дожидаясь, когда она перевернется на другой бок и снова захрапит.

— За три дня! — прошипел он и показал на пальцах «три».

— Следовательно, ты полагаешь, что для него

не было никакого резона взваливать всю вину на тебя?

Йенс покачал головой.

Харри затушил окурок.

— Исходя из того, что я знаю о Клипре, могу предположить, что слово «резон» в его лексикон не входит. Нельзя недооценивать иррациональную сторону человеческой натуры, Йенс.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда тебе надо забить гвоздь и ты попадаешь себе по пальцу, что ты швырнешь в стену?

— Молоток!

— Вот именно. Как тебе нравится быть молотком, Йенс Брекке?

В половине шестого Харри позвонил в Управление полиции, его соединяли с тремя сотрудниками, прежде чем ему удалось найти четвертого, который сносно говорил по-английски и смог сообщить, что они не имеют никаких сведений о пропавшей.

— Может, появится, — добавил полицейский.

— Это уж точно, — ответил Харри. — Думаю, она сейчас лежит в отеле и заказывает себе завтрак в номер.

— Что?

— Думаю, она… ладно, забудьте. Спасибо за

помощь.

Йенс проводил его до лестницы. Харри поднял голову к небу: уже светало.

— Когда все это закончится, я спрошу тебя об одной вещи, — сказал Йенс. Он вздохнул и беспомощно улыбнулся: — Хильде согласилась выйти за меня замуж, и мне нужен свидетель.

Прошло несколько секунд, прежде чем Харри понял, о чем речь. Он был так ошеломлен, что не знал, что сказать.

Йенс потупился, разглядывая свои ботинки.

— Знаю, это кажется странным: ведь мы вступаем в брак сразу после смерти ее мужа, но тому есть свои причины.

— Но я…

— …не так давно знаком со мной? Я знаю, Харри, но, если бы не ты, я сейчас не был бы на свободе. — Он поднял голову и улыбнулся. — Во всяком случае, подумай над моим предложением.

Когда Харри поймал на улице такси, над крышами домов на востоке уже загорелась заря. Смог, вместо того чтобы рассосаться за ночь, просто опустился и лег между домов. И теперь снова поднялся вместе с солнцем, оттеняя алый, величественный восход. Они ехали по Силом-роуд, и дорожные опоры отбрасывали длинные молча-

ливые тени на окрашенный кровавым цветом асфальт, словно спящие динозавры.

Харри сидел на кровати, уставившись на ночной столик. Ему только сейчас пришло в голову, что в письме от Руны могла быть какая-то информация. Он выдвинул ящик, достал ее последнее письмо и вскрыл его ключом от квартиры. Конверты были одинаковые, и поэтому он решил, что это точно письмо от Руны. Оно было напечатано на принтере, сжатое и лаконичное:

> Харри Холе. Я тебя вижу. Не приближайся. Она вернется домой целой и невредимой, когда ты сядешь в самолет. Я достану тебя повсюду. Ты одинок, очень одинок. Номер 20.

Его словно схватили за горло, и он даже вскочил, чтобы вдохнуть.

Этого не случится, подумал он. Не может случиться снова.

> Я вижу тебя. Номер 20.

Он знает все, что им известно. Черт!

> Ты одинок.

Идет утечка информации. Он схватил телефонную трубку, но тотчас положил ее на место. Думай, думай. Ву ничего не трогал. Он вновь схватил телефонную трубку и отвинтил крышку мембраны. Рядом с микрофоном была прикреплена крохотная черная штуковина, похожая на чип. Харри видел такие прежде. Это была русская модель, лучше тех, что применяли в ЦРУ.

Боль в ноге заглушила все остальные терзания, после того как он пнул ночной столик с такой силой, что тот с грохотом перевернулся.

Глава 43

Лиз поднесла чашку кофе к губам и так шумно отхлебнула, что Лёкен в недоумении воззрился на Харри, словно спрашивая, кого это он с собой привел. Они сидели в «Миллис караоке», с фотографии на стене на них жадным взглядом смотрела Мадонна с платиновыми волосами под развеселую музыку песни «I Just Called to Say I Love You»[36]. Харри в отчаянии нажал на пульт, чтобы уменьшить громкость. Они прочитали письмо и сидели в молчании. Харри нашел наконец нужную кнопку, и музыка резко оборвалась.

— Об этом я и хотел поговорить, — сказал Харри. — Как видите, в нашем кругу происходит утечка информации.

— А что с подслушивающим устройством, которое, по-вашему, установил на ваш аппарат Ву? — спросил Лёкен.

— Это все-таки не объясняет, каким образом тот тип узнал, что мы напали на его след. Предлагаю встречаться теперь только здесь. Если мы найдем

---

[36] Примечания: 36

«Я звонил, просто чтобы сказать, что люблю тебя» *(англ.)* — известная песня из репертуара Стиви Уандера.

информатора, то он, возможно, выведет нас на Клипру, однако я не думаю, что надо начинать с этого конца.

— Почему нет? — спросила Лиз.

— У меня такое ощущение, что информатор зашифрован так же основательно, как и Клипра.

— Вот как?

— Клипра знает, что тот ссылается в своем письме на сведения, полученные из наших источников. Чего никогда бы не сделал, будь у нас возможность вычислить, где происходит утечка.

— Почему бы тогда не задать вопрос, который вертится у всех на языке? — сказал Лёкен. — Откуда вам знать, что этот информатор — не один из нас?

— Я и не знаю об этом. Но если это так, мы все равно уже проиграли, и нам ничего не стоит рассмотреть и эту версию.

Оба его собеседника согласно кивнули в ответ.

— Излишне напоминать, что время работает против нас и что девушке грозит опасность. Семьдесят процентов подобных похищений заканчиваются убийством жертвы. — Харри старался говорить как можно спокойнее и не глядя на собеседников, уверенный, что по его глазам все можно прочесть.

— С чего начнем? — спросила Лиз.

— Начнем с того, что можно исключить, — ответил Харри. — Где точно *нет* девушки?

— Ну что же, раз девушка у похитителя, он вряд ли пересек границу Таиланда, — принялся рассуждать Лёкен. — И вряд ли остановился с ней в отеле.

— Скорее всего, ее держат в таком месте, где можно долго скрываться, — согласилась с ним Лиз.

— Он один? — спросил Харри.

— Клипра не принадлежит ни к одному местному клану, — ответила Лиз. — И он не связан с организованной преступностью, с теми, кто похищает людей. Конечно, он вполне может связаться с таким человеком, который способен убрать, к примеру, наркомана Джима Лава. Но совершенно другое дело — похитить белую девушку, дочь посла. Если он и попытался кого-то нанять, то точно обратился к профессионалам, а те никогда не согласятся, не просчитав риски. И в данном случае они наверняка понимали, что если возьмутся за эту работу, то на них ополчится вся полиция страны.

— Значит, ты думаешь, он действует в одиночку?

— Он не принадлежит ни к одному клану. Их члены связаны между собой лояльностью и традициями. Значит, Клипра мог нанять только подобных же одиночек, но на таких нельзя полностью положиться. Рано или поздно они обнаружат, для чего он похитил девушку, и попробуют использовать это против него самого. Убийство Джима Лава подтверждает, что Клипра захочет уничтожить все следы, ведущие к нему.

— Допустим, он действует в одиночку. А место, где он прячет девушку?

— Куча вариантов, — сказала Лиз. — Его компаниям принадлежит уйма недвижимости, какая-то часть зданий наверняка пустует.

Лёкен закашлялся, отдышался и сглотнул.

— Я давно подозревал, что у Клипры есть любовное гнездышко. Временами он сажал к себе в машину одного-двух мальчиков и исчезал с ними до следующего утра. Но мне так и не удалось выследить, куда именно он ездил; во всяком случае, не в зарегистрированные на него объекты недвижимости. Тем не менее совершенно ясно, что это должно быть укромное местечко неподалеку от Бангкока.

— Мы можем идентифицировать кого-нибудь из его мальчиков и допросить? — поинтересо-

вался Харри.

Лёкен пожал плечами, взглянув на Лиз.

— Бангкок — город большой, — ответил он. — И как правило, все эти мальчики растворяются в нем без следа, едва мы начинаем искать их. Кроме того, нам придется втянуть в это дело массу других людей.

— Даже и думать нечего, — произнес Харри. — Нельзя допустить, чтобы наши действия стали известны Клипре.

Харри побарабанил ручкой по краешку стола. К своему раздражению, он заметил, что в голове у него по-прежнему крутится мотив «I Just Called to Say I Love You».

— Подведем итоги. Мы исходим из того, что Клипра действовал в одиночку, похитив девушку, и что он находится в укромном месте неподалеку от Бангкока.

— Что будем делать? — спросил Лёкен.

— Прокачусь в Паттайю, — заявил Харри.

Руал Борк стоял у входа, когда Харри остановил свою «тойоту» прямо перед его домом. Пылища вновь улеглась на дорогу, пока Харри сражался с ремнем безопасности и ключом зажигания. И как обычно, оказался не готов к раскаленному воздуху, пыхнувшему в лицо, едва он открыл дверь

машины, так что перехватило дух. Воздух чуть отдавал солью, поскольку прямо за пологими холмами находилось море.

— Я услышал, как вы подъехали, — сказал Борк. — Ничего себе тачка.

— Я взял напрокат самую огромную, — ответил Харри. — Потому что заметил: это дает преимущество при проезде. Слишком длинные пробки, а всякие психи едут по левой стороне.

Борк захохотал.

— Вы нашли новое шоссе, о котором я рассказывал?

— Да. Только оно еще не готово и в некоторых местах перегорожено кучами песка. Но все ехали прямо через них, и я тоже проехал.

— Это как водится, — заметил Борк. — Вроде и не запрет, но и не разрешение. Ну разве можно не влюбиться в эту страну?

Сняв обувь, они вошли в дом. Холодный каменный пол сразу остудил босые ноги Харри. В комнате висели фотографии Фритьофа Нансена, Хенрика Ибсена и королевской семьи. На комоде стояло фото мальчика, улыбавшегося прямо в камеру. На вид ему можно было дать лет десять, под мышкой он держал футбольный мяч. На обеденном столе и на пианино были разложены

бумаги и газеты, связанные в аккуратные пачки.

— Пытаюсь сложить архив собственной жизни, — пояснил Борк. — Разобраться, что к чему. — Он указал рукой на одну пачку. — Вот все бумаги, касающиеся бракоразводного процесса. Смотрю на них и стараюсь вспомнить, как все было.

Вошла девушка с подносом. Харри попробовал принесенный кофе и вопросительно взглянул на нее, обнаружив, что напиток просто ледяной.

— Вы женаты, Холе? — спросил Борк.

Харри покачал головой.

— Молодец. Держитесь от этого подальше. Рано или поздно ваши домочадцы захотят вас извести. У меня жена, которая меня разоряла, и взрослый сын, пытающийся делать же самое. И я никак не могу понять, что я им такого сделал.

— Как вы здесь оказались? — спросил Харри, отхлебнув еще кофе. Пожалуй, даже приятного на вкус.

— Я работал здесь на Норвежское управление связи, когда оно строило пару станций для таиландских телефонных компаний. После третьей командировки я не вернулся домой.

— Решили остаться тут навсегда?

— Я уже развелся, а здесь у меня было все, что нужно. Некоторое время я тосковал по

норвежскому лету, фьордам и горам — ну, вы понимаете. — Он кивнул на фотографии, словно те говорили сами за себя. — Потом я дважды приезжал в Норвегию и оба раза через неделю возвращался сюда. Не выдерживал, снова начинал скучать по Таиланду, едва моя нога ступала на норвежскую землю. И я понял, что мой дом — здесь.

— Чем же вы занимаетесь?

— Мне скоро на пенсию, а пока занимаюсь консалтингом в телефонной отрасли, работаю помаленьку. Я пробовал подсчитать, сколько мне еще осталось и сколько денег я успею за это время потратить. Чтобы этим грифам ни гроша не оставить. — Он засмеялся, махнув рукой в сторону пачки с бумагами о разводе, словно отгоняя от себя дурной запах.

— А что Уве Клипра? Почему он все еще здесь?

— Клипра-то? Думаю, его история похожа на мою. Никому из нас неохота возвращаться назад.

— У Клипры как раз наоборот: есть причины, чтобы не возвращаться.

— Понимаю, о чем вы, — сказал Борк. — Все это чепуха. Если бы Уве был замешан в чем-то подобном, я никогда не имел бы с ним никаких дел.

— Вы в этом уверены?

Глаза Борка сверкнули.

— Здесь было несколько норвежцев, которые приехали в Паттайю по нехорошим причинам. Вам известно, что я в своем роде патриарх норвежской колонии в Бангкоке, и мы ощущаем ответственность за поведение наших соотечественников. Большинство из нас люди приличные, и мы делаем все как полагается. Но эти чертовы педофилы так подпортили репутацию Паттайи, что многие норвежцы начали врать, будто живут в других районах — в Наклуа или Джомтьене.

— «Как полагается» — это как?

— Двум педофилам пришлось уехать отсюда домой, а один так и пропал.

— Может, он выпал из окна? — предположил Харри.

Борк оглушительно захохотал:

— Нет, так далеко мы не заходим. Думаю, в местную полицию позвонил аноним и сообщил информацию по-тайски с нурланнским акцентом.

Харри усмехнулся.

— Ваш сын? — кивнул он на комод.

Борк, слегка нахмурившись, кивнул.

— Славный парень!

— Был когда-то.

Борк грустно улыбнулся и повторил:

— Был.

Харри взглянул на часы. Поездка сюда из Бангкока заняла почти три часа, но ехал-то он еле-еле, пока не освоился на дороге уже на последних милях. Надо бы вернуться в начале третьего. Он достал из папки три снимка и разложил их на столе. Лёкен увеличил их, чтобы кадры выглядели еще более шокирующими.

— Мы думаем, что Уве Клипра скрывается в окрестностях Бангкока. Вы поможете нам?

Глава 44

Голос Сестрёныша в телефонной трубке звучал радостно. Она встретила парня, его зовут Андерс. Он только что тоже переехал в Согн и младше ее на год.

— И он тоже носит очки. Но они его не портят, он просто красавец.

Харри засмеялся, представив себе Сестрёныша и ее нового Эйнштейна.

— Он совсем сумасшедший. Считает, что нам надо будет завести детей. Только подумай!

Харри подумал и решил, что теперь разговаривать будет все труднее и труднее. Но сейчас он был счастлив, что его Сестрёныш довольна.

— А почему ты грустный? — спросила она без всякого перехода.

— Разве я грустный? — удивился Харри, прекрасно сознавая, что она чувствует его настроение лучше его самого.

— Да, ты чем-то огорчен. Это из-за той шведки?

— Нет, не из-за Биргитты. Меня действительно кое-что огорчает, но вскоре все наладится. Я все устрою.

— Вот и здорово.

Возникла пауза. Сестрёныш молчала. Харри решил было, что пора прощаться.

— Знаешь, Харри…

— Что, Сестрёныш?

Она помолчала.

— Как ты думаешь, мы можем забыть о том, что случилось?

— О чем?

— Ну, о том происшествии, с тем человеком. Мы с Андерсом… нам так хорошо вдвоем. И мне больше не хочется вспоминать о прошлом.

Харри умолк, затаив дыхание.

— Он тебя порезал, Сестрёныш.

В трубке раздались рыдания.

— Знаю. Не надо мне повторять. Я не хочу больше думать об этом.

Она продолжала всхлипывать, и Харри почувствовал, как у него сжалось сердце.

— Ну пожалуйста, Харри!

Он стиснул телефонную трубку.

— Не думай об этом. Не думай, Сестрёныш. Все будет хорошо.

Они лежали в высоких зарослях тростника почти два часа, ожидая сумерек. В ста метрах от них, на окраине рощицы, стоял небольшой дом,

выстроенный в традиционном тайском стиле, из дерева и бамбука, с открытым патио посередине. Ворот не было, к входной двери вела гравийная дорожка. Перед входом находилось что-то вроде разноцветной птичьей клетки на столбике. Это был пхра пхум, домик духов, защищающий жилище от злых сил.

— Хозяин строит такой отдельный домик для злых духов, чтобы они не поселились в его собственном доме, — пояснила Лиз и потянулась. — Он обязан жертвовать им еду, курево и все такое прочее, чтобы они не разгневались.

— Этого достаточно?

— Похоже, что нет.

Они не замечали ни малейших признаков жизни. Харри пытался думать о чем-нибудь другом, чтобы отвлечься от того, что может происходить там, внутри. Сюда из Бангкока они доехали всего за час, но казалось, будто они очутились в другом мире. Машину они оставили за хижиной у дороги, рядом с закутом для свиней, и пошли по тропинке, ведущей вверх по крутому лесистому склону к плато, где, по словам Руала Борка, находился домик Клипры. Лес так и светился зеленью, над ними раскинулось синее небо, и птицы всех цветов радуги порхали над Харри, который, лежа

на спине, прислушивался к тишине вокруг. Поначалу ему казалось, будто у него заложило уши, пока он не сообразил, что впервые с тех пор, как покинул Осло, очутился в таком тихом месте.

Но с наступлением темноты тишина была нарушена. Повсюду нарастало гудение, жужжание, словно симфонический оркестр настраивал инструменты. И наконец начался концерт: кваканье и кудахтанье пошло крещендо, к нему присоединился вой и пронзительный, душераздирающий крик в верхушках деревьев.

— А что, эти животные были здесь все это время? — полюбопытствовал Харри.

— И не спрашивай, — отмахнулась Лиз. — Я городской житель.

Харри ощутил чье-то холодное прикосновение к своей коже и тотчас схватился за это место рукой.

Лёкен хмыкнул.

— Это просто лягушки вылезли на вечернюю прогулку, — сказал он.

И действительно, вскоре вокруг них запрыгало множество лягушек.

— Еще хорошо, что пока здесь пасутся только лягушки, — произнес Харри.

— Лягушка тоже еда, — продолжал Лёкен, натя-

нув черную шапочку на голову. — Где лягушки, там и змеи.

— Это шутка?

Лёкен лишь пожал плечами в ответ.

У Харри пропала всякая охота задавать вопросы, но он не удержался:

— Что за змеи?

— Пять-шесть видов кобр, зеленая гадюка, гадюка Рассела плюс разные другие. Говорят, кстати, что из тридцати видов змей, которые водятся в Таиланде, двадцать шесть ядовиты.

— Вот черт! — вырвалось у Харри. — Как же узнать, какая из них окажется ядовитой?

Лёкен вновь посмотрел на него с сожалением, как на салагу:

— Харри, исходить надо из того, что любая из них ядовитая.

Часы показывали восемь.

— Я готова, — в нетерпении произнесла Лиз и в третий раз проверила, заряжен ли ее «смит-вессон».

— Боишься? — спросил Лёкен.

Все трое уже перешли на «ты».

— Боюсь, что мы не успеем провернуть всю операцию до того, как о ней узнает начальник полиции, — ответила она. — Знаешь, какова

средняя продолжительность жизни дорожного патрульного в Бангкоке?

Лёкен положил ей руку на плечо:

— О'кей. Вперед.

Лиз, пригнувшись, побежала через высокую траву и исчезла в темноте.

Лёкен следил за домом в ночной бинокль, а Харри держал фасад под прицелом гигантской винтовки, которую раздобыла ему Лиз с оружейного склада в полиции вместе с пистолетом «Ругер SP-101», который пришлось засунуть в непривычную набедренную кобуру, поскольку в стране, где не носят пиджаков, наплечная кобура — вещь не самая практичная. В небе стояла полная луна, и в ее свете он различал темные прямоугольники окон и дверей.

Лиз подала условный сигнал фонариком, показывая, что заняла позицию под одним из окон.

— Твоя очередь, Харри, — проговорил Лёкен, видя, что тот замешкался.

— Черт возьми, зачем надо было рассказывать про змей? — буркнул Харри, проверяя нож на поясе.

— Ты их не любишь?

— Ну, те немногие, которых я встретил, произвели на меня плохое впечатление.

— Если укусит, постарайся схватить змею, тогда у тебя будет сыворотка. Ничего, если даже укусит еще раз.

Харри не разглядел в темноте, смеется Лёкен или нет, но догадался, что тот опять шутит.

Он рванул к дому, выраставшему перед ним из темноты. Ему даже показалось, что, пока он бежал, голова дракона с разинутой пастью на коньке крыши пришла в движение. Однако в самом доме будто все вымерло. Кувалда в рюкзаке колотила по спине. Харри и думать забыл про змей.

Он подскочил ко второму окну, подал сигнал Лёкену и уселся на землю. Давно он уже так не бегал, сердце прямо выпрыгивало из груди. Рядом послышалось чье-то легкое дыхание. Это был Лёкен.

Харри предложил пустить в дом слезоточивый газ, но Лёкен отверг эту идею. В такой темноте газ создал бы дополнительные помехи им самим. А потом, у них не было никаких оснований полагать, что Клипра сидит и ждет их, приставив нож к горлу Руны.

Лёкен показал Харри кулак, что означало начало штурма.

Харри кивнул в ответ и почувствовал, как у

него пересохло во рту — верный признак подскочившего адреналина. Он сжал в руке пистолет. Проверил дверь, прежде чем Лёкен занес кувалду.

Свет луны блеснул на металле — и в этот миг Ивар выглядел как подающий игрок на теннисном корте, а потом кувалда со всей силы опустилась на дверной замок.

В следующее мгновение Харри очутился внутри и посветил фонариком в комнате. Он тут же увидел ее, но луч света побежал дальше по стенам, словно сам по себе. Кухонные полки, холодильник, скамья, распятие. Он больше не слышал ночных зверей и птиц, в его ушах звучал скрежет цепей, плеск волн о борт яхты на пристани в Сиднее, крики чаек, потому что Биргитта лежала на палубе и была мертва.

Стол, вокруг четыре стула, шкаф, две бутылки пива, мужчина на полу, неподвижный, лужа крови у его головы, его рука в ее волосах, под стулом пистолет, на стене картина с фруктами на блюде и пустой вазой. Натюрморт. Неподвижная жизнь. Nature morte. Свет фонаря упал на лицо девушки, и он увидел снова: ножка стола и ладонь, обращенная вверх. Вспомнил ее голос: «Чувствуешь? Ты обретешь вечную жизнь!» Словно она

пыталась собрать остатки энергии в последнем протесте против смерти. Дверь, морозильник, зеркало. Прежде чем ослепнуть, он увидел сам себя: фигура в черном, черная шапочка на голове. Вид палача. Харри уронил фонарик.

— Как ты? — спросила Лиз, положив руку ему на плечо.

Он хотел ответить, открыл рот, но не издал ни звука.

— Это действительно Уве Клипра, — сказал Лёкен. Он присел на корточки возле убитого, голая лампочка на потолке освещала сцену. — Странно. Я месяцами выслеживал этого парня.

Он положил руку ему на лоб.

— Не трогай!

Харри схватил Лёкена за шиворот.

— Не…

И так же быстро отпустил его.

— Прости, я… только не бери ничего. Не сейчас.

Лёкен лишь молча взглянул на него. Между безволосых бровей Лиз залегла глубокая морщинка.

— Харри, ты как?

Он опустился на стул.

— Все закончилось, Харри. Я устала, мы все устали, но все уже позади.

Харри только покачал головой.

— Ты хочешь что-то сказать мне, Харри?

Она наклонилась к нему и положила свою большую горячую ладонь ему на лоб. Так делала когда-то его мать. Черт.

Он вскочил со стула и выбежал вон. Лиз и Лёкен о чем-то тихо переговаривались в комнате. Он посмотрел на небо, ища хоть одну звезду, но не мог отыскать ни единой.

Время близилось к полуночи, когда Харри позвонил в дверь. Открыла Хильде Мольнес. Он смотрел в пол — забыл предупредить по телефону, что придет, — и теперь слышал по ее дыханию, что она вот-вот разрыдается.

Они вошли в комнату и сели. Бутылки с джином не было видно, и хозяйка выглядела трезвой. Она вытерла слезы.

— Знаете, она хотела стать прыгуньей с трамплина.

Он кивнул.

— Но ей не разрешали участвовать в обычных соревнованиях. Судьи не знали, как ее оценивать. Некоторые считали, что отсутствие одной руки — преимущество при нырянии и что это не по правилам.

— Мне жаль, — сказал наконец Харри.

Это были его первые слова с момента прихода.

— Она не знала об этом, — продолжала Хильде. — Если бы знала, то не разговаривала бы со мной так.

Ее лицо сморщилось, она всхлипнула, и слезы ручьями потекли по морщинкам вокруг рта.

— О чем не знала, фру Мольнес?

— О том, что я больна! — вскрикнула та, закрыв лицо руками.

— Больна?

— Зачем же, вы думаете, я глушу себя алкоголем? Мое тело уже сожрала болезнь, осталась гнилая ткань из мертвых клеток.

Харри молчал.

— Я собиралась рассказать ей об этом, — прошептала она сквозь прижатые ко рту пальцы. — Что врачи дали мне шесть месяцев. Но никак не могла найти хорошего момента.

Голос ее звучал еле слышно.

— Хороших моментов больше нет.

Не в силах сидеть, Харри подошел к огромному окну, выходящему в сад, избегая смотреть на семейные фотографии, развешанные по стенам, поскольку знал, на ком остановится его взгляд. Лунный свет играл на поверхности бассейна.

— Вам звонили люди, которым ваш муж задол-

жал денег?

Фру Мольнес опустила руки. Глаза ее покраснели.

— Звонили, но с ними разговаривал Йенс. С тех пор я ничего не слышала.

— Значит, он позаботился об этом?

Зачем он спросил именно сейчас? Возможно, это попытка утешить ее, напомнить, что о ней есть кому позаботиться.

Она молча кивнула.

— И теперь вы поженитесь?

— А вы против?

— Нет, почему я должен быть против? — Харри повернулся к ней.

— Руна… — Она не могла говорить, слезы снова заструились по ее щекам. — Я видела в жизни мало любви, Холе. Каких-то несколько месяцев счастья — и наступает конец. Почему она не могла позволить мне любить?

Харри смотрел, как на поверхности бассейна плавает лепесток цветка. И вспомнил о баржах из Малайзии.

— Вы его любите, фру Мольнес?

В наступившей тишине ему почудился рев слонов.

— Люблю? Какое это имеет значение? Мне

достаточно воображать, будто я люблю его, и я думаю, что полюбила бы кого угодно, лишь бы он любил меня. Понимаете?

Харри посмотрел на бар. До него было три шага. Сделать три шага, взять два кусочка льда и бокал. Он закрыл глаза и представил себе, как кусочки льда, звеня, танцуют в бокале, как бокал наполняет коричневая жидкость и как к спиртному с шипением примешивается содовая.

Глава 45

Было уже семь часов утра, когда Харри вернулся на место преступления. В пять он утратил всякую надежду поспать, оделся и сел в прокатную машину, по-прежнему стоящую в гараже. В доме никого не было, следственная группа завершила работу еще ночью, теперь она вернется только через час. Он приподнял оранжевую заградительную ленточку и вошел в дом.

При дневном свете здесь все выглядело иначе, мирно и прибранно. И лишь следы крови и нарисованные мелом контуры двух тел на шершавом деревянном полу свидетельствовали о том, что это та самая комната, в которой он был накануне вечером.

Полицейские не нашли ни писем, ни чего-либо еще, что объясняло бы случившееся. Почему Уве Клипра застрелил девушку и потом покончил с собой? Может, он понял, что проиграл? В таком случае почему бы не отпустить ее? А может, все произошло чисто случайно и он застрелил ее при попытке к бегству или же она чем-то вывела его из себя? И потом застрелился сам? Харри почесал

в затылке.

Он смотрел на меловые контуры ее фигуры и следы крови. Ее застрелили в шею, из пистолета: они нашли его — «дан-вессон». Пуля прошла навылет, задев артерию, и кровь успела залить кухонную мойку, прежде чем сердце остановилось. Врач сказал, что она моментально потеряла сознание, так как в мозг перестал поступать кислород, и умерла после трех-четырех ударов сердца. Дыра в оконном стекле позволяла рассчитывать, где стоял Клипра, когда стрелял в девушку. Харри встал на меловой контур тела Клипры. Угол совпадал.

Он уставился на пол.

Черная запекшаяся кровь венчиком окружала то место, где лежала его голова. Это все. Он выстрелил себе в рот. Харри увидел, что полицейские отметили мелом на бамбуковой стене место, куда вошла пуля. Он мысленно представил себе, как Клипра падал на пол, повернув голову в сторону девушки, может прикинув, где она находится, прежде чем спустить курок.

Харри зашел с другой стороны стены и нашел там дырку от пули. Посмотрел в нее и увидел картину на противоположной стене. Натюрморт. Странно, по идее, он должен был увидеть мело-

вой контур тела Клипры на полу. Он продолжил осмотр во дворе, где они накануне прятались в высокой траве. Громко топая, чтобы распугать всяких ползучих гадов, подошел к домику духов. Внутри восседал миниатюрный улыбающийся Будда, выставив вперед круглый животик, рядом стояла вазочка с увядшими цветами и лежали четыре сигареты с фильтром, а также пара свечных огарков. Белый скол по заднему краю статуэтки показывал, куда вошла пуля. Харри достал свой швейцарский нож и выковырял деформированный кусочек свинца. Потом оглянулся на дом. Траектория почти горизонтальная. Клипра, разумеется, стоял, когда стрелял в себя. Почему же решили, что он лежал?

Харри вернулся в дом. Что-то не склеивалось. Все выглядело так чисто и аккуратно. Он распахнул холодильник. Пусто, никаких продуктов для двух человек. Когда он заглянул в стенной шкаф, оттуда вывалился пылесос и больно ударил по большому пальцу ноги. Чертыхнувшись, Харри затолкал пылесос обратно, но тот снова выкатился прямо на него, прежде чем он успел закрыть дверь. Тогда Харри заглянул внутрь шкафа и обнаружил там крюк, на котором должен был висеть пылесос.

Система, подумал он. Здесь во всем система и порядок. А кто-то действовал тут беспорядочно.

Отодвинув в сторону пивные бутылки, он открыл морозильник. Там лежало бледно-розовое мясо. Без всякой упаковки, большими кусками, кое-где даже скопилась подтекшая кровь. Он взял один кусок и внимательно изучил его, проклиная свою кошмарную фантазию. Мясо выглядело как самая обычная свинина.

Он обернулся, услышав за спиной какие-то звуки. В дверях появилась фигура. Лёкен.

— Вот черт, ну и напугал же ты меня, Харри. Я был уверен, что тут никого нет. Что ты здесь делаешь?

— Да так, ничего. Осматриваюсь. А ты?

— Хотел проверить, нет ли здесь каких-нибудь бумаг, которые мы можем приобщить к делу о педофилии.

— А зачем? Дело закрыто, раз этот человек мертв.

Лёкен пожал плечами.

— Нам нужны веские доказательства того, что мы действовали правильно, поскольку теперь наше расследование станет всем известно.

Харри присмотрелся к Лёкену повнимательнее. Кажется, он напряжен?

— Господи, да у тебя же есть фотографии! Что может быть лучше этих доказательств?

Лёкен улыбнулся, но не так широко, как обычно: золотой зуб у него во рту не сверкнул.

— Наверное, ты прав, Харри. Я просто боязливый старик, который хочет стопроцентной надежности. Ты что-нибудь нашел?

— Только вот это, — сказал Харри и показал ему свинцовую пулю.

— Гм, — произнес Лёкен, внимательно изучая ее. — Где ты ее взял?

— В домике духов, во дворе. И теперь концы с концами не сходятся.

— Почему?

— Это означает, что Клипра должен был выстрелить в себя стоя.

— И что же?

— Тогда его кровь залила бы весь кухонный пол. Но кровь мы нашли только вокруг его головы, там, где он лежал. И даже там ее очень немного.

Лёкен зажал пулю между кончиками пальцев.

— Ты что, не знаешь о вакуумном эффекте при выстреле в рот?

— А что это?

— Когда жертва выдыхает воздух из легких и берет в рот дуло пистолета, может возникнуть

вакуум, а в результате кровь, вместо того чтобы вытекать из раны, стекает в рот. Оттуда она течет в желудок, оставляя такие вот загадки.

Харри скептически посмотрел на Лёкена:

— Никогда не слышал!

— Странно, что человек в свои тридцать с небольшим не знает всего на свете! — усмехнулся Лёкен.

Позвонила Тонье Виг и рассказала, что все крупные норвежские газеты обрывают телефоны посольства, а наиболее кровожадные из них уже заявили, что отправляют своих корреспондентов в Бангкок. Норвежских газетчиков в первую очередь волновала гибель дочери только что умершего посла. Имя Уве Клипры, несмотря на его положение в Бангкоке, норвежцам мало что говорило. Разумеется, «Капитал» пару лет назад публиковал интервью с ним, но с тех пор ни Пер Столе Лённинг, ни Анне Грусволл не приглашали его в студию, и лишь очень немногие знали, кто это такой.

«Дочь посла» и «неизвестный норвежский магнат» описывались в газетах как жертвы, которых застрелили взломщики или бандиты.

Таиландские газеты, напротив, публиковали на первых полосах фотографии Клипры. Жур-

налист из «Бангкок пост», кроме того, подверг сомнению версию полиции о краже со взломом. Он написал, что не исключено, что Руну Мольнес убил Клипра, а потом покончил с собой. В газете строились всевозможные прогнозы и о том, как повлияет это дело на проект BERTS. Что весьма впечатлило Харри.

Вместе с тем пресса обеих стран жаловалась, что таиландская полиция сообщила им крайне скудную информацию.

Харри подрулил к воротам дома Клипры и посигналил. Ему все больше нравилась его машина, «тойота-джип». Вышел охранник, и Харри опустил стекло:

— Я из полиции, я вам уже звонил.

Охранник пристально оглядел его — служба обязывает! — и открыл ворота.

— А входную дверь не откроете? — спросил Харри.

Охранник вскочил на подножку, и Харри ощутил на себе его взгляд. Машину он поставил в гараже. Охранник бренчал связкой ключей.

— Главный вход с другой стороны, — сказал он, и Харри чуть было не проговорился, что сам знает. Вставив ключ в замок, охранник вдруг повернулся к Харри и спросил: — Я не видел вас

раньше, сэл?

Харри улыбнулся. Как он узнал? Запах лосьона после бритья? Или мыла? Говорят же, что запах запоминается лучше остальных чувственных впечатлений.

— Вряд ли.

Охранник улыбнулся в ответ:

— Простите, сэл. Наверное, перепутал. Я плохо различаю фарангов.

Харри закатил глаза, но вдруг его осенило:

— Скажите-ка, а вы не помните синюю посольскую машину, которая приехала сюда сразу перед отъездом Клипры?

— Машину я помню хорошо. В ней тоже был фаранг, — кивнул охранник.

— Как он выглядел?

— Я же говорю… — засмеялся охранник.

— Во что он был одет?

Тот покачал головой.

— В костюм?

— Думаю, что да.

— В желтый костюм? Желтый, как цыпленок?

Охранник наморщил лоб:

— Как цыпленок? А что, бывают такие костюмы?

— Изредка встречаются, — пожал плечами

Харри.

Он стоял в коридоре, где они с Лёкеном уже бывали, и смотрел на маленькую круглую дырку в стене. Будто кто-то пытался повесить здесь картину, но так и не сумел. А может, здесь было что-то другое.

Он поднялся в кабинет, пролистал бумаги, включил компьютер, просто так. Выскочил запрос пароля. Харри попытался набрать «МАН Ю». Incorrect. Неверно.

Учтивый язык, этот английский.

«OLD TRAFFORD». Снова неверно.

Последняя попытка — и ему автоматически откажут в доступе. Харри обвел взглядом комнату, словно ища подсказки. Какой пароль он сам использовал? Он хмыкнул. Ну конечно же. Самый распространенный пароль в Норвегии. И он аккуратно набрал слово «PASSWORD»[37], а потом нажал Enter.

Компьютер помедлил. Потом монитор погас, и на нем появилось черно-белое и уже не столь учтивое сообщение о том, что доступ ему запрещен.

— Вот черт!

---

[37] Примечания: 37
«Пароль» *(англ.).*

Харри попытался перезапустить компьютер, но экран монитора оставался пуст.

Тогда Харри порылся в бумагах и нашел недавно составленный список акционеров «Пхуриделла». Три процента акций принадлежат новому акционеру «Эллем лимитед». Эллем. В голове у Харри мелькнула безумная мысль, но он тотчас же отбросил ее.

На самом дне ящика он отыскал руководство к телефонному автоответчику. Взглянув на часы, он тяжело вздохнул. Пора начинать читать. Через полчаса он уже был готов прослушать пленку. Голос Клипры говорил в основном по-тайски, но Харри пару раз узнал слово «Пхуриделл». Через три часа все пленки были прослушаны. Разговора с послом в день убийства не оказалось нигде. В день убийства бесед по телефону вообще не было. Харри сунул одну из пленок в карман, выключил автоответчик и, выходя из кабинета, не удержался и пнул компьютер.

Глава 46

Он неважно себя чувствовал. Похороны казались повтором той же программы, только в записи. То же место, тот же пастор, та же урна, то же солнце слепит глаза на выходе, и те же люди стоят на лестнице и растерянно смотрят друг на друга. Почти те же самые. Харри поздоровался с Руалом Борком.

— Это вы нашли их, — только и сказал Борк.

Его живые глаза затуманились, он вообще изменился, будто случившееся еще больше состарило его.

— Да, мы.

— Она была так молода.

Его слова прозвучали как вопрос. Словно Борк ждал объяснений, как же такое могло случиться.

— Жарко, — сказал Харри, чтобы сменить тему.

— А там, где теперь Уве, еще жарче.

Он произнес эти слова небрежно, но в голосе его послышались жесткие, горькие нотки. Он вытер лоб носовым платком.

— Я подумал, что надо все-таки отдохнуть от этой жары. И заказал билеты домой.

— Домой?

— Да, в Норвегию. И как можно быстрее. Я позвонил сыну и сказал, что хочу встретиться с ним. Правда, я не сразу понял, что к телефону подошел не он сам, а его сын. Вот как бывает. Я становлюсь старым маразматиком. Дедушка-маразматик!

В тени возле церкви стояли Санпхет и Ао. Харри подошел к ним.

— Я могу задать вам маленький вопрос, Ао?

Она повернулась к Санпхету, прежде чем кивнуть.

— Вы разбираете почту в посольстве. Не помните, может, вам попадалось что-то от компании под названием «Пхуриделл»?

Она призадумалась, потом виновато улыбнулась:

— Нет, не помню, писем слишком много. Я могу поискать завтра в кабинете посла, если хотите. Но это займет время, ведь господин посол был не очень аккуратен с бумагами.

— Я думаю не о нем.

Она непонимающе взглянула на него.

Харри вздохнул:

— Пока не знаю, важно ли это, но вы все-таки позвоните мне, если увидите что-нибудь, хорошо?

Ао снова посмотрела на Санпхета.

— Она позвонит, инспектор, — ответил тот.

Харри сидел в кабинете Лиз и дожидался ее, когда она, задыхаясь, влетела к себе. На лбу у нее блестели капельки пота.

— Господи! — простонала она. — Асфальт просто прожигает подошвы.

— Как прошел брифинг?

— Прекрасно. Начальство поздравляло всех с раскрытием преступления и не задавало никаких вопросов по существу рапорта. Они приняли наше объяснение насчет того, что мы заподозрили Клипру после анонимного звонка. Если у начальника полиции и были сомнения на этот счет, он не стал затевать скандал.

— Я на это и рассчитывал. От скандала он ничего бы не выиграл.

— Иронизируете, господин Холе?

— В общем-то, нет, мисс Крамли. Я всего лишь юный наивный инспектор, начинающий разбираться в правилах игры.

— Возможно. Как бы там ни было, смерть Клипры устраивает все стороны. Судебное разбирательство неизбежно привело бы к неприятным разоблачениям, не только нашего полицейского начальства, но и властей обеих стран.

Лиз сбросила туфли и блаженно вытянулась в кресле. Оно заскрипело, в кабинете запахло потными ногами.

— Действительно, некоторых это очень даже устраивает, тебе не кажется? — сказал Харри.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам не знаю, — ответил Харри. — Мне только кажется, что здесь дурно пахнет.

Лиз посмотрела на свои ноги, а потом подозрительно уставилась на Харри.

— Тебе не говорили, что ты страдаешь параноей, Харри?

— Разумеется. Но это вовсе не значит, что маленькие зеленые человечки за тобой не охотятся, верно?

Она вопросительно взглянула на него.

— Расслабься, Харри.

— Попробую.

— Когда ты уезжаешь?

— Как только поговорю с врачом и техническим отделом.

— Зачем?

— Чтобы покончить с паранойей. Ты знаешь… у меня есть кое-какие шальные мысли.

— Ладно-ладно, — сказала Лиз. — Ты уже обедал?

— Да, — соврал Харри.

— Вот черт, ненавижу обедать в одиночестве. Не посидишь со мной?

— В другой раз, хорошо?

И Харри вышел из кабинета.

Молодой судмедэксперт разговаривал с ним, протирая очки. Он делал длинные паузы между словами, и Харри опасался, как бы этот скудный поток совсем не иссяк. Но потом тот преодолевал очередное слово, после чего разговор плавно лился дальше. Понятно, он просто переживает за свой английский.

— Мужчина пролежал там максимум два дня, — говорил врач. — При более долгом сроке и в этой жаре его тело… — он надул щеки и развел руками, — превратилось бы в большой газовый баллон. И вы почувствовали бы зловоние. Что же касается девушки… — он опять посмотрел на Харри и надул щеки, — то же самое.

— Как быстро умер Клипра?

Врач облизал губы, и Харри ощутил, как тикает время.

— Быстро.

— А она?

Врач вынул из кармана носовой платок.

— Мгновенно. Шейный позвонок был перебит.

— Я хочу знать, мог ли кто-то из них еще двигаться после выстрелов, биться в судорогах например?

Врач надел очки, проверил, хорошо ли они сидят на носу, и снова снял их.

— Нет.

— Я читал, что во время Великой французской революции, еще до изобретения гильотины, когда отрубали голову вручную, палач иногда промахивался, и тогда осужденные на смерть могли сойти с эшафота и сохранить жизнь. Но многие из них поднимались даже без головы и делали несколько шагов, прежде чем упасть замертво под ликование толпы. Если я правильно помню, один ученый объяснял этот факт следующим образом: мозг мог в определенной степени запрограммировать нервы, и мускулы сокращались еще некоторое время после смерти, поскольку в сердце поступает масса адреналина, перед тем как голова упадет с плеч. То же самое происходит с курами, которые вроде могут бегать и после того, как им отрубят голову.

Врач хмуро улыбнулся:

— Забавно, инспектор. Но боюсь, это детские сказки.

— Как же тогда объяснить вот это?

И он протянул врачу снимок с изображением Клипры и Руны, лежащих на полу. Врач долго смотрел на фото, потом надел очки и снова принялся изучать его.

— Что объяснить?

Харри показал пальцем:

— Смотрите. Его рука закрыта ее волосами.

Врач заморгал, словно ему что-то попало в глаз, мешая разглядеть детали.

Харри отмахнулся от мухи.

— Послушайте, вы ведь знаете, как делаются выводы на подсознательном уровне?

Врач пожал плечами.

— Хорошо. Мое подсознание сделало вывод: Клипра должен был лежать там, где он застрелился, потому что только в этом единственном случае его рука могла оказаться под ее волосами. Понимаете? Но угол, под которым был сделан выстрел, показывает, что он стоял. Каким же образом он сумел выстрелить в девушку, потом убить себя и при этом уронить руку не на ее волосы, а под них?

Врач снова снял очки и принялся протирать их.

— Может, это она застрелила обоих, — ответил наконец он, но Харри уже ушел.

Сняв солнцезащитные очки, Харри огляделся в полутемном зале ресторана. Чья-то рука помахала ему, и он двинулся к столику под пальмой. Человек поднялся ему навстречу, блеснув стальной оправой.

— Вас известили, как я понимаю, — проговорил Дагфинн Торхус. На его рубашке под мышками темнели большие круги, пиджак он повесил на спинку стула.

— Инспектор Крамли передала мне, что вы звонили. Что привело вас сюда? — спросил Харри, пожимая протянутую руку.

— Административные дела в посольстве. Я прибыл сегодня утром, чтобы разобраться с бумагами. И потом, нужно назначить нового посла.

— Тонье Виг?

Торхус слабо улыбнулся:

— Посмотрим. Необходимо учесть различные факторы. А что здесь едят?

К их столику уже подскочил официант, и Харри вопросительно поднял на него глаза.

— Угорь, — произнес официант. — Вьетнамское блюдо. С вьетнамским розовым вином и…

— Нет, спасибо, — заявил Харри и, открыв меню, ткнул в суп из кокосового молока. — И минеральной, пожалуйста.

Торхус пожал плечами и согласно кивнул.

— Поздравляю, — сказал он, зажав во рту зубочистку. — Когда уезжаете?

— Спасибо, но, боюсь, это преждевременно, Торхус. Остается распутать еще несколько нитей.

Торхус перестал ковырять в зубах.

— Нитей? В вашу работу не входит наведение глянца, Холе. Вам осталось лишь упаковать вещи и отправиться домой.

— Все не так-то просто.

В жестких голубых глазах чиновника что-то мелькнуло.

— Все закончилось, вы ведь понимаете? Дело раскрыто. Вчера все газеты в Осло напечатали на первых полосах сообщение о том, что Клипра убил посла и его дочь. А мы уцелели, Холе. Газеты ссылаются на начальника полиции Бангкока, который сказал, что мотив преступления не выяснен и что, скорее всего, Клипра сошел с ума. Просто и совершенно непонятно. Главное, народ-то поверил!

— Значит, скандал все-таки разразился?

— И да, и нет. Нам удалось скрыть, что все произошло в мотеле и что это на самом деле за мотель. И самое главное, премьер-министр ни при чем. Теперь надо подумать о других вещах.

Журналисты уже начали звонить сюда, в посольство, и спрашивать, почему им раньше не сказали, что посла убили.

— И что вы отвечаете?

— А что я могу ответить, черт возьми? Что возникли языковые проблемы, недопонимание, что полиция Таиланда сперва послала нам неполные сведения, и все в том же духе.

— И они поверили?

— Нет, конечно. Но по крайней мере, нас не могут упрекнуть в том, что мы их дезинформируем. В пресс-релизе говорилось, что посол найден убитым в гостиничном номере, а это соответствует действительности. Как вы говорили, Холе, ну, насчет того, где вы нашли его дочь и Клипру?

— Я не говорил об этом. — Харри затаил дыхание. — Послушайте, Торхус, я нашел дома у Клипры порножурналы, доказывающие, что он был педофилом. Но об этом не написано в полицейских отчетах.

— Вот как? Понятно, — не дрогнув, ответил Торхус. — В любом случае вам больше нечего делать в Таиланде, и Мёллер сказал, что ждет вашего скорейшего возвращения домой.

Официант принес горячий суп из кокосового молока, и Торхус скептически воззрился на свою

миску. Его очки запотели.

— Журналисты из «Верденс Ганг» сделают отличный снимок, когда вы приземлитесь в Форнебю, — мрачно произнес он.

— Попробуйте вот эти, красненькие, — показал Харри.

Глава 47

Супавади, по словам Лиз, раскрыл убийств больше всех в Таиланде. Его главными орудиями были микроскоп, несколько стеклянных колбочек и лакмусовая бумажка. Сидя перед Харри, он сиял, как солнце.

— Все верно, Халли. У кусочков известки, которые ты нам дал, тот же самый цвет, что и у известковой пыли из багажника посольской машины.

Вместо «да» или «нет» в ответ на вопросы Харри он отвечал развернутыми предложениями, во избежание недоразумений. Причина заключалась в том, что Супавади обладал известными языковыми способностями и знал, что в английском языке по каким-то причинам иногда употребляется двойное отрицание. Если бы Харри по ошибке сел не в тот автобус в Таиланде и спросил бы пассажира: «Скажите, а этот автобус в Хуалампхонг не идет?» — то таец наверняка ответил бы ему: «Yes», в смысле. «Да, ты прав, этот автобус туда не идет». Фаранги, немного говорящие по-тайски, знают об этом, но, когда таец, продвинутый в

английском, отвечает: «No», возникают сложности. По опыту Супавади, фаранги не понимают таких вещей, поэтому лучше отвечать им, как неразумным детям.

— Это верно, Халли. Содержание мешка из пылесоса Клипры тоже весьма интересно. В нем оказались волокна коврика из машины посла, а также волокна с костюма посла и с пиджака Клипры.

Харри с возрастающим нетерпением записывал за ним.

— А что с теми двумя пленками? Ты послал их в Сидней?

Супавади еще больше расплылся в улыбке, потому что этой частью работы он был в самом деле доволен.

— Мы живем в двадцатом веке, инспектор, мы не *посылаем* пленок, ведь они придут только через четыре дня. Мы переводим их в цифру, и вот они уже у нас в компьютере: остается только послать файлы по электронной почте твоему эксперту-акустику.

— Неужели такое возможно? — изумился Харри, отчасти чтобы сделать приятное Супавади, а отчасти смиряясь перед чудесами техники. Рядом с чудаками, помешанными на компьютерах, он

всегда ощущал себя стариком. — И что говорит Хесус Маргес?

— Я сказал ему, что совершенно невозможно определить, из какого помещения звонит человек, исходя только из данных автоответчика. Но твой друг меня переубедил, он наговорил мне кучу всего про частоты, герцы и прочие вещи. К примеру, ты знаешь, что человеческое ухо за одну микросекунду может различить миллион самых разных звуков? Думаю, он мог бы…

— Какие выводы, Супавади?

— Вывод его таков, что голоса на записи принадлежат двум разным лицам, но очень вероятно, что записаны они в одной и той же комнате.

Харри почувствовал, как забилось сердце.

— Теперь про мясо в морозильнике. Это была свинина?

— Верно говоришь, Халли. Мясо из морозильника оказалось свининой.

Супавади моргнул и счастливо хихикнул. Харри понял, что это еще не все.

— И?

— Но кровь была не свиная. Это была кровь человека.

— Чья, не знаешь?

— Окончательный ответ даст только анализ

ДНК через пару дней, так что сейчас могу тебе ответить с уверенностью лишь на девяносто процентов.

Харри подумал, что, будь у Супавади в этот момент труба, он бы теперь сыграл фанфары.

— Это кровь нашего друга Клипры.

Наконец Харри оказался в офисе Йенса.

— Как дела, Йенс?

— Дела идут.

— Ты уверен?

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя голос… — Харри замялся, подбирая слова. — Голос немного грустный.

— Да. Нет. Все не так-то просто. Она потеряла всю свою семью, и я…

Он умолк.

— И ты?

— Забудь.

— Да нет, говори же, Йенс.

— Я хотел только сказать, что если я когда-то и хотел уклониться от этого брака, то теперь это совсем невозможно.

— Почему это?

— Господи, да у нее же больше никого нет, кроме меня, Харри. Я знаю, что должен подумать о ней, позаботиться о ней. Но вместо этого я думаю

о себе, о том, во что я вляпался. Я наверняка плохой человек, но все случившееся пугает меня до смерти, понимаешь?

— Думаю, что да.

— Вот черт! Если бы речь шла только о деньгах. В них я еще кое-как разбираюсь. Но все эти… — Он замолчал, подыскивая слово.

— Чувства? — подсказал Харри.

— Именно. Дерьмо собачье, — безрадостно рассмеялся он. — Неважно. Я обещал себе, что хотя бы раз в жизни сделаю что-то не для себя, а для других. И я хочу, чтобы ты был на нашей свадьбе и дал мне по шее, если заметишь, что я собираюсь слинять. Хильде нужно переключиться, мы уже назначили дату. Четвертое апреля. Пасха в Бангкоке, как тебе? Хильде немного успокоилась, почти уже бросила пить. Вышлю тебе авиабилет по почте, Харри. Помни, я рассчитываю на тебя, и тебе не отвертеться.

— Если я лучший кандидат в свидетели на свадьбе, то даже не смею спросить о том, как у тебя с кругом общения, Йенс.

— Все, кого я знаю, — это мимолетные знакомые. Подобные истории не рассказывают на свадьбах, не так ли?

Харри засмеялся:

— Хорошо, только дай мне несколько дней на размышления. Но я-то позвонил тебе, чтобы попросить об одной услуге. Я пытаюсь найти кое-кого из владельцев «Пхуриделла», а именно фирму под названием «Эллем лимитед», но в реестре компаний обнаружил только адрес абонентского ящика в Бангкоке и подтверждение уплаты уставного капитала.

— Это, видимо, совсем новый владелец, я не слышал такого названия. Разумеется, я позвоню куда надо и узнаю. Я тебе перезвоню.

— Нет, Йенс. Это строго конфиденциально. Об этом знают только Лиз, Лёкен и я, так что ты не должен сообщать об этом никому другому. В полиции тоже об этом не знают. Мы втроем встретимся сегодня вечером в укромном месте, и будет здорово, если ты к этому времени что-нибудь разузнаешь. Я звякну тебе оттуда, идет?

— Идет. Звучит очень серьезно, а я-то думал, дело закрыто!

— Оно будет закрыто сегодня вечером.

Оглушительно ревел компрессор, вгрызаясь в камень.

— Это вы Джордж Уолтерс? — прокричал Харри в ухо человеку в желтом защитном шлеме, на которого ему указали люди в рабочих комби-

незонах.

Тот повернулся к Харри:

— А кто вы?

Они стояли на высоте десяти метров над шоссе, по которому медленно двигались машины. Снова послеобеденные пробки на дорогах.

— Инспектор Холе. Норвежская полиция.

Уолтерс свернул чертеж и отдал его одному из людей, стоявших рядом.

— Ах да! Клипра?

Он подал знак остановить бурение, рев умолк, и тишина, словно фильтр, легла на барабанные перепонки.

— Компрессорный бур «Ваккер», — сказал Харри. — Модель «LHV5».

— Вы в этом разбираетесь?

— Я года два работал летом на стройке. Чуть почки из себя не вытряс этим буром.

Уолтерс кивнул. У него были выцветшие на солнце брови и усталый вид. Морщины глубоко прорезали лицо, выдавая средний возраст.

Харри махнул рукой в сторону надземки, пролегающей, будто древнеримский акведук, над каменной пустыней домов и небоскребов.

— Это и есть BERTS, спасение Бангкока?

— Да, — ответил Уолтерс, глядя туда, куда пока-

зывал Харри. — Вы сейчас на ней и стоите.

Благоговение, прозвучавшее в его голосе, плюс тот факт, что сам Уолтерс находился здесь, вместо того чтобы сидеть в кабинете, свидетельствовали, что начальник «Пхуриделла» предпочитает инженерное искусство ведению бухучета. Гораздо интереснее наблюдать, как проект приобретает осязаемые формы, чем заниматься долларовым счетом фирмы.

— Невольно вспоминается Китайская стена, — заметил Харри.

— Здесь люди будут связаны друг с другом, а не отгорожены от мира.

— Я пришел расспросить вас о Клипре и об этом проекте. И о «Пхуриделле».

— Трагично, — отозвался Уолтерс, не уточняя, что именно из вопросов Харри он считал трагедией.

— Вы были знакомы с Клипрой, господин Уолтерс?

— Не то чтобы хорошо знаком. Мы общались на заседаниях правления, он звонил пару раз, — ответил Уолтерс, надевая солнцезащитные очки. — И это все.

— Звонил пару раз? Но ведь «Пхуриделл» довольно крупная компания?

— Более восьмисот сотрудников.

— И вы лишь пару раз разговаривали с владельцем компании, которой вы руководите?

— Добро пожаловать в мир бизнеса, — проговорил Уолтерс, глядя на дорогу и город, словно ничто иное его не касалось.

— Он вкладывал большие деньги в «Пхуриделл». Вы считаете, его не интересовали дела компании?

— У него не было никаких нареканий на работу компании.

— А вам известна такая фирма «Эллем лимитед»?

— Я видел ее в списке акционеров. Но в последнее время нам надо было думать о других вещах.

— Например, как решить проблему с долларовым долгом?

Уолтерс снова повернулся к Харри. Тот увидел в его очках свое искаженное отражение.

— Что вам известно об этом?

— Я знаю, что ваша компания нуждается в рефинансировании, чтобы продолжать свою деятельность. У вас нет обязательств предоставлять точные сведения о себе, так как вы больше не зарегистрированы на бирже, и поэтому вам удастся еще некоторое время скрывать свои проблемы

от окружающих, а пока вы надеетесь найти спасителя с новым капиталом. Было бы досадно оказаться не у дел теперь, когда вы получаете крупные контракты BERTS, правда?

Уолтерс сделал знак инженерам, что те свободны.

— Я догадываюсь, что должен был появиться такой спаситель, — продолжал Харри. — Он купил бы компанию по дешевке, а потом разбогател бы на контрактах. Сколько людей посвящено в эти вопросы?

— Послушайте, мистер…

— Инспектор. Правление, разумеется, знает. Кто еще?

— Мы информируем всех акционеров, а кроме них, никто не обязан знать о вещах, которые их не касаются.

— Как вы думаете, господин Уолтерс, кто собирался купить компанию?

— Я исполнительный директор, — отрезал Уолтерс. — Я нанят акционерами и не вмешиваюсь в их дела.

— Даже если речь идет об увольнении — и вашем, и восьмисот сотрудников? Даже если вы больше не будете этим заниматься? — И Харри кивнул в сторону надземки, исчезающей вдали.

Уолтерс ничего не ответил.

— Красивое зрелище, — добавил Харри. — Прямо как волшебная дорога в страну Оз, верно?

Джордж Уолтерс, помедлив, кивнул.

— Послушайте, Уолтерс, я звонил адвокату Клипры и еще некоторым другим мелким акционерам. В течение последних дней их акции «Пхуриделл» были куплены фирмой «Эллем лимитед». Никто из них не был готов рефинансировать «Пхуриделл», поэтому они оказались только рады выйти из компании, сохранив свои деньги. Вы утверждаете, что смена владельца вас не касается, Уолтерс, но вы производите впечатление ответственного человека. И теперь ваш новый владелец — «Эллем лимитед».

Уолтерс снял очки и протер глаза.

— Не хотите рассказать мне, кто стоит за «Эллем лимитед», Уолтерс?

Снова заработал компрессор, и Харри вынужден был наклониться, чтобы расслышать его слова.

Потом кивнул.

— Я только хотел услышать это от вас, — прокричал он.

Глава 48

Харри никак не мог уснуть. В темноте что-то ползало и шуршало, но едва он включал свет, как все затихало. Вздохнув, он вылез из постели и нажал на кнопку автоответчика. Раздался гнусавый голос:

— Привет, это Тонье. Я просто хотела услышать твой голос.

Он прослушивал это сообщение, наверное, уже раз десять, не переставая изумляться: прямо какой-то сюжет из глянцевого журнала. Снова погасил свет. Прошла минута.

— Черт! — крякнул он и опять включил свет.

Было уже за полночь, когда такси остановилось возле небольшого, но роскошного коттеджа, обнесенного низкой белой стеной. Голос Тонье Виг в домофоне прозвучал удивленно, и, открыв дверь, она густо покраснела. Она все продолжала извиняться за беспорядок в квартире, когда Харри раздевал ее. Она оказалась тощей, бледнокожей, он видел, как на шее у нее испуганно пульсирует жилка. Наконец умолкнув, Тонье показала рукой на дверь, ведущую в спальню, и он поднял ее на

руки, так что голова свесилась вниз — волосы доставали до пола. Она застонала, когда Харри опустил ее на кровать, тяжело задышала, едва он расстегнул брюки, и слабо запротестовала, видя, что он встал на колени и притянул ее к себе.

— Поцелуй меня, — шепнула она, но Харри, не обращая внимания на ее слова, закрыл глаза и вошел в нее.

Она схватилась за его брюки, хотела, чтобы он снял их, но Харри оттолкнул ее руки. На ночном столике стояла фотография пожилой пары, вероятно родителей. Харри стиснул зубы, ощутив, как под веками засверкали искры, и попытался представить себе ее.

— Что ты сказал? — спросила она, подняв голову, но так и не расслышала заклинаний, которые Харри бормотал себе под нос. Тонье Виг попыталась следовать за его движениями, застонала, но он стиснул ее, словно на родео, где всадник поймал лошадь и крепко держит, чтобы она его не сбросила.

Потом раздался его невнятный рев, и в тот же миг она вцепилась в его футболку, изогнулась и закричала. Затем притянула его к себе, он уткнулся лицом в ямку между ее ключиц.

— Это было чудесно, — произнесла она, но

слова ее повисли в воздухе нелепой и ненужной ложью.

Он ничего не ответил.

Услышав, что дыхание ее стало ровным, он встал и тихо оделся. Оба знали, что оба знают, что она не спит. Он вышел из дома.

Поднялся ветер. Покуда Харри шел по гравийной дорожке, запах Тонье постепенно улетучивался. На флагштоке у ворот хлопал шнур. Может, в этом году рано задул муссон, может, это Эль-Ниньо. А может, просто обычный ветер.

У ворот Харри заметил черный автомобиль. И вроде бы даже разглядел очертания фигуры за тонированными стеклами, но окончательно убедился в своих догадках, только когда стекло с электрическим щелчком поползло вниз и из салона донеслись приглушенные звуки Симфонии до минор Грига.

— Идете домой, господин Холе?

Харри кивнул и сел в машину. Шофер поправил свое сиденье.

— Что вы здесь делаете так поздно, Санпхет?

— Я только что отвез господина Торхуса. Нет смысла возвращаться домой спать, ведь через пару часов я должен заехать за фрёкен Виг.

Он тронулся с места, и они полетели по спящим

улицам этого квартала вилл.

— А куда же направился в такой поздний час Торхус? — спросил Харри.

— Он хотел посмотреть Патпонг.

— Вот как. Вы посоветовали ему какой-нибудь бар?

— Нет. Похоже, он сам знал, куда ему надо. Каждый понимает лучше других, в каком именно лекарстве нуждается.

Харри поймал его взгляд в зеркальце.

— Пожалуй, вы правы, — сказал он и выглянул в окно.

Они выехали на улицу Рамы V, и движение остановилось. Беззубая старуха, сидя в кузове пикапа, уставилась на них. Что-то знакомое, подумал Харри, и вдруг она улыбнулась. Лишь немного погодя он понял, что она не могла видеть их за тонированными стеклами, что она просто улыбается своему отражению в посольском автомобиле.

Глава 49

Ивар Лёкен знал, что все кончено. Ни один мускул его тела не дрогнул, и все прошло. Страх накатывал на него волнами и снова отступал. Он постоянно думал о том, что сейчас умрет. Это было чисто умозрительное заключение, но ощущение скорой смерти просачивалось в душу, словно ледяная вода. В тот раз, когда он оказался в ловушке у деревни Милай и стоял с этой чертовой бамбуковой палкой в бедре, а другая прошила ему ногу от ступни до колена, он ни секунды не думал о том, что умрет. И когда он валялся в бреду в Японии и врачи сказали, что ногу надо ампутировать, он ответил, что скорее умрет, но он знал при этом, что смерти не будет, что она невозможна. И едва они пришли давать ему наркоз, он выбил шприц из рук врача.

Глупо, конечно. Но ему позволили сохранить ногу. «Пока чувствую боль, я живу», — написал он на стене над своей койкой. Он пролежал в госпитале в Окабе почти год, пока не выиграл сражение с собственной зараженной кровью.

Теперь он говорил самому себе, что прожил

долгую жизнь. Долгую. А это кое-что значит. И видел людей, которым приходилось хуже, чем ему. Так зачем же сопротивляться, думал он. И тем не менее сопротивлялся. Тело отказывалось умирать, как и сам он отказывался умирать всю свою жизнь. Как отказывался преступить грань, даже когда вожделение жаром отдавалось в пояснице, как не дал сломить себя, когда его выгнали из армии, отказывался жалеть себя, когда унижение стегало, как кнутом, вновь вскрывая старые раны. Но прежде всего он отказывался закрывать глаза. Вот почему он принимал все: войны, страдания, жестокость, мужество, человечность. Столько всего, что он с полным правом мог сказать о себе, что прожил долгую жизнь. И теперь он тоже не стал закрывать глаза, он только моргал. Лёкен знал, что должен умереть. И если бы мог, то заплакал бы.

Лиз посмотрела на часы. Было полдевятого, они с Харри уже битый час сидели в «Миллис Караоке». Даже Мадонна смотрела на них со стены скорее нетерпеливо, чем жадно.

— Куда он запропастился? — спросила она.

— Лёкен придет, — заверил ее Харри.

Он стоял у окна, подняв жалюзи, и смотрел, как его отражение прошивают фары машин, ползу-

щих мимо по Силом-роуд.

— Когда ты говорил с ним?

— Сразу же после разговора с тобой. Он был дома, собирал фотографии и аппаратуру. Лёкен непременно придет.

Он прижал ладони тыльной стороной к глазам. Они были красными и воспаленными, когда он проснулся сегодня утром.

— Давай начнем, — произнес он.

— С чего? Ты так и не сказал, что происходит.

— Пройдемся по фактам, — продолжал Харри. — Последняя реконструкция событий.

— Отлично. Но зачем?

— Затем, что мы все это время ошибались.

Он дернул за шнурок, и словно что-то рухнуло сквозь густую листву, когда жалюзи с грохотом упали вниз.

Лёкен сидел на стуле. Перед ним на столе лежали в ряд ножи. Каждым из них можно было прирезать человека за долю секунды. Просто удивительно, если вдуматься, как легко убить человека. Настолько легко, что непонятно, как люди в большинстве своем ухитряются доживать до старости. Одно круговое движение, все равно что снять кожуру с апельсина, — и горло перерезано. Кровь хлещет с такой скоростью, что смерть

наступает через пару секунд, — во всяком случае, если убийство совершено профессионалом.

Удар в спину требует большей точности. Нельзя наносить бесцельно двадцать-тридцать ударов, тыкая в человеческую плоть наобум. Но если знать анатомию, знать, как проткнуть легкое или ударить в сердце, то нет проблем. Если наносят удар спереди, то лучше целить пониже и прямо вперед, чтобы ребра не мешали добраться до жизненно важных органов. А еще легче сделать это сзади, если ударить ножом рядом с позвоночником.

Насколько легко застрелить человека? Очень легко. Когда он впервые убил человека, то сделал это из полуавтоматической винтовки в Корее. Он прицелился, нажал на спуск и увидел, как человек упал. И все. Никаких угрызений совести, кошмаров или нервных расстройств. Может, потому, что шла война, но он понимал, что дело не только в этом. Вероятно, в его душе нет сочувствия? Один психолог объяснил ему, что он стал педофилом именно из-за душевного изъяна. Этот врач мог с тем же успехом назвать его злым.

— Ну что же, слушай, — сказал Харри, усевшись напротив Лиз. — В день убийства машина посла подъехала к дому Уве Клипры в семь часов, но за

рулем находился не посол.

— Не посол?

— Нет, охранник не помнит никакого желтого костюма.

— Как же так?

— Ты видела его костюм, Лиз, перед ним блекнет даже цвет бензоколонки. Думаешь, можно легко забыть такой костюм?

Она медленно покачала головой, и Харри продолжал:

— Тот, кто приехал на машине посла, припарковался в гараже, позвонил в боковую дверь, и Клипра открыл и увидел перед собой дуло пистолета. Посетитель вошел в дом, закрыв за собой дверь, и вежливо попросил Клипру открыть рот.

— Вежливо?

— Я просто пытаюсь немного расцветить эту историю. Можно?

Лиз сжала губы и красноречиво поднесла к ним указательный палец.

— Он всунул дуло ему в рот, приказал Клипре сжать зубы и выстрелил, холодно и безжалостно. Пуля прошла навылет и застряла в стене. Убийца вытер кровь, ну и… ты сама знаешь, как это делается в подобных случаях.

Лиз кивнула, махнув ему, чтобы он продолжал.

— Короче, убийца стер все следы. Потом он нашел в багажнике посольской машины отвертку и выковырял ею пулю из стены.

— Откуда тебе это известно?

— Я обнаружил известку на полу в коридоре и дырку в стене. Ребята из технического отдела подтвердили, что известка та же, что была на отвертке в багажнике.

— Что потом?

— Потом убийца снова вышел к машине, передвинул тело посла в багажнике и положил отвертку на место.

— Значит, он уже убил и посла?

— Об этом позже. Убийца переоделся в костюм посла, потом зашел в кабинет Клипры, забрал там один из шанских ножей и ключи от загородного дома. А еще он быстренько позвонил с его аппарата и забрал с собой пленку с записью телефонных разговоров. Потом затолкал тело Клипры все в тот же багажник и около восьми часов уехал.

— Несколько запутанно, Харри.

— В половине девятого он остановился у Ван Ли.

— Постой, Харри. Но Ван Ли опознал в убитом человека, который приехал к нему в мотель.

— Ван Ли не видит разницы между убитым

на кровати и тем, кто остановился в его мотеле. Он просто видел фаранга в желтом костюме. И для него…

— …все фаранги на одно лицо. Черт побери!

— Особенно когда они прячут глаза за солнечными очками. Вспомни, что в спину посла был воткнут весьма живописный нож, который только отвлекал внимание Ван Ли, пришедшего на опознание.

— Да, а что с ножом?

— Посол действительно был убит ножом, но задолго до того, как его тело привезли в мотель. Думаю, это саамский нож, и смазан он был оленьим жиром. Такие ножи в Финмарке можно купить повсюду.

— Но врач сказал, что рана нанесена именно шанским ножом.

— Дело в том, что шанский нож длиннее и шире, чем саамский, так что невозможно определить, какой нож был использован сначала. Слушай дальше. Убийца прибыл в мотель с двумя трупами в багажнике, попросил себе номер как можно дальше от стойки администратора, с тем чтобы поставить машину вплотную ко входу и незаметно перенести тело Мольнеса внутрь. Кроме того, он велел его не беспокоить, пока сам

не позвонит. В номере он снова переоделся, а на тело посла опять натянул желтый костюм. Но костюм слегка помялся и выглядел неряшливо. Помнишь, я сказал тогда, что посол готовился к свиданию с женщиной, потому что ремень был застегнут не на ту дырочку?

Лиз прищелкнула языком:

— Убийца забыл проверить, на какую дырку посол обычно застегивал свой ремень.

— Мелкая оплошность, ничего особенного, всего лишь одна из мелочей, которая помогает решить эту задачку. Пока Мольнес лежал на кровати, убийца аккуратно воткнул шанский нож в старую рану, а потом вытер рукоятку, уничтожив все следы.

— Это объясняет, почему в номере было так мало крови, ведь посла убили в другом месте. Но почему на это не отреагировали судмедэксперты?

— Очень трудно сказать, сколько вытечет крови после такого удара ножом; все зависит от того, какие артерии задеты и насколько сам нож задерживает кровотечение. Ничего необычного. Около девяти часов убийца покидает мотель, увозя с собой труп Клипры в его загородный дом.

— Он знал, где находится его дом? Значит, он

был знаком с Клипрой.

— Он был с ним хорошо знаком.

На стол упала чья-то тень, и на стул перед Лёкеном опустился человек. Балконная дверь была распахнута навстречу оглушительному шуму транспорта, и вся комната наполнилась вонью выхлопных газов.

— Ты готов? — спросил Лёкен.

Верзила с косичкой на спине воззрился на него, удивившись, что тот говорит по-тайски.

— Я готов, — ответил он.

Лёкен слабо улыбнулся. Он чувствовал бесконечную усталость.

— Чего же ты ждешь? Начинай.

— Приехав к загородному дому, он перетащил тело Клипры внутрь и затолкал его в морозильник. Потом вымыл и пропылесосил багажник машины, чтобы мы не обнаружили никаких следов.

— Допустим, но откуда ты знаешь об этом?

— Эксперты нашли кровь Уве Клипры в морозильнике, а в мешке пылесоса обнаружили волокна из багажника и с одежды обоих убитых.

— Ничего себе! Значит, это не посол был таким аккуратистом, как ты утверждал, осматривая его

машину?

— Я понял, что посол не был аккуратистом, когда увидел его кабинет, — улыбнулся Харри.

— Что я слышу? Ты признаешь, что ошибался?

— Разумеется, — и Харри поднял указательный палец. — Но вот Клипра-то был настоящим аккуратистом. Все в его доме было разложено по полочкам, во всем видна система, помнишь? В шкафчике даже имелся специальный крюк, на который вешали пылесос. Но когда я на следующий день открыл дверцу, пылесос вывалился наружу. Словно тот, кто последний раз им пользовался, ничего не знал о крюке. Вот почему я решил послать содержимое мешка на экспертизу.

Лиз медленно покачала головой, а Харри продолжал:

— Когда я увидел все это мясо в морозильнике, меня осенило, что здесь можно неделями хранить тело убитого, и оно не… — Харри надул щеки и развел руками.

— Ты совсем плохой, — произнесла Лиз. — Тебе бы врачу показаться.

— Ты хочешь дослушать до конца или нет?

Она хотела.

— Потом убийца снова вернулся в мотель, припарковался и пошел в номер, чтобы положить

ключи от машины в карман Мольнесу. А вслед за этим растворился в ночной темноте. В буквальном смысле слова.

— Погоди! Когда мы ехали к загородному дому, мы потратили полтора часа на дорогу, разве не так? Расстояние отсюда почти то же самое. Наша подруга Дим обнаружила посла в половине двенадцатого, то есть через два с половиной часа после того, как убийца, по твоим словам, покинул мотель. Он не мог успеть вернуться в мотель до того, как обнаружили тело Мольнеса. Ты забыл?

— Вовсе нет. Я даже сам проехался по этому маршруту. Выехал в девять, полчаса прождал в загородном доме и вернулся.

— И что же?

— Я был в мотеле в четверть первого.

— Тогда одно с другим никак не вяжется.

— Помнишь, что сказала Дим о машине, когда мы ее допрашивали?

Лиз закусила верхнюю губу.

— Она вообще не помнила машины, — сообщил Харри. — Потому что машины там и не было. В четверть первого они стояли в холле, поджидая полицию, и не заметили скользнувшую во двор посольскую машину.

— Надо же, я думала, мы имеем дело с осторож-

ным убийцей. А он рискнул подъехать к мотелю, когда там уже могла быть полиция.

— Он и был осторожен, но не сумел предусмотреть, что полиция может оказаться на месте преступления до того, как он вернется. Они договорились, что Дим придет в номер только тогда, когда ее вызовут по телефону, правильно? Но Ван Ли проявил нетерпение и чуть не разрушил все планы. Убийца и не подозревал об опасности, зайдя в номер с ключами от машины.

— Так значит, чистое везение?

— Я назвал бы это каплей удачи в океане невезения. Но этот парень, вообще-то, не склонен полагаться на везение.

Он, должно быть, маньчжур, подумал Лёкен. Может, из провинции Цзилинь. Во время войны в Корее он слышал, что Красная армия набирает себе многих солдат именно оттуда, так как жители этой провинции очень рослые. Странная логика, ведь высокие люди глубже увязают в болоте и удобнее как мишень. Второй человек в комнате стоял позади, мурлыкая песенку. Лёкен готов был поклясться, что это «I Wanna Hold Your Hand»[38].

---

[38] Примечания: 38

«Хочу держать тебя за руку» *(англ.),* песня Джона Леннона и Пола Маккартни 1963 года.

Китаец взял со стола один из ножей, если можно было назвать ножом эту кривую саблю длиной в семьдесят сантиметров. Взвесил ее в руке, как игрок в бейсбол выбирает биту, прежде чем молча занести ее над головой. Лёкен стиснул зубы. И в тот же миг приятное отупение от барбитуратов улетучилось, кровь застыла в жилах, и он потерял самообладание. Пока он кричал и бился в кожаных ремнях, привязанный за руки к столу, сзади к нему приближалось мурлыканье. Рука второго схватила его за волосы, оттянув голову назад, в рот ему воткнули теннисный мяч. Он почувствовал на языке шершавую поверхность, которая, словно промокашка, вытянула всю слюну у него изо рта. Крики его превратились в беспомощные стоны.

Жгуты под мышками были затянуты так туго, что руки его онемели, и когда сабля с глухим звуком опустилась и он ничего не почувствовал, то сперва решил, что палач промахнулся. Но затем увидел, что его правая кисть лежит на полу. Она была отрублена, и теперь медленно раскрывалась. Срез был чистейшим. Он даже рассмотрел две белые трубчатые кости, разрезанные поперек. Лучевая кость, radius, и локтевая, ulna. Он видел их у других, но никогда у себя самого. Благодаря

жгутам крови вытекло немного. Неправду говорят, что молниеносная ампутация не причиняет боли. Его охватила невыносимая боль. Он ждал, когда потеряет сознание, погрузится в небытие, но они перекрыли ему этот путь к бегству. Мурлыкающий человек всадил ему шприц в плечо, прямо сквозь рубашку, не заботясь о том, чтобы найти вену. Славно все-таки с этим морфием, он действует независимо от того, куда его вкололи. И он понял, что должен терпеть всю эту боль. Причем довольно долго. Столько, сколько они захотят.

— А что с Руной Мольнес? — Лиз ковыряла в зубах спичкой.

— Он мог забрать ее где угодно, — ответил Харри. — Например, по пути домой из школы.

— И отвез в загородный дом Клипры. Что же потом?

— Кровь и отверстие от пули в окне доказывают, что она была убита именно там. Скорее всего, сразу же, как только они туда приехали.

Он рассказывал о ней как о жертве почти спокойно.

— Не понимаю, — сказала Лиз. — Зачем было похищать девушку и тут же убивать ее? Я думала, он хочет использовать ее, чтобы ты прекратил

расследование. Он мог торговаться с тобой только до тех пор, пока Руна Мольнес оставалась в живых. И должен был исходить из того, что ты потребуешь доказательств, что она жива, прежде чем выполнишь его требования.

— А каким образом я должен был выполнить его требования? — спросил Харри. — Убраться из страны, и тогда Руна Мольнес вернулась бы домой целой и невредимой? А похититель смог бы наконец вздохнуть с облегчением, даже если у него не осталось средств давления на меня, просто потому, что я пообещал его не трогать. Ты что, правда так думаешь? Ты решила, что он только хотел ее… — Тут Харри заметил взгляд Лиз и понял, что повысил голос.

— Я так не думаю, я просто пытаюсь понять, как думал убийца, — сказала Лиз, не отводя от него глаз. Между бровей у нее снова залегла озабоченная морщинка.

— Прости, Лиз. — Он прижал кончики пальцев к вискам. — Я просто выработался.

Он встал и снова подошел к окну. Холодный воздух внутри помещения и жара и влажность снаружи образовали причудливый серый слой конденсата на стекле.

— Он похитил ее не потому, что боялся, что я

узнаю больше чем следует. Причин так считать у него не было, я ведь ни фига не понимал!

— Каков же мотив похищения? Чтобы подтвердить нашу теорию о том, что именно Клипра убил посла и Джима Лава?

— Нет, это был второстепенный мотив, — сказал он, глядя в окно. — Главное в том, что он намеревался убить ее с самого начала. Когда я…

Из соседнего зала донеслись глухие удары басов.

— Что, Харри?

— Когда я увидел ее в первый раз, она уже была приговорена к смерти.

Лиз затаила дыхание.

— Уже почти девять, Харри. Может, ты скажешь мне, кто убийца, пока не пришел Лёкен?

В семь часов Лёкен запер свою квартиру и вышел на улицу, чтобы взять такси и поехать в «Миллис караоке». Он сразу же заметил машину. «Тойота-королла», человек за рулем, казалось, заполнял собой весь салон. В пассажирском кресле сидел второй. Он подумал, не подойти ли к машине и не спросить, чего они хотят, но решил сначала проверить. Ему казалось, он и так знает, что им надо и кто их сюда послал.

Лёкен поймал такси и, проехав несколько квар-

талов, убедился, что «королла» не отстает.

Шоферы такси обычно чувствуют, если белый пассажир на заднем сиденье явно не турист, и не предлагают ему массажа. Но когда Лёкен попросил шофера повозить его еще немного, тот пересмотрел свое мнение о фаранге. Лёкен поймал его взгляд в зеркальце.

— Экскурсия, сэр?

— Да, экскурсия.

Через десять минут у Лёкена не осталось никаких сомнений. Совершенно очевидно, что он сейчас приведет на хвосте двух полицейских к тайному месту встречи. Он никак не мог понять, откуда начальник полиции узнал о ней. И почему вообще так плохо относится к тому, что его старший инспектор Крамли сотрудничает с иностранцами. Возможно, это не по правилам, зато ведь результативно!

На Суа-Па-роуд движение полностью остановилось. Шофер осторожно пристроился позади двух автобусов и показал своему пассажиру на столбы, возводящиеся между полосами движения. Здесь на прошлой неделе упала стальная балка, убив автомобилиста. Он читал об этом в газете. Там были даже опубликованы фотографии с места события. И, покачав головой, шофер взял тряпку

и протер щиток, окна, фигурку Будды и фотографию королевской семьи, а потом со вздохом развернул «Таи Рат» и углубился в чтение спортивных новостей.

Лёкен посмотрел в заднее окно. Их с «короллой» разделяли всего две машины. Он бросил взгляд на часы. Половина восьмого. Пожалуй, он опоздает, если не сумеет отделаться от этих психов. Тогда он тронул шофера за плечо.

— Я увидел знакомых, — пояснил он по-английски и жестами показал назад.

Шофер мрачно взглянул на него, явно подозревая, что фаранг просто не хочет платить за проезд.

— Я сейчас вернусь, — пообещал ему Лёкен и с трудом протиснулся наружу.

Жизнь стала короче еще на один день, подумал он, вдохнув дозу выхлопных газов, способную оглушить целое крысиное семейство, и спокойным шагом направился к «королле». На одной фаре красовалась вмятина, и свет бил прямо ему в лицо. Он заготовил нужные слова, заранее радуясь, как вытянутся их лица. Он был всего в паре метров от них и мог уже разглядеть две фигуры в машине, как вдруг его охватило беспокойство. Странно выглядели эти типы. Даже если

полицейские в своей массе не отличаются особым умом, они, во всяком случае, понимают, что главное во время слежки — не бросаться в глаза. Но у человека на пассажирском сиденье были солнцезащитные очки, хотя солнце давно уже зашло. И даже если многие китайцы в Бангкоке носили косичку, этот великан за рулем своим видом привлекал излишнее внимание. Лёкен попытался повернуть назад, но дверца «короллы» открылась.

— Мистел, — мягко произнес великан.

Это было какое-то безумие. Лёкен попробовал протиснуться к своему такси, но ему преградил путь другой автомобиль. Он снова повернулся к «королле». К нему приближался китаец.

— Мистел, — повторил он, и в это самое время движение на встречной полосе возобновилось. Словно пронесся ураган.

Однажды Лёкен убил человека голыми руками. Он перебил ему гортань ребром ладони, именно так, как их учили в тренировочном лагере в Висконсине. Но это было давно, в далекой юности. И тогда он был напуган до смерти. Теперь он ничего не боялся. Он просто был разъярен.

Впрочем, никакой разницы не было.

Когда он почувствовал, что его обхватили чьи-

то руки и приподняли над землей, он уже знал, что ему все равно. Попробовал закричать, но голос не слушался, так как ему стиснули горло. Он увидел, как над его головой вращается звездное небо, а потом его сменила обивка салона в машине.

Он ощутил горячее дыхание на своем затылке и посмотрел в переднее окно «короллы». Человек в темных очках стоял возле его такси, протягивая шоферу пару бумажных купюр. Великан слегка ослабил хватку, и Лёкен судорожно втянул в себя вонючий воздух, словно родниковую воду.

Оконное стекло в такси поднялось снова, и человек в очках направился к ним. Он как раз снял свои очки, и свет покореженной фары упал на его лицо. И в этот миг Лёкен узнал его.

— Йенс Брекке? — изумленно прошептал он.

Глава 50

— Йенс Брекке? — воскликнула Лиз.

Харри молча кивнул в ответ.

— Но это невозможно! У него ведь есть алиби, эти чертовы магнитофонные записи, которые доказывают, что он звонил сестре без четверти восемь.

— Верно, но не из своего кабинета. Я спросил, зачем это он, черт побери, звонил своей сестрице-трудоголику домой прямо посреди рабочего дня. А он ответил мне, что забыл о разнице времени с Норвегией.

— И что же?

— Ты слышала когда-нибудь о брокере, который может забыть о разнице во времени между разными странами?

— Пожалуй, нет, но какое отношение это имеет к делу?

— Он звонил домой сестре на автоответчик, потому что у него не было времени, чтобы поговорить с ней, да и говорить, собственно, было не о чем.

— Ничего не понимаю.

— Меня осенило, когда я увидел, что у Клипры есть такой же магнитофон, как у Брекке. Застрелив Клипру, он позвонил из его кабинета, а потом унес с собой пленку. Ведь магнитофон регистрирует время, но не место телефонного разговора. Мы совершенно упустили из виду, что запись была сделана на другом магнитофоне. Но я могу доказать, что пленка — из кабинета Клипры.

— Каким образом?

— Помнишь, на мобильном телефоне посла был зафиксирован разговор Клипры с послом, утром третьего января? Но его нет ни на одной из пленок в офисе Брекке.

Лиз громко рассмеялась.

— Но это чистейшее безумие, Харри. Получается, что эта крыса создала себе железное алиби и села за решетку, а потом дождалась, когда можно будет ходить козырями, чтобы все выглядело убедительно!

— Я слышу в вашем голосе восхищение, старший инспектор.

— Чисто профессиональное. Думаешь, все было спланировано с самого начала?

Харри взглянул на часы. Мозг слал отчетливый сигнал: что-то неладно.

— Я уверен в одном: что бы ни делал Брекке,

он это тщательно планирует. Продумывает до мельчайших деталей.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

— Ну, — он приложил ко лбу пустой стакан, — Брекке сам рассказывал мне об этом. Что ненавидит риск, что никогда не вступает в игру, если не знает наверняка, что выиграет.

— Догадываюсь, что ты уже понял, как он убил посла!

— Сперва он спустился вместе с послом на парковку, об этом свидетельствует секретарша. Затем поднялся оттуда на лифте, и это может подтвердить та девица, которую он попутно пригласил на свидание. Вероятно, он убил посла на парковке, всадив ему в спину саамский нож, когда тот отвернулся, садясь в машину. Брекке забрал ключи от машины, запихал труп в багажник, вернулся к лифту и стал ждать, когда загорится кнопка вызова, чтобы обеспечить себе свидетеля, который подтвердит, что он, Брекке, поднимался вместе с ним на лифте.

— Он и девицу-то пригласил ради того, чтобы она его запомнила.

— Само собой. Если бы в лифте оказался кто-то другой, он придумал бы еще что-нибудь. Потом он отключил свой телефон для входящих звонков,

чтобы показать, как занят у себя в кабинете, а сам снова спустился на лифте в подземный паркинг и поехал на посольской машине к Клипре.

— Но коль скоро он убил посла на парковке, это должно было быть записано на видео?

— А почему, ты думаешь, пропала видеопленка? Разумеется, никому и в голову не приходило усомниться в алиби Брекке, ведь он сам забрал пленку у Джима Лава. В тот вечер, когда мы встретили его на боксе, он очень спешил в офис. Но не затем, чтобы побеседовать с американскими клиентами, а потому, что договорился с Джимом о просмотре пленки, где было записано убийство посла. А перепрограммирование таймера должно было навести на мысль, что кто-то пытается разрушить его алиби.

— Почему он просто не уничтожил эту видеозапись?

— Потому что он перфекционист. Он знал, что какой-нибудь дотошный следователь рано или поздно обнаружит, что время записи не совпадает с самой записью.

— Но как?

— Он использовал запись другого вечера, а полиция так или иначе стала бы допрашивать охранников паркинга, и те подтвердили бы,

что видели, как машина посла третьего января проехала мимо видеокамер между пятью и половиной шестого вечера. Тогда стало бы ясно, что пленка сфабрикована: ведь машины на ней нет. Дождь и мокрые следы от шин лишь сделали свое дело, и мы обнаружили фальшивку раньше, чем могли бы.

— Ты хочешь сказать, что он тебя перехитрил?

— Что же, как-нибудь переживу, — пожал плечами Харри. — А вот Джим Лав кончил плохо. Ему заплатили за услугу отравленным опиумом.

— Потому что он был ненужным свидетелем?

— Брекке, как известно, не любит рисковать.

— Каков же его мотив?

Харри шумно выдохнул — будто сработал пневматический тормоз трейлера.

— Помнишь, мы обсуждали право распоряжаться суммой в пятьдесят миллионов крон в течение шести лет: был ли тут мотив для убийства посла? Тогда мы этого мотива не нашли. Но вот право получить эти деньги на всю оставшуюся жизнь — отличный мотив для Йенса Брекке убить трех человек. Согласно завещанию, Руна должна была получить деньги по достижении совершеннолетия, но там ничего не говорилось о том, что будет с деньгами, если она умрет. Следовательно,

вся сумма достанется оставшимся наследникам. То есть Хильде Мольнес. По завещанию, деньги теперь получит она.

— Как же Брекке собирался изъять у нее эти деньги?

— Ему ничего не надо было делать. Хильде Мольнес осталось жить всего шесть месяцев. Вполне достаточно для того, чтобы успеть выйти за него замуж, но не настолько долго, чтобы Брекке устал от роли джентльмена.

— Он убрал ее мужа и дочь, чтобы завладеть наследством после ее смерти?

— Не совсем, — продолжал Харри. — Дело в том, что он уже использует эти деньги.

Лиз вопросительно взглянула на него.

— Он приобрел одну компанию на грани банкротства, «Пхуриделл». Если все пойдет так, как считает «Барклай Таиланд», то через пару лет эта компания будет стоить в двадцать раз больше, чем он заплатил сегодня.

— Почему же другие акционеры пошли на то, чтобы ее продать?

— По словам Джорджа Уолтерса, исполнительного директора «Пхуриделла», другие — это всего лишь мелкие акционеры, которые отказались продать свои акции Уве Клипре, когда

он приобрел контрольный пакет акций, потому что поняли: что-то назревает. Но после того как Клипра исчез, они узнали о долларовом долге, который вот-вот раздавит компанию, и охотно согласились на предложение Брекке. То же самое касается адвокатской конторы, которая наследует имущество покойного Клипры. Совокупная стоимость исчисляется в сотню миллионов крон.

— Но у Брекке пока еще нет денег?

— Уолтерс рассказал, что половину наличности надо внести сейчас, а другую половину — через шесть месяцев. Не знаю, каким образом он собирался выплатить первую часть, может, он раздобыл деньги другим путем.

— А что, если она не умрет через шесть месяцев?

— Мне почему-то кажется, что Брекке постарается ускорить этот процесс. Ведь именно он смешивает для нее коктейли…

Лиз задумалась.

— А он не боится, что многим покажется подозрительным, как это он теперь сделался новым владельцем «Пхуриделла»?

— Боится. Поэтому и приобрел акции на имя фирмы «Эллем лимитед».

— Но могут обнаружить, что за фирмой стоит

он.

— Не обнаружат. Фирма зарегистрирована на Хильде Мольнес. И разумеется, он ее унаследует, когда Хильде умрет.

Лиз округлила губы, словно хотела сказать: «О!»

— И все это ты раскопал самостоятельно?

— С помощью Уолтерса. Но подозревать начал после того, как нашел у Клипры список акционеров «Пхуриделла».

— И что же?

— Там упоминался «Эллем», — улыбнулся Харри. — Поначалу я подозревал Ивара Лёкена. Его прозвище со времен войны во Вьетнаме как раз ЛМ. Но разгадка оказалась куда банальнее.

Лиз положила руки на затылок:

— Сдаюсь!

— Эллем, если читать наоборот, превращается в Мелле. А это девичья фамилия Хильде Мольнес.

Лиз уставилась на Харри, словно на диковинную зверушку в зоопарке:

— Да ты что!

Йенс держал в руке папайю, разглядывая ее.

— Слушай, Лёкен! Когда надкусываешь папайю, то ощущаешь вкус блевотины, не замечал?

И он вонзил зубы в мякоть плода. По подбород-

ку потек сок.

— А на вкус она как вагина, — и он рассмеялся, запрокинув голову. — Знаешь, папайя стоит пять батов в Чайнатауне, то есть сущие гроши. Каждый может купить ее, съесть этот фрукт означает так называемую простую радость жизни. Есть и другие простые радости, ценить их начинают только тогда, когда их лишаются. Это словно…

Йенс помахал перед собой рукой, подыскивая подходящее сравнение.

— …уметь подтереться. Или удовлетворить себя. Все, что для этого требуется, — это хотя бы одна рука.

Он поднял с пола отрубленную кисть Лёкена за средний палец и поднес ее к его лицу.

— У тебя пока еще есть одна рука. Подумай об этом. А также о том, чего ты *не* сможешь делать без рук. Я уже об этом подумал, так что позволь мне помочь тебе. Ты не сможешь почистить апельсин, не сможешь наживить крючок, не сможешь ласкать женское тело, не сможешь застегнуть на себе брюки. Ты даже не сможешь застрелиться, если появится такая охота. Ты будешь постоянно нуждаться в помощнике, который сделает за тебя все это. Все это! Подумай хорошенько.

Из обрубка вытекло несколько капель крови, они упали на край стола, оставив красные брызги на рубашке Лёкена. Йенс отложил руку. Пальцы ее указывали на потолок.

— С другой стороны, имея обе руки, можно делать что угодно. Можно задушить ненавистного тебе человека, сгрести выигрыш со стола, держать клюшку для гольфа. Знаешь, каких высот достигла сегодня медицина?

Йенс подождал, пока не убедился, что Лёкен отвечать не намерен.

— Врачи могут заново пришить кисть, восстановив все нервные волокна до единого. Для этого они вытянут из предплечья все нервы, словно какие-то резиночки. И через полгода ты забудешь о том, что перенес операцию. Разумеется, при условии, что ты тотчас поспешишь к врачу и не забудешь прихватить с собой отрубленную кисть.

Он встал за спиной у Лёкена, опустил голову ему на плечо и прошептал прямо в ухо:

— Посмотри, какая красивая рука. Само совершенство, верно? Почти как на картине Микеланджело, только вот не помню ее названия…

Лёкен ничего не ответил.

— Та, что на рекламе джинсов «Леви Страусс»,

знаешь?

Лёкен неподвижно смотрел в одну точку. Йенс вздохнул.

— Конечно, мы же не знатоки искусства. Возможно, я и куплю себе парочку знаменитых полотен, когда все это закончится, может, это пробудит во мне интерес к живописи. Кстати, о том, когда все закончится: ты не знаешь, сколько должно пройти времени, чтобы было уже поздно пришивать тебе руку? Полчаса? Час? А может, еще дольше, если мы положим обрубок в морозильник. Но, к сожалению, у нас нет с собой льда. Тебе повезло, отсюда до госпиталя Ансвут можно доехать всего за четверть часа.

Он вздохнул, придвинулся еще ближе к уху Лёкена и взревел:

— ГДЕ ХОЛЕ И ЭТА БАБА?

Лёкен вздрогнул, его лицо исказила мучительная гримаса.

— Извини, — сказал Йенс. И снял кусочек оранжевого плода со щеки Лёкена. — Просто мне очень важно знать об этом. Вы втроем, как бы то ни было, единственные, кто понимает, как все произошло, верно?

Старый человек хрипло прошептал:

— Верно говоришь…

— Что? — наклонился Йенс к его рту. — Что ты сказал? Повтори!

— Верно говоришь. Папайя правда отдает блевотиной.

Лиз схватилась руками за голову:

— Насчет Джима Лава. Ну не могу я представить себе Брекке стоящим на кухне и подмешивающим в опиум синильную кислоту.

Харри криво усмехнулся:

— То же самое сказал мне Брекке о Клипре. Ты права, ему кто-то помогает, и этот кто-то профессионал.

— Таких людей не ищут по объявлению в газете, это уж точно.

— Да.

— Может, какие-то случайные контакты. Он ведь посещает всякие сомнительные игорные заведения. Или…

Он пристально взглянул на нее.

— Что? — спросила она.

— Ну разве это не очевидно? Это же наш старый друг Ву. Они с Йенсом были заодно все это время. И Йенс велел ему вставить микрофон в мою телефонную трубку.

— Это больше, чем чистое совпадение! Один и тот же человек работал на кредиторов Мольнеса

и теперь работает на Брекке.

— Разумеется, это не случайно. Хильде Мольнес рассказывала мне, что именно Йенс Брекке разговаривал тогда по телефону с людьми, требовавшими денег после смерти посла. Сомневаюсь, что он так уж напугал их. Когда мы пришли в «Тай Индо Тревеллерз», господин Соренсен сказал, что у них нет претензий у Мольнесу. По всей видимости, он говорил правду, думаю, что Брекке уплатил им долг за посла. Разумеется, в обмен на услугу.

— Услугу Ву.

— Вот именно, — подтвердил Харри и посмотрел на часы. — Черт! Куда же запропастился Лёкен?

Лиз со вздохом поднялась со своего места:

— Надо попробовать позвонить ему. Может, он спит.

Харри задумчиво поскреб подбородок.

— Может быть.

Лёкен ощущал боль в груди. У него никогда не было проблем с сердцем, и он не разбирался в этих симптомах. Если это инфаркт, то пусть наконец отнимет у него жизнь. Все равно умирать, так уж лучше лишить Брекке удовольствия мучить его. Хотя кто знает, может, Брекке не особенно

и доволен. Может, для него это всего-навсего работа, как и для самого Лёкена. Выстрел — и человек упал. Он взглянул на Брекке. Увидел, как двигаются его губы, и, к своему удивлению, понял, что не слышит его.

— Когда Уве Клипра попросил меня обеспечить долларовый долг «Пхуриделла», он сделал это за обедом, а не по телефону, — говорил Йенс. — Я поверить не мог, что это правда. Договор почти на полмиллиарда, и он сообщает мне об этом устно, даже не записывая разговор на пленку! Такого счастливого случая ждешь всю жизнь! — И Йенс вытер губы салфеткой. — Вернувшись в офис, я выкупил долларовые обязательства на свое собственное имя. Если доллар пойдет вниз, то я позже переведу сделку на «Пхуриделл» и скажу, что это обеспечение долларового долга, как мы и договорились. Если же курс поднимется, я заберу себе прибыль и буду отрицать, что Клипра просил меня об этой покупке. Он ведь ничего не сможет доказать. Догадываешься, что произошло, Ивар? Я буду называть тебя Ивар, ладно?

Он смял салфетку и прицелился в мусорное ведро у двери.

— Клипра грозился пойти в правление «Барклай Таиланд». Я объяснил ему, что если компания

окажет ему поддержку, то ей придется взять на себя его долги. Плюс лишиться своего лучшего брокера. Иными словами: у них нет другого пути, кроме как встать на мою сторону. Тогда он пригрозил мне, что пустит в ход свои политические связи. И знаешь что? Он так и не сумел это сделать. Я подумал, что надо решать эту проблему в лице Уве Клипры и заодно завладеть его компанией, «Пхуриделл», которая вскоре взлетит в цене, как ракета. И если я это говорю, значит, я не просто так думаю или надеюсь наподобие других пафосных биржевых игроков. Я точно *знаю* это. И я позабочусь об этом. Так оно и будет.

Глаза Йенса засверкали.

— И я точно знаю, что Харри Холе и эта бритоголовая дама умрут сегодня вечером. Так оно и будет, — произнес он, взглянув на часы. — Прости за мелодраматичность, но время не ждет, Ивар. Настал час подумать о своей выгоде, или как?

Лёкен смотрел на него пустыми глазами.

— Не боишься, нет? Крепкий мужик? Рассказать тебе, какими их найдут, Ивар? Каждый из них будет привязан к сваям в реке, у каждого будет пуля в животе и «рожа гориллы» вместо лица. Помнишь, что означает это выражение, Ивар? Нет? Может, во времена твоей молодости

это было неизвестно? Я сам никогда не понимал, что это такое. Пока мой друг Ву не поведал мне, что гребной винт буквально сдирает кожу с лица, обнажая кровавое мясо, понятно? Но главное в том, что это метод мафии. Люди зададутся вопросом, чем эти двое так досадили мафии, но ответа никогда не узнают, ясно? По крайней мере, от тебя, потому что ты получишь от меня пять миллионов долларов и бесплатно сделаешь себе операцию, если расскажешь мне, где они сейчас. Ты обучен исчезать бесследно, жить под чужим именем и все такое прочее, ведь так?

Ивар Лёкен смотрел на шевелящиеся губы Йенса и слышал какое-то далекое эхо его голоса. Мимо пролетели слова «гребной винт», «пять миллионов» и «под чужим именем». Он всегда ощущал свою раздвоенность и вовсе не стремился к смерти. Но он понимал разницу между правильным и неправильным и в пределах разумного пытался поступать правильно. Никто, кроме Брекке и Ву, так и не узнает, как он принял смерть — с поднятой головой или нет; никто не помянет старину Лёкена за кружкой пива, в кругу ветеранов разведки или МИДа, да Лёкену и наплевать на все это. Он не нуждался в посмертной памяти. Жизнь его была засекреченной, и потому

совершенно естественно, что он должен умереть вот так. Это не повод для красивых жестов, и он знал, что единственное, чего он желал бы, так это скорейшая смерть. И чтобы прекратилась боль. Больше он ни о чем не жалел. Нет никакой разницы в том, слышал Лёкен детали предложения Брекке или не слышал. Ничто теперь не имело значения.

В этот момент запищал его мобильный телефон, висящий на ремне.

Глава 51

Харри уже собрался положить трубку, но услышал щелчок, новые гудки и понял, что вызов переадресован с домашнего номера Лёкена. Он прождал еще семь гудков, но потом сдался и поблагодарил девушку за стойкой со смешными косичками в виде ушей Микки-Мауса за разрешение воспользоваться телефоном.

— У нас проблема, — сказал он, вернувшись за столик.

Лиз уже сняла с себя туфли.

— Это из-за пробок, — откликнулась она. — Вечные пробки!

— Мой звонок был переадресован на его мобильник. Но он и там не отвечает. Мне это не нравится.

— Успокойся. Что может с ним случиться в мирном Бангкоке? Наверняка он забыл свой мобильный дома.

— Я совершил ошибку, — сказал Харри. — Я рассказал Брекке, что мы должны встретиться сегодня вечером, и попросил его узнать, кто стоит за фирмой «Эллем лимитед».

— Что ты сделал? — переспросила Лиз, опустив ноги со стола.

Харри грохнул кулаком по столу так, что подпрыгнули кофейные чашечки.

— Черт! Черт! Я должен был заметить его реакцию.

— Реакцию? Но это не игра, Харри!

— Вот именно, не игра! Мы решили, что я позвоню ему после встречи и мы договоримся о месте, где должны будем увидеться. Я собирался предложить ему «Лемон Грасс».

— Ресторан, в котором мы были?

— Рядом, и это менее рискованно, чем отправляться к нему домой. Нас было бы трое, как я планировал, и мы смогли бы устроить задержание, вроде того, когда брали Ву.

— Так ты спугнул его, назвав «Эллем»? — простонала Лиз.

— Брекке неглуп. Он чует неладное. И он проверял меня, пригласив свидетелем на свадьбу, чтобы убедиться, не подозреваю ли я его.

— Трепачи вы, мужики! — фыркнула Лиз. — Вот черт! Харри, а я-то думала, что ты профессионал!

Харри ничего не ответил. Он понимал, что она права и он повел себя непрофессионально. Ну с чего вдруг понадобилось упоминать «Эллем ли-

митед»? Он мог бы найти сотню других поводов для встречи. Йенс что-то такое говорил о людях, которые любят рисковать ради самого риска; наверное, он, Харри, и есть такой игрок, да еще к тому же пафосный, как выражался Брекке. Нет, это не так. Во всяком случае, дело не только в этом. Однажды дед объяснил ему, почему никогда не стреляет в куропаток, когда они сидят на земле: «Это нечестно».

Может, в этом причина? Нечто вроде унаследованного охотничьего инстинкта: прежде спугнуть добычу, чтобы потом подстрелить ее на лету, дав ей символическую возможность спастись бегством?

Лиз нарушила его размышления:

— Что теперь будем делать, инспектор?

— Ждать, — ответил Харри. — Дадим Лёкену еще полчаса. Если он не появится, я звоню Брекке.

— А если Брекке не ответит?

Харри тяжело вздохнул:

— Тогда мы звоним начальнику полиции и поднимаем всех на ноги.

Лиз чертыхнулась сквозь зубы.

— Ну вот, разве я не говорила, что закончу свою карьеру в дорожно-патрульной службе?

Йенс посмотрел на дисплей мобильника Лёкена и поперхнулся от смеха. Звонки прекратились.

— Классный у тебя телефон, Ивар, — проговорил он. — «Эрикссон» хорошо сработал, верно? Можно увидеть номер звонившего. Если звонит кто-то, с кем ты не хочешь разговаривать, ты просто не берешь трубку. Я не ошибся: кое-кто забеспокоился, почему ты не явился на встречу. У тебя ведь не так много друзей, которые звонят тебе в такое время суток, верно, Ивар?

Он бросил телефон через плечо, и Ву ловко поймал его на лету.

— Позвони в справочную и узнай, кто звонил и откуда. Быстро.

Йенс подсел к Лёкену:

— Надо поторопиться с операцией, Ивар.

Зажав нос, он взглянул на пол, где вокруг стула растекалась лужа.

— Ну же, Ивар.

— «Миллис караоке», — прозвучало у него за спиной на отрывистом английском. — Я знаю, где это.

Йенс похлопал Лёкена по плечу.

— Прости, но нам надо бежать, Ивар. Отвезем тебя в больницу, когда вернемся, ладно? Я обещаю.

Лёкен уловил вибрацию от удаляющихся шагов и ждал теперь сквозняка от хлопнувшей двери. Но дверь так и не хлопнула. Вместо этого он опять услышал эхо далекого голоса у себя над ухом:

— Да, я совсем забыл, Ивар.

Он почувствовал горячее дыхание у виска.

— Надо же их чем-то привязать к сваям в реке. Я позаимствую у тебя эти жгуты? Мы их тебе вернем, честное слово.

Лёкен открыл рот, ощутив, как лопается слизистая от его рева. Кожаные ремни ослабели, и он увидел, что кровь хлынула на стол и рукава рубашки налились красным. Сквозняка от хлопнувшей двери он не заметил.

Харри вскочил, услышав легкий стук в дверь.

Он невольно поморщился, увидев, что это не Лёкен, а девчушка с косичками.

— Вы Халли, сэл?

Он кивнул.

— Телефон.

— Что я говорила? — воскликнула Лиз. — Спорю на сто батов, что это из-за пробок.

Харри последовал за девушкой в холл, рассеянно отметив, что у нее такие же черные волосы и такая же изящная шея, как у Руны. Он разглядывал черные волоски под косичками. Девушка с

улыбкой обернулась и указала рукой на телефон. Кивнув, он схватил трубку.

— Да?

— Харри? Это я.

Харри почувствовал, как кровь бросилась ему в голову. Он глубоко вздохнул, чтобы голос его звучал спокойно и ровно:

— Где Лёкен, Йенс?

— Ивар? Знаешь, он теперь так занят, что рук не хватает.

По его тону Харри понял, что маскарад кончен, что теперь говорить будет настоящий Йенс Брекке, тот самый, с которым он общался в первый раз в его офисе. Тем же глумливым, надменным тоном человека, который знает, что выиграл, и наслаждается победой, прежде чем нанести противнику последний сокрушительный удар. Харри пытался просчитать, что могло склонить чашу весов в пользу Брекке.

— Я ждал, что ты позвонишь, Харри.

Это был голос не отчаявшегося неудачника, а человека, который сидит на переднем сиденье, небрежно положив руку на руль.

— Ладно, ты обогнал меня, Йенс.

Йенс хрипло засмеялся.

— Я всегда опережаю тебя, Харри, верно? Как

тебе это?

— Тяжело сознавать. Где Лёкен?

— Хочешь знать, что сказала Руна перед смертью?

Харри почувствовал, как боль пронзила виски.

— Нет, — услышал он свой собственный голос. — Я только хочу знать, где Лёкен, что ты с ним сделал и где тебя искать.

— Вон оно как, три желания за один раз!

Мембрана в трубке задрожала от его хохота. Но очевидно, что-то другое отвлекло его внимание, что-то непонятное. И хохот внезапно прекратился.

— Знаешь, чего мне стоило осуществить этот план, Харри? Подстраховываться и перестраховываться, просчитать все уловки, чтобы комар носу не подточил? Уж не говоря о физических неудобствах. Ладно убийство, но сидеть за решеткой? Думаешь, мне это нравилось? Может, ты мне не веришь, но о закрытых помещениях я говорю истинную правду.

— А зачем тебе понадобились эти уловки?

— Я уже говорил, что свести риск к нулю — это требует затрат, но зато окупается. Всегда. Как, к примеру, окупились все мои усилия представить дело таким образом, что вина лежит на Клипре.

— Почему же не поступить проще? Пристрелить их и свалить все на мафию?

— Ты рассуждаешь в точности как все эти лузеры, за которыми ты сам гоняешься, Харри. Вы, игроки, забываете о целом, о том, что будет потом. Конечно, я мог бы убить Мольнеса, Клипру и Руну более простым способом, позаботившись о том, чтобы не оставить следов. Но этого было бы недостаточно. Ведь когда я прибрал бы к рукам состояние Мольнеса и «Пхуриделл», стало бы очевидным, что у меня был мотив для убийства этой троицы, разве не так? Три убийства и один человек, имеющий мотив, — даже полиция сумела бы вычислить, кто это, верно? Пусть бы вы и не нашли убедительных доказательств, но все равно испортили бы мне жизнь. И я приготовил для вас альтернативный сценарий, где один из убитых и был убийцей. Не очень сложная для вас загадка, но и не столь простая, чтобы вы сразу успокоились. Тебе следует поблагодарить меня, Харри, за то, что ты выглядел молодцом, когда напал на след Клипры; разве это не моя заслуга?

Харри слушал его вполуха, он мысленно перенесся на год назад. Тогда тоже звучал голос убийцы. На фоне плеска воды. Теперь же слабо играла музыка, и это могло быть где угодно.

— Чего ты хочешь, Йенс?

— Чего я хочу? А действительно, чего я хочу? Наверное, просто поговорить.

«Задержать меня, — подумал Харри. — Он хочет задержать меня. Но зачем?» Слышались легкие звуки ударных, кларнет умолк.

— Если хочешь знать конкретно, то я звоню, просто чтобы сказать…

«I Just Called to Say I Love You!»

— …что твоей коллеге, возможно, понадобится подтяжка лица. Да, Харри? Харри!

Телефонная трубка, описав дугу, закачалась над полом.

Чувствуя сладостный прилив адреналина, словно от инъекции, Харри опрометью несся по коридору. Девушка с косичками испуганно прижалась к стене, когда он, бросив трубку, выхватил свой «Ругер SP-101» и молниеносно зарядил его. Поняла ли она, когда он крикнул ей позвонить в полицию? Нет времени думать об этом. Брекке здесь. Харри распахнул ногой первую же дверь и навел пистолет: перед ним оказались четыре испуганных лица.

— Прошу прощения.

В следующем номере было то же самое: страх, и ничего больше. Посреди на полу стоял крошеч-

ный темноволосый таец в отливающем серебром костюме и в порноочках, широко расставив ноги. Только через несколько секунд Харри понял, чем тот занят, но к тому времени остатки «Hound Dog»[39] застряли глубоко в горле у этого тайского Элвиса.

Харри окинул взглядом коридор. Здесь по меньшей мере пятьдесят номеров. Он заберет Лиз? В голове завывала сирена, но мозг был уже так перегружен, что пытался ее игнорировать. Покуда не услышал четко и внятно: Лиз! Черт, черт, конечно же! Йенс сумел-таки его задержать!

Харри рванул вперед по коридору, повернул за угол и увидел, что дверь их номера распахнута. Он уже ни о чем не думал, ничего не боялся, ни на что не надеялся, просто бежал, зная, что уже миновал ту грань, за которой убийство кажется обычным делом. Не кошмарным сном, не прыжком в воду, чтобы спастись. Он ворвался в комнату и увидел Лиз, которая лежала, скрючившись, за диваном. Он вскинул пистолет, но поздно. Кто-то ударил его по почкам, он задохнулся и в следующий момент почувствовал на своей шее удавку. Заметил конец телефонного провода

---

[39] Примечания: 39

«Охотничий пес» *(англ.)*, известная песня из репертуара Элвиса Пресли.

и ощутил нестерпимый запах карри.

Харри двинул локтем назад, попал в кого-то и услышал стон.

— Тай, — произнес голос, и чей-то кулак долбанул его прямо по уху, так что в глазах все поплыло.

Харри сразу понял, что с челюстью неладно. Провод на шее затянулся еще туже. Харри попробовал просунуть под него палец, но ничего не вышло. Онемевший язык сам пробивался между зубами, точно навстречу поцелую. Похоже, на стоматологе сегодня удастся сэкономить, вон уже начало темнеть.

В голове Харри словно вскипал шипучий порошок. Он изнемог, он решил умереть, но тело не повиновалось. Он машинально вытянул руку, но спасительного сачка, как в бассейне, здесь не было. Была только молитва, как будто он стоит на мосту на Сиам-сквер и молится о вечной жизни.

— Стоп!

Удавку ослабили, и кислород хлынул в его легкие. Больше, еще больше! Словно всего воздуха комнаты было мало, словно легкие вот-вот лопнут в груди.

— Отпусти его! — скомандовала Лиз.

Она стояла на коленях, направив в сторону

Харри свой «смит-вессон».

Харри почувствовал, как Ву съежился за его спиной, пытаясь снова затянуть удавку, но теперь Харри просунул под провод левую руку.

— Стреляй в него, — произнес Харри голосом Дональда Дака.

— Отпусти его! Ну!

Глаза Лиз почернели от страха и ярости. Струйка крови стекала из уха, по ключице, пачкая воротник.

— Он не отпустит, стреляй в него, — хрипло прошипел Харри.

— Ну же! — крикнула Лиз.

— Стреляй! — прорычал Харри.

— Заткнись! — И Лиз взмахнула пистолетом, чтобы удержать равновесие.

Харри наклонился назад, к Ву. Его словно подпирала стена. На глазах у Лиз выступили слезы, голова ее упала на грудь. Харри видел такое прежде. У нее серьезное сотрясение мозга. Плохо дело.

— Лиз, послушай меня!

Удавка снова затянулась на шее, и Харри почувствовал, как лопнула кожа на его руке, удерживавшей провод.

— У тебя расширились зрачки, ты сейчас потеряешь сознание, Лиз! Послушай! Ты должна

выстрелить, пока не поздно! Ты скоро отключишься, Лиз!

С ее губ сорвался какой-то всхлип.

— Черт тебя побери, Харри! Я не могу! Я…

Провод резал руку, словно нож масло. Харри попытался сжать кулак, но не смог: очевидно, передавлены какие-то нервы.

— Лиз! Смотри на меня, Лиз!

Лиз все моргала, пытаясь не отводить от него глаз.

— Все идет отлично, Лиз. Понимаешь, почему в армию набирают этих северных китайцев? Да во всем мире не сыскать лучшей мишени! Смотри на него, Лиз. Если промахнешься, целясь в меня, ты точно попадешь в него!

Она смотрела на него, открыв рот, потом опустила пистолет и захохотала. Харри пытался задержать Ву, который начал продвигаться вперед, но это было все равно что стоять на пути у паровоза. Они уже добрались до нее, когда что-то взорвалось прямо перед лицом Харри. Его обожгла боль. Он ощутил запах духов, ее тела — Лиз упала, и Ву своим телом придавил их обоих к полу. Громовое эхо раскатилось по коридору. Потом все стихло.

Харри задышал. Он лежал, стиснутый между

Лиз и Ву, но чувствовал, как грудь поднимается и опускается. Значит, он пока еще жив. Что-то капало и капало. Он гнал от себя эту мысль, на нее нет времени: мокрый канат, холодные, соленые капли на палубе. Здесь не Сидней. Он нащупал лоб Лиз, ее глаза. И снова услышал ее смех. Лиз открыла глаза, они были словно два черных окна с белыми наличниками на фоне красной стены. Стук дедушкиного топора. Глухие удары, и дрова со стуком валятся на утоптанную землю. Над головой синеет небо, травинки щекочут ухо, мимо пролетает чайка, и вот она уже скрылась из виду. Ему хочется спать, но лицо горит огнем, и он ощущает запах собственного мяса и пороховой гари, въевшейся в поры.

Он со стоном выкатился из этого сэндвича. Лиз хохотала не переставая, зрачки ее были расширены, но Харри не обращал внимания.

Он перевернул Ву на спину. На лице великана застыло удивленное выражение, рот был полуоткрыт, будто протестуя против черной дырочки во лбу. Харри оттащил Ву в сторону, но что-то по-прежнему капало. Обернувшись к задней стене, он понял, что это не игра воображения. Мадонна снова поменяла цвет волос и прическу. Теперь ее, как панковский гребень, украшала косичка Ву,

зацепившаяся за рамку фотографии. С косички стекала какая-то смесь гоголя-моголя и красного сока. Капли падали на толстый ковер с влажным всхлипом.

Лиз все хохотала и хохотала.

— Это здесь вечеринка? — услышал он голос в дверях. — И вы забыли пригласить Йенса? А я-то думал, мы друзья…

Харри, не оборачиваясь, отчаянно искал глазами пистолет на полу. Тот должен был упасть под стол или позади стула, когда Ву ударил его по спине.

— Ты не это ищешь, Харри?

Разумеется. Он медленно повернулся и уставился в дуло своего же собственного «Ругера SP-101». И даже собрался открыть рот и что-то сказать, когда понял: Йенс сейчас выстрелит. Тот держал пистолет обеими руками, наклонившись вперед, чтобы точнее прицелиться.

И видел перед собой инспектора, который так любил сидеть в «Шрёдере», раскачиваясь на стуле, его влажные губы, его презрительную улыбку, — Харри не улыбался, но улыбка тем не менее была. Она там так и останется, эта невидимая улыбка, когда начальник полиции попросит почтить Харри Холе минутой молчания.

— Игра окончена, Йенс, — услышал Харри собственный голос. — Тебе не скрыться.

— Игра окончена? Ты действительно так думаешь? — Йенс со вздохом покачал головой. — Да ты насмотрелся плохих боевиков, Харри.

Его палец лег на спусковой крючок.

— А впрочем, ладно, ты прав. Все кончено. Вашими стараниями все идет даже лучше, чем я планировал. Как ты думаешь, кто окажется виновным, когда здесь найдут подручного мафии и двух полицейских, застреливших друг друга?

Йенс прищурил один глаз, что было излишне на расстоянии всего-то трех метров. Никакой ты не игрок, подумал Харри, закрыв глаза и невольно сделав вдох.

Его барабанные перепонки разлетелись в клочья. Три раза. Никакой ты не игрок. Харри почувствовал, как его спина ударилась о стену, о пол и в нос ударил запах кордита. Значит, запах кордита. Он ничего не понимал. Если Йенс выстрелил в него трижды, то разве он смог бы ощущать еще какой-то запах?

— Вот черт! — прокричал кто-то будто сквозь подушку.

Дым рассеялся, и он увидел Лиз. Она сидела, прислонившись к стене, держа в одной руке

дымящийся пистолет, а другую прижимая к животу.

— Черт, он попал в меня! Это ты, Харри?

«Это я?» — удивился Харри. Он смутно помнил удар в бедро, от которого его развернуло вполоборота.

— Что случилось? — выкрикнул Харри, по-прежнему едва слыша себя.

— Я выстрелила первой. И попала. Я знаю, что попала, Харри. Вот черт, как же ему удалось?

Харри поднялся на ноги, смахнув чашки со стола. Левая нога онемела. Ощупав бедро, он почувствовал, что штанина намокла от крови. Он не хотел смотреть на рану. Вытянул руку вперед.

— Дай пистолет, Лиз.

Его взгляд уперся в открытую дверь. Кровь. На линолеуме виднелась кровь. Бежать. Вперед, Холе. Скорее, по этому следу. Он взглянул на Лиз. Под ее пальцами на синей рубашке расплывалась красная роза. Черт, черт!

Застонав, она протянула ему свой «смит-вессон».

— Апорт, Харри.

Он помедлил.

— Это приказ, черт возьми!

Глава 52

Он подволакивал ногу, отчаянно надеясь, что она под ним не переломится. Все мелькало перед глазами, и он знал: это мозг отказывается регистрировать боль. Он миновал девушку за стойкой — она выглядела как на картине Мунка «Крик»: неподвижная, с беззвучно открытым ртом.

— Вызовите «скорую»! — крикнул ей Харри, и она встрепенулась. — Врача, скорее!

Он выбрался на улицу. Ветер прекратился, стояла жара, удушающая жара. Дорогу перегородила машина, на асфальте виднелся тормозной след, дверь была распахнута, внутри отчаянно жестикулировал водитель. И указывал наверх. Харри побежал не оглядываясь. Он знал, что, если заметят, что он бежит, могут остановить. Завизжала резина. Он посмотрел туда, куда указывал водитель. Караван серых слоновьих силуэтов вздымался над ним к звездному небу. Мозг перескакивал с мысли на мысль, словно испорченное радио в машине, и одинокий трубный глас заполнил собой ночь. До краев. Харри ощутил, как порывом ветра от гудящего трейлера

с него чуть не сорвало рубашку. Он едва не угодил под колеса.

И вот он снова здесь, глаза его перебегают с одной бетонной сваи на другую. Дорога в страну Оз. BERTS. Почему бы нет? Это даже логично.

Железная лесенка прямо над ним вела к отверстию в бетоне на высоте пятнадцати-двадцати метров. Сквозь дыру виднелся лунный серп. Харри зажал рукоять пистолета в зубах, отметил, что ремень болтается, заставил себя не думать, что сделала с его ногой пуля, порвавшая ремень, и начал подтягиваться по лестнице на руках. Железо впивалось в ободранные проводом пальцы.

«Я ничего не чувствую», — подумал Харри и чертыхнулся, увидев, как кровь одела руку будто в красную перчатку для мытья посуды и ладонь заскользила по металлу. Правая нога коснулась ступеньки, но он оттолкнулся. Нога снова опустилась, и он вновь оттолкнулся. Так-то лучше. Только не потерять сознание. Он взглянул вниз. До земли десять метров? Нельзя потерять сознание. Двигаться дальше. Стемнело. Сперва он подумал, что это у него почернело в глазах, и остановился, а когда посмотрел вниз, то увидел машины и услышал пронзительный вой полицейских сирен. Он поднял глаза наверх. Дыра

стала совсем черной, луны уже не видно. Может, она скрылась за тучей? С пистолета сорвалась капля. Снова манговый дождь? Харри попробовал подняться еще на ступеньку, почувствовал, как колотится сердце, потом на миг замирает и снова колотится, — здорово, что оно еще бьется.

Бессмысленно, подумал он и взглянул вниз. Скоро первая полицейская машина будет уже там. А Йенс скрылся потайным путем, давясь от смеха, он уже пробежал два квартала, и вот — затерялся в уличной толпе. Волшебник страны Оз.

Капля скатилась по рукоятке пистолета прямо Харри в рот.

В голове крутились одновременно три мысли. Во-первых, если Йенс видел, что Харри выбрался из «Миллис караоке» живым, то не станет убегать, у него нет иного пути: дело надо довести до конца. Во-вторых, дождевые капли отдают чем-то сладковатым и металлическим. В-третьих, они не из тучи, а из отверстия наверху. Там кто-то истекает кровью.

Потом события вновь сильно ускорились.

Харри показалось, что из-за поврежденных нервных окончаний в левой руке он не может оторвать ее от ступеньки, и тогда он вынул пистолет изо рта правой, увидел, как брызнули

искры от верхней ступеньки, услышал, как что-то со свистом отскочило, почувствовал, как что-то задело штанину, и направил пистолет прямо в черную дыру наверху. Он палил не переставая, пока не разрядил обойму. Но продолжал жать на спуск. Щелк-щелк. Непрофессионал хренов.

Теперь он снова видел лунный серп и, отшвырнув пистолет, начал опять карабкаться вверх по лестнице. И вот он наверху. Шоссе, ящики с инструментами и оборудованием купались в желтом свете нелепого гигантского шара, который был прикреплен прямо над ними. На куче формовочного песка восседал Йенс, сложив руки на животе, и раскачивался взад-вперед от громового хохота.

— Черт побери, Харри, ну и дела. Смотри-ка.

Он отнял руки от живота. Что-то, пузырясь, вытекало из него, тяжелое и лоснящееся.

— Черная кровь. Значит, ты задел мне печень, Харри. Боюсь, мой врач запретит мне спиртное. Нехорошо.

Вой полицейских сирен нарастал. Харри старался контролировать дыхание.

— Я не хотел, Йенс. Я слышал, что в таиландских тюрьмах подают скверный коньяк.

Он продолжал приближаться к Йенсу, который

наставил на него дуло пистолета.

— Ну же, не будь таким высокомерным, Харри, это плохо кончится. Все можно купить за деньги.

— В твоем пистолете кончились патроны, — сказал Харри, продолжая подниматься.

Йенс поперхнулся от смеха.

— Славно придумал, Харри, но, боюсь, это у тебя закончились патроны. Я ведь умею считать.

— Неужели?

— Ха-ха, я думал, ты понял. Цифры. В этом моя жизнь.

И он показал на пальцах свободной руки.

— Два для тебя и бабы в притоне караоке, три на лестнице. Осталась одна пуля для тебя, Харри. Надо же кое-что приберечь и на черный день.

Харри оставалось преодолеть две ступеньки.

— Ты насмотрелся плохих боевиков, Йенс.

— В них важно последнее слово.

Сделав сочувственную мину, Йенс выстрелил. Раздался оглушительный щелчок. Лицо Йенса исказилось.

— Это только в плохих боевиках в каждом пистолете по шесть патронов, Йенс. Но у тебя-то «Ругер SP-101». А в нем их пять.

— Пять? — Йенс уставился на пистолет. — Как пять? Откуда ты знаешь?

— В этом моя жизнь.

Харри увидел на шоссе под собой синие мигалки.

— Лучше отдай мне пистолет, Йенс. Полицейские обычно стреляют в того, у кого видят в руках оружие.

На лице Йенса отразилось замешательство, когда он протянул пистолет Харри, и тот засунул его себе за пояс. Ремня в брюках не было, и потому пистолет скатился вниз по штанине, а может, он сам просто устал или на какой-то миг расслабился, увидев в глазах Йенса то, что счел капитуляцией. И пошатнулся от удара, застигнутый врасплох мгновенной реакцией Йенса, левая нога подкосилась, и он упал, ударившись затылком о бетон.

На мгновение он отключился. Радиоприемник тщетно ловил волну. Первое, что он увидел, открыв глаза, было поблескивание золотого зуба. Харри зажмурился. Это был не золотой зуб, это лунный свет упал на лезвие саамского ножа. И сталь жадно устремилась к нему.

Харри так и не понял, инстинктивно он действовал или осознанно. Левая рука с растопыренными пальцами поднялась навстречу сверкающему лезвию. Нож мягко и легко скользнул сквозь

ладонь. Когда он вонзился по самую рукоятку, Харри рванул руку к себе и что есть силы лягнул здоровой ногой нападавшего. Он угодил прямо в черную кровищу, Йенс согнулся и застонал, свалившись на песок. Харри встал на колени. Йенс лежал в позе зародыша, прижав руки к животу. Он выл. От смеха или боли, трудно было понять.

— Вот черт, Харри. Безумно больно.

Он то хватал ртом воздух, то хрюкал, то смеялся.

Харри поднялся наконец на ноги. Взглянул на нож, торчащий у него из ладони, прикидывая, что лучше: вытащить его или оставить в качестве затычки. Он услышал, как снизу кричат в мегафон.

— Знаешь, что теперь будет, Харри? — сказал Йенс, закрыв глаза.

— Не совсем.

Помедлив, Йенс собрался с силами.

— Тогда позволь объяснить тебе, что сейчас произойдет, Харри. Настал день получки для целой кучи полицейских, юристов и судей. И гореть тебе в аду, Харри, — мне оно влетит в копеечку.

— Что ты имеешь в виду?

— Что я имею в виду? Ты что, снова прикидываешься простым норвежским бойскаутом, Харри? Все покупается. Если есть деньги. У меня есть

деньги. Кроме того… — он закашлялся, — есть парочка политиков, которые весьма заинтересованы строительной отраслью и не позволят развалить BERTS.

Харри покачал головой:

— Не в этот раз, Йенс. Не теперь.

Йенс обнажил зубы в мучительной ухмылке:

— Спорим?

«Не делай этого, — подумал Харри. — Не делай того, о чем пожалеешь, Холе». Он взглянул на часы: чисто профессиональный рефлекс. Время задержания, для отчета.

— Мне не дает покоя одна мысль, Йенс. Инспектор Крамли считает, что я раскрыл карты, спросив тебя об «Эллем лимитед». Наверное, так оно и есть. Но ты ведь понимал, и давно: я знаю, что это ты, разве не так?

Йенс попытался сфокусировать взгляд на Харри.

— Какое-то время — да. Поэтому я поражался, зачем тебе так стараться освободить меня. Зачем, Харри?

У Харри закружилась голова, и он присел на ящик с инструментами.

— Ладно. Возможно, я еще не был уверен, что это все же ты. Может, я хотел посмотреть, как

ты будешь разыгрывать следующую партию. А может, думал, что припугну тебя, и хватит. Не знаю. А как ты понял, что я тебя раскрыл?

— Кое-кто рассказал мне об этом.

— Это невозможно. Я не сказал никому ни слова вплоть до сегодняшнего вечера.

— Но кое-кто это понял и без твоих слов.

— Руна?

У Йенса затряслись щеки, на губах показалась белая пена.

— Знаешь, Харри, Руна обладала тем, что называется интуицией. Я называю это наблюдательностью. Тебе стоило бы научиться лучше прятать свои мысли, Харри. Не раскрываться перед врагом. Поскольку ты даже не представляешь себе, что готова рассказать женщина, если ты угрожаешь отрезать ей то, что делает ее женщиной. Она ведь успела стать женщиной, да, Харри? Ты…

— Чем ты ей угрожал?

— Соски. Отрезать ей соски. Что скажешь, Харри?

Харри поднял лицо к небу и закрыл глаза, словно ожидая дождя.

— Я сказал что-то не так, Харри?

Он почувствовал дыхание горячего воздуха на

своем лице.

— Она ждала тебя, Харри.

— В каком отеле ты останавливаешься, когда бываешь в Осло? — прошептал он.

— Руна говорила, что ты придешь и спасешь ее, что ты знаешь, что именно я ее похитил. Плакала, как ребенок, стучала своим протезом, вот умора. Потом…

Раздались металлические звуки. Лязг. Снизу поднимались по лестнице. Харри посмотрел на нож, засевший в руке. Нет. Он оглянулся вокруг. Голос Йенса резал ему слух. В животе засосало, в голове слегка зашумело, словно он выпил шампанского. «Не делай этого, Холе, держись». Но он уже ощущал это экстатическое чувство свободного падения. И потерял над собой контроль.

Замок на ящике с инструментами подался со второго раза. Вот он, компрессорный бур марки «Ваккер», легкий, не тяжелее двадцати килограммов, заводится мгновенно, едва нажмешь на кнопку. Йенс захлопал глазами, зрачки его расширились, едва он начал осознавать, что сейчас произойдет.

— Харри, ты не можешь…

— Открой рот! — скомандовал Харри.

Железный рев поглотил и шум транспорта на

шоссе под ними, и крики в мегафон, и топот шагов по железной лестнице. Харри перенес центр тяжести вперед, расставил ноги, снова поднял лицо к небу и закрыл глаза. Пошел дождь.

Потом Харри опустился на песок. Лег на спину, глядя в небо. Он был на берегу, и она спрашивала, не намажет ли он ей спину, ведь у нее такая нежная кожа. Она не хочет обгореть на солнце. Обгореть. И вот они здесь, наверху: кричат, топают по бетону, радостно щелкая затворами. Он открыл глаза, и его ослепил свет фонарика, направленный прямо ему в лицо. Потом фонарь отвели в сторону, и он увидел силуэт Рангсана.

— Ну как?

— Не оставим кариесу ни шанса, — ответил Харри и успел ощутить вкус собственной желчи, прежде чем содержимое желудка наполнило рот и нос.

Глава 53

Лиз проснулась, зная, что как только откроет глаза, то снова увидит над собой желтый потолок с трещиной на штукатурке, похожей на букву «Т». Лиз смотрела на нее уже две недели. Из-за перелома черепа ей не разрешалось ни читать, ни смотреть телевизор; можно только слушать радио. Ей сказали, что все заживет, что жизненно важные органы не задеты.

Во всяком случае, жизненно важные для нее.

Врач спросил у нее, намерена ли она заводить детей. Она закрыла глаза и попыталась качнуть головой, не желая слушать продолжения, и он ушел. Еще будет время для плохих новостей, а сейчас она старалась сосредоточиться на хороших. Что, например, ей не придется в ближайшие годы патрулировать движение на дорогах. И что ее навестил начальник полиции и разрешил взять отпуск на несколько недель.

Она перевела взгляд на окно. Попробовала повернуться туда, но под головой у нее находилась конструкция вроде нефтяной вышки, не позволяющая даже пошевелиться.

Ей не нравилось быть в одиночестве, она никогда не любила этого. Недавно ее посетила Тонье Виг, спрашивала, куда подевался Харри. Словно он находился с Лиз на телепатической связи, пока она лежала в коме. Но, заметив, как Тонье обеспокоена, причем не только как дипломатический представитель, Лиз заверила ее, что он наверняка скоро объявится.

Она выглядела такой одинокой и потерянной, эта Тонье Виг, словно внезапно поняла, что ее поезд ушел. Ну ничего, справится. Она такая. Ей сообщили, что она назначена новым послом и в мае вступает в должность.

Кто-то кашлянул. Лиз открыла глаза.

— Как дела? — произнес хриплый голос.

— Харри?

Щелкнула зажигалка, запахло сигаретным дымом.

— Ты вернулся? — спросила Лиз.

— Всегда начеку.

— Чем ты занимаешься?

— Экспериментирую, — ответил он. — Ищу пределы бессознательного.

— Мне сказали, что ты демонстративно покинул больницу.

— Они больше ничего не могли сделать для

меня.

Она осторожно засмеялась, чтобы не поперхнуться.

— Что он сказал? — спросил Харри.

— Бьярне Мёллер? Что в Осло идет дождь, будто наступила ранняя весна. В остальном все по-старому, просил передать привет. Все рады, довольны, и обе стороны вздыхают с облегчением. Начальник департамента Торхус был здесь с цветами и спрашивал о тебе. Просил тебя поздравить.

— Что сказал Мёллер? — повторил Харри.

Лиз вздохнула.

— Ну хорошо, я передала ему твою информацию, и он ее проверил.

— И что?

— Ты ведь знаешь, насколько маловероятно, что Брекке имел отношение к тому изнасилованию, верно?

— Да.

Она услышала, как Харри с шипением затянулся.

— Наверное, тебе надо забыть об этом деле, Харри.

— Почему?

— Бывшая любовница Брекке даже не поняла

вопросов. Она бросила его, потому что решила, что он зануда, и только. И… — Она сделала вдох. — И кроме того, его не было в Осло, когда это случилось с твоей сестрой.

Лиз пыталась понять, как он воспринял ее слова.

— Мне жаль, — проговорила она.

И услышала, как упала сигарета и резиновый каблук раздавил ее на каменном полу.

— Хорошо, я просто хотел узнать, как у тебя дела, — сказал он. Ножка стула скрипнула по полу.

— Харри?

— Я здесь.

— Только об одном прошу тебя. Возвращайся, обещаешь? Не оставайся там.

Она услышала, как он вздохнул.

— Я вернусь, — сказал он бесцветным голосом, словно повторяя надоевший припев.

Глава 54

Он смотрел, как в одинокой полоске света, пробившейся вниз через щель в досках над ними, танцует пыль. Рубашка тесно обхватила тело, словно до смерти напуганная женщина, по губам струился пот, вонь поднималась от земляного пола и вызывала тошноту. Но потом он получил трубку, рука держала иглу, замазывала отверстие черной смолой, тихо держала трубку прямо над пламенем, и контуры снова стали смягчаться. После второй затяжки перед ним появились они: Ивар Лёкен, Джим Лав, Хильде Мольнес. После третьей пришли все остальные. Кроме одного человека. Харри втянул дым в легкие, задержав дыхание так долго, что чуть не лопнул, и тогда пришла она. Она стояла в дверях на веранде, освещенная солнцем. Два шага, и вот она уже парит в воздухе, легко вытянувшись в мягкую карандашную линию, тихо-тихо, словно целуя, разбивает водную гладь и уходит все глубже и глубже под воду, пока волны не смыкаются над ней. Остаются лишь легкие пузырьки на поверхности да вода ударяется о край бассейна. И

снова тихо, в зеленоватой воде вновь отражается небо, словно никто в нее никогда не нырял. Он затянулся в последний раз, лег на бамбуковую циновку, закрыл глаза. И тогда до него донесся легкий всплеск от руки, рассекающей воду.